

3507
М. 43

МЕЖДУ- НАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДENA ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

И Н С Т И Т У Т С Ш А

М Е Ж Д У -
Н А Р О Д Н Ы Е
К О Н Ф Л И К Т Ы

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
МОСКВА · 1972

Авторы глав: Введение — *В. И. ГАНТМАН*, гл. I — *В. В. ЖУРКИН*, гл. II — *В. И. ГАНТМАН*, гл. III — *Д. М. ПРОЭКТОР*, гл. IV — *Анат. А. ГРОМЫКО*, гл. V — *Ю. А. ЮХАНАНОВ*, гл. VI — *Е. М. ПРИМАКОВ*, гл. VII — *В. В. ЖУРКИН* и *В. А. КРЕМЕНЮК*, гл. VIII — *О. Н. БЫКОВ*, гл. IX — *Е. С. ПЧЕЛИНЦЕВ*, гл. X — *Анат. А. ГРОМЫКО*, гл. XI — *В. В. ЖУРКИН*.

Под редакцией
В. В. ЖУРКИНА и *Е. М. ПРИМАКОВА*

М 43 **Международные конфликты.** М., «Междунар. отношения», 1972.

240 стр.

В послевоенные годы мир не раз был свидетелем острейших международных конфликтов и кризисов, порожденных политикой империализма. Основные закономерности возникновения и развития таких конфликтов и кризисов, их типы и формы, характерные черты и особенности анализируются в данной книге.

Авторы подробно исследуют существующие в современном мире зоны опасных международных кризисов. Даётся анализ факторов, обуславливающих своеобразие кризисных ситуаций в нынешних и потенциальных «горячих точках» планеты. Детально рассматриваются способы, перспективы и возможности урегулирования международных конфликтов и кризисов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	5
Раздел первый	
ПРИРОДА И ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ	
Г л а в а I. ПОЛИТИКА ИМПЕРИАЛИЗМА — ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ И КРИЗИСОВ	12
Природа современных международных конфликтов	12
Политика с «позиции силы»	16
Место международного конфликта в борьбе двух систем	19
Новые сдвиги в глобальной расстановке сил и между- народные конфликты 70-х годов	22
Г л а в а II. ТИПЫ, СОДЕРЖАНИЕ, СТРУКТУРА И ФАЗЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНФЛИКТА	27
Типы современных международных конфликтов	27
Содержание и структура международного конфликта	39
Фазы развития международного конфликта	50
Г л а в а III. МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ И СОВРЕ- МЕННАЯ ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ ИМПЕРИАЛИЗМА	55
Военная сила в международных конфликтах	55
Модификация военной доктрины	57
Военная стратегия и конфликты	65
Раздел второй	
ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ И КРИЗИСОВ 60—70-х ГОДОВ	
Г л а в а IV. КАРИБСКИЙ КРИЗИС	70
Подготовка правительством США карибского кризиса	70
Дипломатические усилия СССР по ликвидации кризиса	82
Г л а в а V. АГРЕССИЯ США В ИНДОКИТАЕ	96
Интервенция империализма во Вьетнаме	97
Лаосский конфликт	106
Камбоджийский конфликт	115
Политика «вьетнамизации» и война в Индокитае	118

Г л а в а VI. БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КОНФЛИКТ . . . . .

121

Экспансионизм Израиля	122
Израиль в планах империализма	126
Перспективы урегулирования	135

Г л а в а VII. ИНДО-ПАКИСТАНСКИЙ КОНФЛИКТ

1971 ГОДА	139
---------------------	-----

Истоки конфликта	140
Военный режим Исламабада — инициатор конфликта	142
Роль Вашингтона и Пекина	144
Путь к укреплению безопасности в Индостане	146

Г л а в а VIII. МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ

И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО	148
--	-----

Общие и специфические интересы империалистических держав	149
Конфронтация главных мировых сил	153
«Ограниченнная» война американского империализма .	156
Прямое вмешательство США	161
Конфликты без непосредственного вмешательства США	162

Раздел третий

ДВА ПОДХОДА К МЕЖДУНАРОДНЫМ КОНФЛИКТАМ

Г л а в а IX. СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНОПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ . . . . .

169

Традиционные средства мирного разрешения конфликтов	170
Международная организация и мирное разрешение конфликтов	182
Значение полномочий ООН по восстановлению международного мира для урегулирования межгосударственных конфликтов	193
Возможности совершенствования способов разрешения международных конфликтов	198

Г л а в а X. «КРИЗИСНАЯ ДИПЛОМАТИЯ» ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ . . . . .

203

Природа «кризисной дипломатии»	203
Признание неудач «кризисной дипломатии»	206
«Новая» и «кризисная дипломатия» Вашингтона . . .	208
Кризис «кризисной дипломатии»	215

Г л а в а XI. О РОЛИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В БОРЬБЕ ЗА ЛИКВИДАЦИЮ ОЧАГОВ ВОЙНЫ, ЗА УКРЕПЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ . . . . .

218

Примечания . . . . .

227

На редкость сложная, насыщенная острой политической борьбой, резкими поворотами событий международная действительность середины XX века породила немало международных конфликтов несходного происхождения, остроты, масштаба, длительности.

Эти конфликты приводили порой к опасным международно-политическим кризисам и вооруженной борьбе, порождавшим серьезные последствия. Некоторые из них оказались устойчивыми, затягиваясь на годы и десятилетия, другие, затихнув на время, при определенных условиях вспыхивали с новой ожесточенностью. Иногда конфликты сменяли друг друга, перебрасываясь с континента на континент. Нередко они одновременно развивались в разных частях земного шара, сохраняя между собой определенную взаимозависимость. На протяжении всего послевоенного периода в Азии не прекращаются вызванные агрессивной и провоцирующей политикой империализма международные конфликты в самой острой и опасной их форме — вооруженного конфликта.

Берлинские кризисы 40—60-х годов, агрессия США в Корее, война Франции в Индокитае, карibbeanский кризис, кипрский конфликт, вторжение США в Доминиканскую Республику, нападение Англии, Франции и Израиля на Египет в 1956 году, англо-американское вторжение в Ливан и Йорданию в 1958 году, индо-пакистанский конфликт по поводу Кашмира 1947—1965 годов, агрессия США против народов Индокитая, агрессия Израиля против арабских стран в 1967 году, индо-пакистанский конфликт 1971 года — таков далеко не полный перечень международных конфликтов, приводивших иногда к острым международно-политическим кризисам и длительным военным действиям.

Такие конфликты во многом отличаются друг от друга

то природе и типам, содержанию и структуре, конкретному ходу и исходу развития. Они требуют дифференцированного научного и политического подхода. Однако за внешними признаками индивидуальности, несходства во всех этих международных конфликтах просвечивает общая основа.

Они возникали прежде всего как прямое или косвенное выражение главного противоречия эпохи, борьбы двух социально-экономических систем на мировой арене, а также других, так или иначе связанных с этим противоречий современного мира и отражали сложные и динамично развивающиеся условия этой борьбы, расстановку и соотношение сил двух систем.

Они возникали в определенной развивающейся системе международных отношений, в которой борьба противоположных мировых сил играла стержневую, формирующую для системы и ее структуры роль.

Международные конфликты, доходящие до вооруженной борьбы, возникали не как естественный и неизбежный результат развития противоречий и борьбы двух систем, а как итог сознательной и планомерно осуществляемой (хотя нередко, наоборот, они рождались в итоге авантюристического просчета) внешнеполитической стратегии и тактики империалистических держав, а также созданных ими военно-политических блоков и сети двусторонних военно-политических связей. Все это как бы сцепляет все международные конфликты послевоенного периода, возникавшие в разное время и в разных точках, в единое целое, в некую систему.

Раз возникнув, такие конфликты, в свою очередь, играют существенную роль в системе международных отношений, нередко влияют на характер и ход развития не только конфликтных ситуаций, но и международных отношений в целом.

Можно с достаточным основанием предположить, что агрессивные круги могли бы и в 70-е годы при известных обстоятельствах искать выхода в подготовке и разжигании международных конфликтов. В попытках империализма выработать некую общую или скоординированную политическую и военную стратегию в отношении мирового социализма, национально-освободительного движения, внутренних революционных сил, создание и подталкивание им эскалации международных конфликтов играет и, по-видимому, будет еще играть свою роль.

Не секрет, что именно в напряженных кризисных условиях способных усилить конкретную угрозу столкновения государств двух систем, империализм мог бы под флагом «угрозы коммунизма» добиваться (правда, в известных пределах) сплочения своих рядов, единства действий. Однако развитие вооруженной борьбы в ходе международного конфликта, наоборот, может порождать в империалистическом лагере и центробежные силы. Ход агрессии США в Индокитае выявил как раз такую тенденцию, стремление даже союзников США по военно-политическим блокам уйти от прямого втягивания в конфликт.

В нынешней мировой ситуации, при сложившемся соотношении сил двух социально-экономических систем в пользу социализма, который становится решающим фактором международных отношений, не существует «запрограммированной», фатальной неизбежности автоматического перерастания каждого международного конфликта, даже достигшего в своем развитии фазы кризиса или вооруженного столкновения, в мировую войну с применением современных средств борьбы. Нельзя преувеличивать возможность распространения любого конфликта, возникшего в тех или иных региональных границах, на другие районы мира, его интернационализации и глобализации. История почти тридцатилетнего периода, прошедшего со времени окончания второй мировой войны, не дает оснований для подобных выводов.

Однако тот же исторический опыт показал, что международный конфликт, даже локализуясь в узких пространственных границах, может превратиться в длительный, развивающийся по восходящей и достигающий наиболее опасных фаз развития конфликт. Становясь вооруженным конфликтом, он может при известных обстоятельствах привести к возрастанию масштабов применения оружия, к вводу в действие оружия массового уничтожения. Это, в свою очередь, способно порождать в принципе угрозу глобализации конфликта, вести к втягиванию в него ядерных держав.

Но даже надолго, «прочно» локализованный вооруженный конфликт способен оказывать серьезное воздействие на международные отношения, резко усиливая общую напряженность и порождая цепную реакцию конфликтных ситуаций. Опасность перерастания международных конфликтов в вооруженное столкновение госу-

дарств двух социально-экономических систем и глобализации такого столкновения оказалась бы особо серьезной, именно в Европе, где непосредственно противостоят главные военные силы двух мировых систем. Такую угрозу, даже если ее вероятность не слишком велика, игнорировать нельзя.

При тесных взаимосвязях, существующих в современном мире, и при наличии у государств средств массового уничтожения последствия международных конфликтов, особенно в стадиях кризисов и вооруженных столкновений, для миллионов людей были бы весьма тяжелыми.

Империалистические круги используют международные конфликты как орудие в борьбе с мировым социализмом, национально-освободительным движением и внутренними революционными силами в капиталистических странах.

Именно поэтому во внешней политике Советского Союза и других социалистических стран борьба с возникновением и развитием международных конфликтов занимает исключительно важное место. Советский Союз совместно с другими странами социалистического содружества твердо и последовательно выступает в поддержку законных прав народов и государств, ставших жертвами империалистической агрессии, за справедливое политическое урегулирование международных конфликтов, за полное искоренение причин, их порождающих. Во внешнеполитической программе, выдвинутой XXIV съездом КПСС, первостепенная роль отводится борьбе за ликвидацию опасных очагов напряженности, связанных с самыми острыми международными конфликтами наших дней — агрессией США в Индокитае и агрессией Израиля при поддержке определенных кругов американского империализма против арабских народов. Внешнеполитическая деятельность Советского правительства оказывает огромное оздоровляющее воздействие на международную обстановку, ведет к новым конкретным шагам по упрочению мира и безопасности народов.

Международные конфликты привлекают пристальное внимание ученых. Правящие круги империалистических стран в известной мере стимулируют интерес буржуазных специалистов к этой теме иногда путем прямых заказов, а иногда в более деликатной, косвенной форме.

В последние 15—20 лет (отдельные работы появлялись и раньше) на Западе возникла весьма обширная и

разнородная по подходу, взглядам и уровню литература, посвященная международному конфликту в целом или отдельным его аспектам. Наряду с традиционными, историческими по характеру работами различных «научных школ» и направлений, посвященными тому или иному конкретному международному конфликту прошлого или настоящего либо претендующими на теоретико-концептуальное значение, появилось много книг и статей так называемых «модернистов», сосредоточившихся на исследовании международного конфликта и построении «теории» конфликта разнообразными «новыми» методами с применением ЭВМ. Существует также течение (само по себе идеологически и политически весьма пестрое), интересующееся проблемами «исследования мира», разрешения конфликтов мирными способами. Эта литература и в идеологическом, и в методологическом плане заслуживает подробного критического анализа.

Однако далеко не все работы, возникающие в русле исследования международного конфликта, имеют сколько-нибудь ощущимую научную ценность. Многие из нихвольно или невольно скатываются до уровня весьма прикладного, вульгарного, апологетического обоснования политики империалистических держав, служат только целям пропаганды. По-видимому, они лежат за пределами даже буржуазной науки.

Подлинно научная марксистско-ленинская мысль внесла решающий вклад в исследование и теоретическое обобщение международных конфликтов прошлых веков, особенно XIX века, международных конфликтов современности. Широко известны основополагающие труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, в которых глубоко рассматриваются эти проблемы. Марксистско-ленинские идеи творчески развиты применительно к современной международной обстановке в программных документах КПСС, особенно материалах XX — XXIV съездов, внешнеполитических актах Советского Союза. Большое значение для разработки научных и политических проблем международного конфликта, особенно в связи с мировым революционным процессом, имеют документы Московского совещания представителей коммунистических и рабочих партий 1969 года, материалы встреч представителей братских партий.

Серьезная научная разработка и теоретическое осмысление основных конкретных международных конфликтов

довоенного и послевоенного периодов, не говоря уже о мировых войнах, ведется в СССР и других социалистических странах не первый год. В ряде коллективных работ и индивидуальных монографий, а также в статьях советских ученых эти вопросы получили серьезное марксистско-ленинское освещение.

В последние годы научные сотрудники Института мировой экономики и международных отношений АН СССР и Института США АН СССР осуществляют разработку вопросов конкретных международных конфликтов, вызванных политикой империализма в Индокитае, на Ближнем Востоке и в других районах мира, исследования путей предотвращения таких конфликтов в Европе с помощью надежной системы европейской безопасности, теоретический анализ международного конфликта в нашу эпоху, прежде всего проблемы войны и мира, наконец, проводят критический разбор новейших буржуазных «теорий» конфликта.

Предлагаемая книга является своеобразным итогом нынешнего, во многом начального этапа исследований авторского коллектива, состоящего из научных сотрудников двух этих институтов. Будучи едиными в методологии исследования международного конфликта, авторы смогли сообща продумать некоторые основные представления об изложенных в работе проблемах. Это не лишает, однако, естественной индивидуальности авторов в подходе к тем или иным частным вопросам в написанных ими главах.

Авторы исходили при разработке структуры работы и ее написании из некоторых основных принципов. Прежде всего авторский коллектив добивался сочетания теоретического и конкретно-исторического подхода к изучению международного конфликта. Это отражено в характере первого, теоретического, раздела монографии и особенно ее второго раздела, содержащего анализ карийского кризиса, конфликта в Индокитае, ближневосточного конфликта, индо-пакистанского конфликта, влияния этих конфликтов на межимпериалистические отношения.

Эта книга — опыт системного исследования международного конфликта наряду с его историческим анализом.

Авторы стремились создать не отвлеченное академическое исследование, а работу, имеющую определенное практическое значение. Третий раздел работы посвящен анализу международных способов предотвращения и ликвидации конфликтов и рассмотрению двух противопо-

ложных внешнеполитических линий в отношении международных конфликтов — империализма и социализма.

Участники авторского коллектива хотели создать научную монографию, обращенную не только к специалистам, но и к широкому советскому читателю. Некоторые проблемы изложены поэтому в работе с необходимой простотой, хотя при этом авторы стремились избегать упрощений и схематизации.

Книга не претендует на исчерпывающий охват всех возможных при анализе международного конфликта вопросов. Авторы старались сконцентрировать свое внимание на основных, принципиальных, с их точки зрения, вопросах, выявить суть, ядро исследуемой проблемы.

Авторский коллектив исходил из убеждения, что работа по изучению международного конфликта в целом и отдельных его аспектов в теоретическом и практическом планах будет продолжена и расширена советскими учеными. Авторы надеялись, что данная книга как первый в советской научной литературе опыт систематизированного изучения международного конфликта может в какой-то мере помочь в определении направлений дальнейшего исследовательского поиска.

Раздел первый

ПРИРОДА И ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

Глава I

ПОЛИТИКА ИМПЕРИАЛИЗМА — ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ И КРИЗИСОВ

Природа современных международных конфликтов

Международные конфликты существуют столько, сколько и сама система международных отношений; они всегда были важным ее элементом. Международно-политические кризисы как наиболее острое развитие конфликта не раз являлись прелюдией к крупным войнам, в том числе в XX веке — к первой и второй мировым войнам.

Исторически международные конфликты приобретали особенно острый характер, когда они возникали в результате борьбы государств уходящей социально-экономической формации со странами новой формации, то есть в процессе классовой борьбы на международной арене. Именно такой период переживает человечество сейчас. В отличие от всех прошлых переломных эпох в международных отношениях, когда сталкивались государства эксплуататорского типа, в нашу эпоху опасность таких конфликтов неизмеримо повышается.

Главный инициатор международных конфликтов и возникающих в ходе их развития кризисов XX века — империализм. Он породил все крупные конфликты и кризисы, приводившие к войнам или резко повышавшие угрозу войны. Вместе с тем на разных этапах при сохранении неизменной их природы многие характерные черты конфликтов существенно менялись. В период до первой мировой войны главной причиной их были межимпериалисти-

ческие противоречия, борьба за передел мира, за рынки сбыта и источники сырья. На первом этапе общего кризиса капитализма все больше конфликтов порождала борьба империализма против первого в мире социалистического государства и мирового революционного движения. После второй мировой войны и возникновения мировой системы социализма главным источником международных конфликтов стала агрессивная политика империализма, в особенности империализма США, направленная против революционных сил современности, в первую очередь против Советского Союза и всего социалистического содружества.

Однако в современных условиях возможности империализма в этом плане ограничены мощью противостоящих ему антиимпериалистических сил, его экономическими, политическими, военными, идеологическими потенциями, характером и состоянием межимпериалистических противоречий, позицией нейтраллистских сил, прямо не участвующих в конфликтах. Главный из этих факторов — сила мировой социалистической системы, национально-освободительного движения, других революционных отрядов, противостоящая силе империализма. В зависимости в первую очередь от соотношения сил империализм располагал разными возможностями в разные периоды. До начала общего кризиса капитализма эти возможности были практически неограниченными. С начала общего кризиса они постоянно сокращаются.

Сужение возможностей империализма — главная тенденция в эволюции международных конфликтов. Она особенно отчетливо проявляется в послевоенный период, в рамках которого можно выделить несколько этапов. В основе такого деления на этапы лежит процесс изменения расстановки сил в мире в пользу социализма, сужающий возможности империализма проводить политику агрессии.

Первый этап (конец 40 — начало 50-х гг.) совпадает с периодом господства «холодной войны» и подготовки империалистами нападения на Советский Союз и другие социалистические страны. Конфликты и порождаемые ими кризисы рассматривались лидерами США и других империалистических держав как всего лишь повод для такого глобального конфликта. Однако ощущив в процессе этих конфликтов и кризисов (таких, как берлинский 1948—1949 гг., корейский 1951—1953 гг. и др.) мощь и

решимость социалистических стран к борьбе с империалистической агрессией, правящие круги Запада не решились на развязывание всеобщей войны.

На втором этапе (вторая половина 50-х гг.) империалистические державы делают ставку на то, чтобы добиться своих целей не только и не столько путем всеобщей войны (подготовка к ней продолжается, но одновременно растет сознание опасности, которую она представит для самого агрессора), сколько при помощи постоянной угрозы войной. Впрочем, реальная расстановка сил в мире предопределила несостоительность подобных попыток, что наглядно проявилось, в частности, в развитии ближневосточного конфликта и порожденных им кризисах в 1956 и в 1958 годах.

Быстрое укрепление мощи СССР и всего социалистического содружества, выразившееся, в частности, в создании советского ядерного, а затем и ракетно-ядерного потенциала, привело к тому, что развязывание всеобщей войны стало чревато для агрессора полной катастрофой. В результате политика запугивания ядерной войной в процессе международных конфликтов оборачивалась в решительный момент против империалистов. Главным средством достижения их целей оказывалось именно то, которое они не могли позволить себе применить, сознавая катастрофичность неизбежных последствий. Это особенно ярко проявилось в наиболее опасном кризисе послевоенного периода — в карийском (1962 г.).

На следующем этапе (60-е гг.), сознавая самоубийственный характер всеобщего глобального конфликта и в то же время не прекращая подготовки к нему, империализм переносит центр тяжести в своей борьбе против социалистической системы и других антиимпериалистических сил на локальные агрессивные акции. Расчет был сделан на то, чтобы ускоренным темпом развить способности к ведению различных видов войн на уровнях, лежащих ниже всеобщего термоядерного конфликта, и добиться своих целей на этих уровнях, прикрываясь, как щитом, стратегическими силами, в первую очередь стратегическими силами США. Эта стратегия породила серию острых международных конфликтов, наиболее крупными из которых являются индокитайский и ближневосточный, унаследованные человечеством в 70-е годы.

Реальность, которая выражается в новых крупных сдвигах в расстановке сил в мире, произошедших за

последнее десятилетие, обусловила бесперспективность и локальных агрессивных акций. Они либо завершаются поражением агрессора, либо (как минимум) не приносят ему искомых результатов и при этом ведут к неизбежным людским, материальным и моральным потерям и ущербу, несоизмеримым, как правило, с результатами, на которые он рассчитывал. Наглядное тому свидетельство — весь ход агрессии США во Вьетнаме.

В 70-е годы начинается новый этап, который имеет свои особенности. Они проявляются в специфике современной политики империализма, прежде всего США, в особенностях нынешней глобальной расстановки сил и в характере той угрозы, которую сейчас представляют для мира международные конфликты.

Конечно, современный мир сложен и многообразен. В нем существует немало межгосударственных конфликтов, представляющих собой результат резкого, взрывного обострения противоречий, приводящего к вооруженному столкновению. Многообразие конфликтов обусловлено многообразием международных противоречий. В настоящее время кроме главного противоречия нашей эпохи между социализмом и капитализмом, а также такого важного комплекса, как противоречия между империализмом и национально-освободительным движением, источниками конфликтов могут быть противоречия между империалистическими державами и развивающимися странами, между империалистическими государствами, между странами «третьего мира». Наконец, в особых, исключительных случаях почва для межгосударственных столкновений может быть создана раскольническими, шовинистическими силами, которым удалось встать у власти в государстве, строившем социализм, как это произошло в КНР. Однако только в результате вмешательства одной или ряда главных империалистических держав такие конфликты начинают угрожать миру не только в отдельном малом или большом районе, но и во всем мире. Они перерастают в международно-политические кризисы, которые представляют собой наиболее острую в современной обстановке форму проявления противоречий в международных отношениях между империализмом и основными революционными силами и их союзниками. Такие кризисы возникают в результате порождаемых агрессивной политикой империализма локальных конфликтов между двумя странами или группами стран, и в них

вовлекаются главные силы двух противоположных систем — социализма и капитализма.

При рассмотрении международных конфликтов и кризисов начала 70-х годов следует учитывать, что они представляют собой сочетание — и порой довольно причудливое — стабильных качеств, присущих этим явлениям международной жизни на протяжении всего послевоенного периода, с новыми свойствами, которые лишь недавно проявились четко или только еще неясно обозначились.

Политика с «позиции силы»

Международные конфликты и кризисы — это главная форма, в которой непосредственно, реально осуществляется применение империализмом силы в современных условиях.

Формы применения империализмом силы изменились по мере сдвигов в глобальной расстановке сил. Это наглядно проявилось в эволюции основных военно-политических доктрин империалистических держав. Так, в военно-политических доктринах США в разное время в комплексе различных способов использования военной силы на первый план выдвигались подготовка к внезапному атомному нападению на СССР («превентивная война»), угроза ядерного нападения, ядерный шантаж («массированное возмездие»), сочетание этой угрозы с упором на локальные войны, противопартизанские кампании и однотипные военные акции («гибкое реагирование»). Таким образом, в основе этой эволюции лежал постоянный поиск способов и форм применения силы, прежде всего военной силы. На практике наиболее острой из таких форм стали локальные агрессивные акции, порождающие международные конфликты и кризисы.

Характерно, что в ходе крупных международно-политических кризисов империализм использует весь свой арсенал: как силы и средства обычной или противопартизанской войны, так и — в форме открыто сформулированной или подразумевающейся угрозы — стратегические силы и средства ракетно-ядерной войны.

Западными политиками выработано несколько основных типов применения силы в локальных агрессивных акциях.

Это прежде всего демонстрация силы для запугивания, устрашения, для шантажа, а порой и в качестве

блефа. При этом применение вооруженной силы либо вовсе не предусматривается, либо рассматривается как крайне нежелательное. Ярким примером подобных демонстраций были действия Запада в берлинских кризисах 1948—1949 годов, 1958—1959 годов, 1961 года, акции США в период лаосских кризисов 1961—1962 годов и многие другие.

Второй тип — сравнительно короткие акции, более или менее четко ограниченные во времени и проводимые с активным использованием вооруженных сил. Так было во время агрессии Израиля и его союзников против Египта в 1956 году, интервенции США в Ливане в 1958 году и в Доминиканской Республике в 1965 году, а также в ряде других случаев.

Третий тип — длительные боевые действия, фактически представляющие собой то, что западные военно-политические теоретики называют «ограниченными войнами». Характерный пример таких действий — агрессия США во Вьетнаме.

В разные периоды выходили на первый план разные формы и способы применения империализмом военной силы против своих противников. Для начала 70-х годов характерной является дискредитация того способа применения силы, который считался наиболее эффективным на протяжении предыдущего десятилетия, — локальных и противопартизанских войн.

Это проявилось в первую очередь в военной неудаче Соединенных Штатов во Вьетнаме: могущественнейшая держава империализма оказалась не в состоянии добиться победы над относительно немногочисленным народом. Несспособность достичь целей, ради которых совершалась агрессия, оказалась лишь одним из проявлений общего кризиса империалистической политики военных авантюров. Локальная интервенция, которую Пентагон рассчитывал провести, не затрачивая больших сил и средств, в конце концов привела агрессора к потере десятков тысяч солдат и офицеров, к расходам почти в 200 млрд. долл., послужила толчком к развитию болезненного внутриполитического кризиса и кризисным явлениям в экономике страны, явившись одной из главных причин валютно-финансового кризиса. Все это было неожиданностью для руководящих кругов Запада, длительное время рассматривавших ход вьетнамской авантюры как частную, случайную неудачу.

Неудача американского империализма во Вьетнаме, воспринятая в мире как общее поражение всех агрессивных сил, породила несколько новых тенденций в политике США.

Одна тенденция выразилась в стремлении избегать втягивания в новые крупные конфликты, действовать более осторожно. В американской политике стал явно заметен страх перед «новыми Вьетнамами». В результате в этой политике проявились элементы более осторожного подхода в действиях применительно к ситуациям, которые могли бы привести к новым международным кризисам, например в Латинской Америке и Европе.

Другая тенденция проявилась в стремлении усовершенствовать, «рафинировать» средства и способы применения силы, сделать их тем самым более эффективными. В частности, в США реализована система мер, направленных на модернизацию всего механизма осуществления такой политики. Предпринята попытка упорядочить аппарат принятия решений на высшем уровне, рационализировать его деятельность, опираясь на современные принципы системного подхода. Для этого повышена роль Совета национальной безопасности, усиливается координация деятельности всех органов, ведающих осуществлением внешнеполитического курса США, и впервые создан особый орган для выработки набора окончательных решений в международно-политических кризисах — Вашингтонская группа специальных действий¹. Ускоренными темпами развиваются средства осуществления политики в ходе международно-политических кризисов с использованием последних достижений научно-технической революции в военном деле.

Одновременно проявляется также стремление осуществлять массированные и быстрые агрессивные акции, своего рода «локальные блицкриги». Они нацелены заменить признанную неудачной политику постепенной эскалации агрессии. Налицо также стремление проводить своего рода «политику свершившихся фактов», то есть сочетать короткие агрессивные акции с таким политическим обеспечением их (например, при помощи «вьетнамизации» агрессии в Индокитае), которое позволяло бы опережать кампании протesta и тем самым снижать их эффективность.

Таким образом, шел интенсивный поиск новых, более эффективных, разработанных с учетом изменений в мире

форм и способов применения силы. Такова основная тенденция развития военно-политических доктрин и концепций империалистического лагеря.

Место международного конфликта в борьбе двух систем

Масштабы угрозы миру, происходящей из политики империалистических держав, в международных конфликтах обусловлены тем, что порождаемые конфликтами международно-политические кризисы являются в 60-х и 70-х годах наиболее острой формой реальной конфронтации основных держав двух противоположных социально-экономических систем.

Международно-политические кризисы всегда в прошлом были прелюдией к большим, в том числе и мировым, войнам. Так было в канун первой и второй мировых войн. Однако тогда существовал и активно применялся агрессором целый набор возможных способов начать крупные войны. В настоящее время такие кризисы стали главным (если не единственным) путем, по которому может произойти соскальзывание к мировому ракетно-ядерному конфликту. Возможность других путей стала гораздо менее вероятной. Это относится в первую очередь к возможности заранее спланированного ракетно-ядерного нападения, которое грозит агрессору уничтожением, а также и к таким формам, как случайное возникновение войны или начало ее в результате провокации, организованной третьей стороной, хотя полностью угроза всего этого не устранена. Однако гораздо более вероятной остается опасность сползания к грани всеобщей войны в результате попыток агрессора взять реванш за свои неудачи, увеличивая масштабы конфликта.

К такого рода действиям, в частности к применению ядерного оружия, не раз призывали представители военных кругов США — генерал Макартур в ходе корейской войны (1950 и 1951 гг.), адмирал Рэдфорд во время сражения под Дьенбьенфу (1954 г.), генерал Лемнитцер в период лаосского кризиса (1961 г.). Возможности действий, которые могли бы привести к резкому расширению конфликта, рассматривались и в ходе эскалации агрессии в Индокитае во второй половине 60-х годов².

Заложенная в современных международных кризисах военная угроза особенно усугубляется рядом обсто-

ятельств, в первую очередь наличием и непрерывным ростом запасов и совершенствованием ракетно-ядерного оружия.

В последнее десятилетие появилась тенденция к усложнению характера международных конфликтов. Они стали принимать более затяжной, болезненный и опасный характер, чем прежде. В результате сдвигов в мировой расстановке сил, уменьшающих опасность заранее запланированного глобального конфликта, в последние годы до некоторой степени постепенно снижается «уровень неразрешимости» глобальных международных проблем (таких, например, как сокращение вооружений). Одновременно несколько повышается «уровень неразрешимости» региональных конфликтов, в частности из-за попыток агрессивных сил спекулировать на вполне обоснованном стремлении народов избежать мировой термоядерной катастрофы и связанных с этим расчетов империалистических сил на свободу рук при совершении агрессивных акций.

В настоящее время международно-политические кризисы быстро (чуть ли не мгновенно) приобретают всеобщий характер, втягивают прямо или косвенно все крупнейшие державы мира и военные коалиции. Эта всеобщность современных кризисов обусловлена прежде всего последствиями научно-технической революции, приведшей к созданию глобальной системы коммуникаций, средств массовой информации, комплекса военно-технических средств, позволяющих в невиданные ранее сроки концентрировать силы в зоне кризиса. В большой мере способствует этому и разделение мира на противостоящие друг другу военные блоки, явившиеся следствием послевоенного курса империалистических держав.

Следует подчеркнуть, что значительную дополнительную опасность представляет имеющийся в современных международных конфликтах, особенно в международно-политических кризисах, «неконтролируемый элемент», то есть совокупность факторов, которые дают возможность тем или иным силам создать ситуации, обостряющие конфликт, подталкивающие крупные державы на более активные действия. Иными словами, речь идет о способности агрессивных сил в средних и даже малых капиталистических странах, оставаясь в рамках общей зависимости от главных империалистических держав, предпринимать и некоторые самостоятельные акции, которые

могут резко обострять течение кризиса и подталкивать в отдельных случаях эти державы на путь более опасных действий по сравнению с первоначально планируемыми.

Характерен в данной связи пример взаимоотношений реакционных кругов американского империализма и Израиля. Оставаясь в общей зависимости от американского империализма, правящие круги Израиля, особенно их экстремистское крыло, в состоянии совершать и самостоятельные, не согласованные с Вашингтоном провокационные акции против арабских стран, которые вызывают обострение конфликта. Международно-политический кризис — явление настолько опасное, что даже и сравнительно мелкие обострения обстановки могут порождать крайне взрывчатую цепную реакцию.

Наличие «неконтролируемого элемента» в современных международных конфликтах и кризисах обусловлено совокупностью разнородных факторов. В основе действий международных провокаторов лежит спекуляция на вполне обоснованном стремлении крупных держав не доводить дело до прямого глобального столкновения. Отсюда делается вывод, что младший партнер может позволить себе больше, используя «стратегическое равновесие» сил. Подобные акции облегчаются тем, что в век научно-технической революции в военном деле даже малая страна может иметь достаточно средств для операций довольно большого масштаба. Крупные империалистические державы втягиваются в такие акции в силу общей империалистической концепции, жестких обязательств, которые могут иметь державы в отношении своих союзников, престижных соображений, наконец, расчета на то, что действия, начатые младшим партнером, могут привести к общему успеху агрессивных империалистических сил.

Опасно, что «неконтролируемый элемент» в международных конфликтах и кризисах постепенно растет. Это обусловлено прежде всего развитием процесса многополярности в империалистическом лагере, появлением в нем новых центров. В определенной мере может способствовать указанному процессу провозглашенный Соединенными Штатами в рамках «доктрины Никсона» и доктрины «реалистического сдерживания» принцип «партнерства». Осуществляемое в соответствии с принципом «партнерства» наращивание военных потенциалов союзников США, на которых предполагается переложить

основное бремя осуществления совместных локальных военных акций, может расширить возможности авантюристических сил в среде этих союзников и марионеток.

Вред, наносимый международными конфликтами и кризисами общей обстановке в мире, международному климату, не ограничивается главной угрозой, которая в них заложена, — угрозой войны. Они ведут к усилению международной напряженности, возрождению «холодной войны», могут надолго обострять отношения между великими державами. Они подстегивают гонку как обычных вооружений, используемых в локальных военных конфликтах, так и стратегических. Агрессивные империалистические круги используют складывающуюся в ходе и в результате конфликтов и кризисов обстановку для обоснования призывов к ускорению роста вооружений. Наконец, международные конфликты и кризисы ведут к разрыву международных экономических связей, к потрясениям в системе международных экономических отношений как прямо (например, выход из строя Суэцкого канала в результате израильской агрессии), так и косвенно. В частности, правые круги в США, раздувая шовинистические настроения, используют факт советской военной помощи германскому вьетнамскому народу для оправдания политики противодействия развитию советско-американских экономических связей, в которых заинтересованы народы обеих стран.

Таким образом, международные конфликты представляют собой постоянную угрозу миру и безопасности народов. Характер этой угрозы многообразен, но при всех различиях в форме он не меняется по существу. Именно поэтому в программе мира, сформулированной XXIV съездом КПСС, на первом месте стоят задачи борьбы за ликвидацию и предотвращение такого рода опасных явлений международной жизни. Эти задачи реальны и осуществимы. Укрепление могущества сил мира, имеющиеся у них возможности противодействия агрессорам создали все необходимые объективные предпосылки их успешной реализации.

Новые сдвиги в глобальной расстановке сил и международные конфликты 70-х годов

Международные конфликты являются особенно наглядной формой, в которой империализм ощущает изменения, происходящие в расстановке сил в мире. Имperi-

алистические державы, измеряющие потенции других стран прежде всего «по силе», не могут в конечном счете игнорировать происходящие изменения.

Начало же 70-х годов ознаменовалось новыми важными сдвигами в глобальной расстановке сил.

Наиболее существенным является дальнейшее укрепление могущества СССР и других стран социалистического содружества. Ныне они в состоянии не только гарантировать неотвратимое уничтожающее возмездие любому агрессору, если бы он решился на мировую войну (тем самым созданы решающие условия для уменьшения угрозы ее), но и могут обеспечить широкую, разностороннюю и своевременную помощь и поддержку жертвам локальных агрессивных акций. Это привело, в частности, к тому, что империализм лишился монополии на современные средства ведения войны.

Важным фактором, затрудняющим локальные агрессивные акции империализма, являются перемены, произошедшие в так называемом «третьем мире». Возникновение здесь системы независимых государств, располагающих значительным весом в мировой политической жизни и выступающих в подавляющем своем большинстве против опасных авантюр империалистических сил, серьезно связывает действия таких сил.

Наконец, их возможности в определенной мере ограничены сдвигами, происходящими внутри империалистического лагеря. Процесс поляризации внутри него, который привел к возникновению в конце 60 — начале 70-х годов новых центров, стремящихся проводить собственный курс и осуществляющих такое стремление на практике, привел к тому, что времена относительно легкого сколачивания коалиций в целях осуществления агрессивных акций отошли в прошлое. В этом, в частности, наглядно убедились руководители США, попробовавшие подойти к созданию новой коалиции для интервенции в Индокитай с мерками времен корейской войны. В результате США оказались вынужденными осуществлять интервенцию чуть ли не в одиночку. Развитие тенденций к самостоятельности в политике ряда крупных держав Запада еще более сузило возможности организаторов международных конфликтов и кризисов.

Действие всех перечисленных факторов, решающим из которых является укрепление могущества СССР и других стран социалистического содружества, является объек-

тивным условием для создания новой обстановки на международной арене, для ликвидации существующих и предотвращения потенциальных международно-политических кризисов. Конечно, возникновение объективных условий не означает автоматического устранения конфликтов из международной жизни. Для ликвидации каждого кризиса и урегулирования конфликта в целом требуются совместные усилия всех противников обострения международной обстановки, активное противодействие и пресечение любых агрессивных акций империализма. Однако создание объективных условий представляет собой основу для успешного развертывания таких действий.

В результате провалов агрессивных акций новые сложные тенденции развиваются в самом империалистическом лагере, лидеры которого в процессе международных конфликтов и кризисов наглядно убеждаются в возможностях своих противников, в той угрозе, которую представляют для самих империалистических держав развязанные ими конфликты. В итоге все большее число политиков империалистического лагеря начинает, хотя и с большим запозданием, осознавать реальность и неотвратимость поражения политики локальных агрессивных акций, угрожающих миру. Тяжелая расплата агрессора, бесперспективность интервенционистских действий, наконец, та угроза, которую представляют международные конфликты для безопасности самих их инициаторов, постепенно начинают восприниматься как закономерные черты современной «кризисной политики».

К тому же международные конфликты все чаще порождают или становятся стимулятором развития внутреннего политического и социального кризиса в стране, явившейся инициатором агрессивных действий. Так было и раньше. Достаточно напомнить кризис во Франции в начале 60-х годов, вызванный войной в Алжире и Индокитае. Однако последние годы дали пример такого интенсивного внутриполитического кризиса, каких еще не было в стане империализма за послевоенные четверть века. Наиболее яркой иллюстрацией может служить подлинный раскол американского общества в связи с вопросом о войне в Индокитае. Еще совсем недавно международные конфликты и разжигаемые в ходе их шовинистические настроения рассматривались в США как важное средство мобилизации общественного мнения на поддержку правительства или, говоря словами видного аме-

риканского теоретика-международника Стэнли Хоффмана, были средством обеспечения «домашних перемирий»³. Теперь они вполне могут быть названы одной из главных причин внутреннего конфликта.

Все эти тяжелые негативные последствия политики, порождающей международные конфликты, привели к возникновению и даже борьбе двух тенденций в правящих кругах империалистических государств. Сторонники агрессивного курса рассматривают конфликты как удобное средство обострения международной обстановки. С их точки зрения, все прошлые международные конфликты и кризисы «окупали себя», несмотря на связанный с ними урон, поскольку давали возможность поддерживать на высоком уровне военные расходы, численность вооруженных сил, обеспечивали подъем джинглистских настроений. Однако неудачный для империализма исход кризисов и конфликтов, тяжелый финансовый урон, порождаемые ими внутренний разлад и раскол привели к тому, что и в этих кругах уже нет былого единодушия.

Представители реалистически мыслящих кругов в правящем классе занимают по отношению к международным конфликтам все более определенно отрицательную позицию. Конечно, их могли бы устроить конфликты, если бы они гарантировали успех и, по возможности, малой кровью и с малыми затратами. Однако многие реалистически мыслящие политики все лучше понимают, что это в современной обстановке исключено. Отсюда стремление ограничить политику международных авантюров, провоцирования международно-политических кризисов.

Борьба между представителями названных тенденций идет как внутри отдельных западных держав, так и в рамках империалистического лагеря в целом. Характерно, что и в руководящих кругах США на рубеже 70-х годов выявились несомненные противоречия. Агрессивные акции, поиск новых более эффективных средств достижения своих целей в международных конфликтах сочетаются с элементами понимания огромной опасности, которую они представляют для самих Соединенных Штатов. Это проявилось и в известном размежевании сил в правящих кругах и среди военно-политических теоретиков, в официальных заявлениях некоторых политических деятелей США. В частности, на подобную опасность неоднократно указывал президент Р. Никсон.

Еще ранее с реалистических позиций к международ-

ным конфликтам и кризисам начали подходить и другие западные державы. Так, Франция, начав с отказа поддержать те или иные локальные военные акции других западных держав, к концу 60-х годов заняла весьма последовательную позицию осуждения инициаторов международно-политических кризисов и поддерживает усилия по их мирному и справедливому урегулированию. Франция выступает за прекращение иностранной интервенции в Индокитае и политическое урегулирование ближневосточного конфликта, что нашло свое отражение, в частности, в Советско-французской декларации, подписанной во время визита товарища Л. И. Брежнева во Францию в октябре 1971 года.

Стремление к скорейшему политическому урегулированию международных конфликтов проявляется также в политике ФРГ, скандинавских стран и некоторых других западных государств. Все это свидетельствует о распущем понимании опасности, которую представляют такие конфликты для всеобщего мира.

Советский Союз, другие страны социалистического содружества постоянно, последовательно и неизменно выступают за мирное решение спорных международных вопросов путем переговоров, за поиски взаимоприемлемых решений на равноправной основе. В тех случаях, когда и другая сторона проявляет реализм, трезвость, конструктивный подход, появляются новые возможности выработки позитивных решений, которые способствуют упрочению мира.

Наглядным тому примером явились результаты советско-американских переговоров на высшем уровне, состоявшихся в Москве во время визита президента США Р. Никсона в Советский Союз в мае 1972 года. Ход и результаты советско-американских переговоров еще раз показали, что в современных условиях спорные международные вопросы не должны решаться методами политики с «позиции силы». Они могут и должны быть урегулированы путем переговоров на основе соблюдения принципа равенства и равной безопасности сторон, взаимного уважения интересов, всеобщего утверждения в международных отношениях принципа мирного существования государств с различным социальным строем, независимо от того, большие они или малые.

ТИПЫ, СОДЕРЖАНИЕ, СТРУКТУРА И ФАЗЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНФЛИКТА

Типы современных международных конфликтов

Разработка проблем современного международного конфликта прежде всего предполагает принципиальное и четкое научное обоснование предмета исследования. Для этого необходимо выделить его из всех более или менее сходных по ряду внешних признаков или даже взаимосвязанных с ним, но все же качественно отличающихся по своему происхождению и характеру явлений социальной жизни, в том числе международных отношений.

При этом представляются несостоительными как с точки зрения содержания, так и методологии попытки трактовать вопросы международного конфликта на основе «общей теории конфликта». В последнее время «общая теория конфликта» весьма энергично разрабатывается в различных модификациях буржуазными социологами, социальными психологами, экономистами и историками. Эта «теория» претендует на создание некоей универсальной теоретической схемы и столь же универсальной методологии исследования, приложимых в равной мере к конфликту двух случайно столкнувшихся на улице индивидуумов, к отношениям внутри первичной социальной клетки — семьи, к схватке монополистических конкурентов, к классовым битвам труда и капитала в условиях буржуазного государства и, наконец, ко всем мыслимым в сегодняшнем мире типам международного конфликта, независимо от их конкретно-исторической, социально-политической природы и содержания, от мировой обстановки.

Возможно, что некоторые экстремистски мыслящие сторонники «общей теории конфликта», готовые перенести сферу ее «действия» на все явления живой и неживой природы, хотели бы противопоставить марксистскому

понятию противоречия новую категорию «конфликта». Тем самым «общая теория конфликта» выдвигалась бы на авансцену как «всеобщая» теория развития. Претензии эти, конечно, несостоятельны.

Но даже если амбиции авторов и сторонников «общей теории конфликта» ограничиваются лишь сферой социальных отношений, международный конфликт рассматривается ею как в основном «типовой» и лишь только по некоторым моментам частный случай. В таком «надисторическом» построении совершенно игнорируется тот немаловажный факт, что в конфликт на международной арене вступают суверенные государства со своим социально-политическим строем, с тем или иным соотношением экономических и военных потенциалов, с определенными международными обязательствами двустороннего и многостороннего характера. Не принимаются в расчет ни соотношение сил на мировой арене, ни международная обстановка, в условиях которых возникает и развивается каждый конкретный конфликт. Все это остается за бортом исследования в русле «общей теории конфликта», приносится в жертву чертам «всеобщности».

Для целей марксистско-ленинского анализа современного международного конфликта такая «универсальная», абстрактная и эклектическая по своей сущности конструкция, лишенная какой-либо жизненной основы, дать ничего не может. Более того, она запутывает вопрос, игнорируя классовую политическую природу и содержание реального международного конфликта, его специфику в качестве конфликта государств на международной арене. Типология международного конфликта утрачивает при этом сколько-нибудь серьезную теоретическую и методологическую базу, какие-либо объективные критерии. Научная классификация международных конфликтов, типологически приравненных к любому конфликту вообще, становится невозможной.

Задача обосновления предмета исследования выявляет уже на самом первом этапе глубокую связь между разработкой проблем типологии, выявлением классового, социально-политического содержания, определением структуры и фаз развития современного международного конфликта. Это становится возможным только на почве развития основанных на изучении практики научных представлений о международном конфликте в рамках марксистско-ленинской теории международных отношений.

Руководящим указанием при разработке теоретических проблем международных отношений, в том числе теоретических основ международного конфликта, служит мысль В. И. Ленина о необходимости вырабатывать «материалистическую теорию политики»¹.

Необходимо ограничить предмет исследования и в другом плане. Иногда международный конфликт рассматривается слишком расширенно. Любое противоречие на международной арене, будь оно объективным или субъективным, политическим, идеологическим или иным, в любой стадии его развития изображается уже как «готовый» международный конфликт.

Противоречия на международной арене, в том числе и такое всеобъемлющее противоречие современной эпохи, которое лежит в основе отношений двух мировых систем, имеют, конечно, самое непосредственное отношение к возникающим международным конфликтам как их объективная основа, причина и движущая сила и находят прямое или косвенное отражение в природе и характере самого конфликта, в целях, стратегии и методах участвующих в нем государств, во внешних условиях развития международного конфликта. Но приравнивать их к существующему, «созревшему» международному конфликту нельзя. Это явления разного порядка.

Не следовало бы также смешивать понятия конфликта и конфликтности в международных делах. Конфликтность как общая характерная черта той или иной международно-политической ситуации, порождаемая объективно существующими противоречиями, — это еще не международный конфликт. Международный конфликт — вполне конкретный, имеющий определенное происхождение, содержание и форму, систему и структуру и фазы развития международно-политический процесс.

Наше время — это период обострения «исторического противоборства сил прогресса и реакции, социализма и империализма. Ареной этого противоборства является весь мир, все основные области общественной жизни — экономика, политика, идеология, культура»², — отмечалось в документах Международного совещания коммунистических и рабочих партий 1969 года. Это не только порождает общую конфликтность современных международных отношений и характеризует главную сферу такой конфликтности — отношения двух систем, но и всегда является решающим составным элементом любого

международного конфликта, где бы он ни возникал, какие бы конкретные силы в нем ни участвовали, какого бы масштаба он ни достигал.

Некоторые буржуазные исследователи, заметно гипертрофируя, а в ряде случаев откровенно абсолютизируя значение международного конфликта, стремятся представить его не только коренной исторической тенденцией, но и сутью современных международных отношений, фактически ставя между ними знак тождества. В «Международной энциклопедии социальных наук» американские специалисты Уильям и Аннет Фокс писали: «Сущность международной политики — конфликт и его регулирование между группами людей, которые не признают общей верховной власти»³. Видный американский теоретик-международник Стэнли Хоффман видит во внешней политике «непрерывность конфликтов и кризисов»⁴.

Марксистско-ленинские исследователи международного конфликта, как бы серьезно ни расценивали его роль в мировой политике, не могут, разумеется, видеть в таком конфликте нечто всеобъемлющее, покрывающее без остатка всю область международных отношений наших дней.

При таком подходе, носящем неизгладимый отпечаток мышления «холодной войны» и резко сужающем политический и научный горизонт буржуазных ученых, устраивается постоянно расширяющаяся сфера международного сотрудничества, снимается проблема мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Конфликт превращается в некую метафизическую категорию, легализуется как вечная, естественная, фатально неизбежная и монопольная форма международных отношений.

Нередко международный конфликт рассматривается за рубежом, наоборот, слишком узко, сводится к отдельным fazam его развития.

Чаще всего международный конфликт представляется как вооруженный конфликт, война. Между тем вооруженный конфликт может быть на деле лишь отдельной, «продвинутой» fazой, причем вовсе не обязательной и не коначной в том или ином международном конфликте.

Международный конфликт возникает в самой гуще современных международных отношений как одно из их состояний и форм — мирных и немирных, как одна из

диалектически сменяющихся фаз международно-политического процесса разрядки напряженности, борьбы, войн различного происхождения, масштабов, уровня. Эту диалектику В. И. Ленин внес в формулу прусского военного теоретика К. Клаузевица, согласно которой «война есть продолжение политики иными средствами». Рассматривая взаимные (в том числе и обратные) переходы от мирного состояния к войне, В. И. Ленин писал: «Мирные союзы подготавливают войны и в свою очередь вырастают из войн, обусловливая друг друга, рождая перемены форм мирной и немирной борьбы из *одной и той же почвы* империалистских связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики»⁵.

Для анализа роли и значения фазы вооруженной борьбы в общем процессе международного конфликта важна мысль В. И. Ленина о том, что «война сама по себе не изменяет того направления, в котором развивалась политика до войны, а лишь ускоряет это развитие»⁶.

Неправомерно международный конфликт приравнивать и к международному кризису, хотя в отдельных случаях такой кризис может в самом деле возникнуть как закономерное следствие и продолжение развития международного конфликта, как его наиболее острые фазы. «Всякий кризис, — отмечал В. И. Ленин, — отбрасывает условное, срывает внешние оболочки, отмечает отжившее, вскрывает более глубокие пружины и силы»⁷. Возникнув, кризис придает всему развитию международного конфликта крайне серьезный и даже весьма опасный характер. Кризис — не обязательно завершающая фаза развития конфликта. Кризис может пройти, а породивший его международный конфликт сохранится в более или менее открытом или латентном состоянии, может не раз еще порождать аналогичные кризисы разной степени остроты и масштабности.

Типология международных конфликтов должна строиться на основе ленинской методологии. В. И. Ленин подходил к анализу войн, исходя из их большого разнообразия и необходимости разобраться в каждом из типов войн, рассматривать их во взаимосвязи с характером эпохи. «Войны, — писал он, — вещь архипестрая, разнообразная, сложная. С общим шаблоном подходить нельзя.

(I) Три главных типа: отношение угнетенной нации к угнетающей... По общему правилу, война законна со стороны угнетенной...

(II) Отношение между 2-мя угнетающими нациями
Борьба за колонии, за рынки и т. п... По общему правилу,
война такого рода с обеих сторон есть грабеж...

(III) Третий тип. Система равноправных наций. Вопрос куда сложнее!!!!»⁸.

Каждой из прошлых исторических эпох была присуща своя типология международных конфликтов. В основе катастрофических по своей сущности и масштабам международных конфликтов первой половины XX века, выливавшихся в мировые войны, лежали экономическая и политическая агрессия империалистических держав, вызывавшаяся стремлением к переделу мира, к мировому господству, бурное развитие милитаризма в области их идеологии и политики. В. И. Ленин подчеркнул, что «„мировое господство“ есть, говоря кратко, содержание империалистской политики, продолжением которой является империалистская война»⁹.

Особое положение складывается в условиях борьбы двух противоположных социально-экономических систем в современную эпоху. Это противоборство решающим образом отражается на всех типах международных конфликтов, свойственных нашему времени. Какой бы частный или локальный характер ни носил тот или иной конкретный международный конфликт, в нем так или иначе проявляется борьба двух систем, ставшая стержнем современных международных отношений.

Происхождение и характер современных международных конфликтов неразрывно связаны с нашей эпохой — эпохой борьбы двух противоположных общественных систем, социалистических и национально-освободительных революций, крушения империализма, ликвидации колониальной системы, перехода на путь социализма все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе. Вместе с тем на содержание и облик международного конфликта непосредственно влияют научно-техническая революция, в том числе революция в военном деле. Нельзя абстрагироваться и от той немалой, подчас исключительно важной роли, которую играет в каждом конкретно-историческом конфликте субъективный фактор.

Соотношение сил двух систем на международной арене — динамическая и суммирующая категория, характеризующая эпоху. Без ее выявления и учета нельзя исследовать ни противоречия как объективную основу, ни

типы, ни содержание и структуру, ни, наконец, фазы развития международного конфликта. В. И. Ленин подчеркивал также и обратное воздействие международного конфликта на изменения в соотношении сил. Мир, заканчивающий любую войну, указывал он, «может быть лишь учетом и записью действительных изменений в силе, достигнутых в ходе и в результате данной войны»¹⁰.

Рассматривая взаимосвязь между типами современного международного конфликта и характерными чертами нашей эпохи, прежде всего расстановкой и соотношением сил двух систем на международной арене, необходимо подчеркнуть, что воздействие такого соотношения сил предотвращало и пресекало попытки империализма развязать новую мировую войну. Соотношение сил двух систем само по себе не могло предотвратить возникновения острых международных конфликтов, их развития до уровня международных кризисов и локальных вооруженных конфликтов. Однако и здесь оно существенно сдерживало такое развитие; в конечном счете способствовало пресечению империалистической агрессии, полной ликвидации возникшего международного конфликта, изживанию его кризисной, а также вооруженной фазы.

Исходными и коренными критериями для установления типа международного конфликта являются классовая, социально-политическая природа и содержание конфликта, экономический, социальный и политический строй государств — участников конфликта, соотношение и расстановка внутренних классовых и политических сил, цели и стратегии сторон в конфликте. В. И. Ленин отмечал, что «только тогда, если мы при каждом крутом повороте истории оцениваем соотношение классов в целом..., только тогда мы чувствуем себя стоящими прочно на анализе вероятных фактов»¹¹.

Другой комплекс признаков международного конфликта относится к внешним условиям его возникновения и развития, к характеру эпохи, международно-политической обстановке, в конечном счете к борьбе двух социальных систем, их основных экономических и военно-политических союзов. Это требует выяснения систем международно-политических связей, союзов и обязательств государств-участников, их противоречий с другими странами, степени их идеологического и политического влияния на международной арене, в том числе и в ООН, эффективности механизмов реализации экономической и военно-

политической поддержки со стороны союзников и, что особенно важно, реального места данного конфликта в борьбе двух социальных систем и их главных союзов.

Есть и третий комплекс признаков, играющий некоторую роль при определении типа международного конфликта. В него входят экономический и военный потенциал участников, ресурсы, финансы, транспорт, связь, морально-политическое состояние населения перед лицом данного конфликта, мобилизационные способности, масштабы и длительность конфликта, отдаленность охватывающей им территории, практическое воздействие его на экономику и политику, необходимость уделять экономические и военные средства другим конфликтам, в которые участники данного конфликта в прямой или косвенной форме одновременно вовлечены.

Сложность синхронного учета всех этих взаимодействующих, в некоторых случаях исключающих, нейтрализующих или компенсирующих друг друга признаков очевидна. Однако учитывать и оценивать основные из них при отнесении того или иного международного конфликта к одному из типов конфликтов необходимо. По-видимому, нужна научно обоснованная строгая систематизация этих признаков, установление их исторических и структурно-функциональных, в основе своей диалектических взаимоотношений в рамках системы, соответствующей каждому конкретному международному конфликту.

Предназначенная для научных целей типология международных конфликтов не должна быть слишком громоздкой. Она должна содержать, на наш взгляд, только главные признаки каждого типа.

В основу данной типологии положены классовая, социально-политическая природа и содержание конфликта, отражающиеся в целях и стратегии сторон в конфликте. Учтена в ней и мировая ситуация, прежде всего борьба двух социально-политических систем на международной арене. Современные международные конфликты можно разделить на следующие основные типы:

1. Международные конфликты, непосредственно отражающие противоречия и борьбу двух социально-политических систем на международной арене

а) Конфликт между отдельными государствами, входящими соответственно в военно-политические организа-

ции двух противоположных систем — НАТО и Варшавский Договор.

б) Конфликт в результате попытки вмешательства империалистической державы во внутренние дела социалистического государства, входящего в военно-политическую Организацию Варшавского Договора, с целью ослабления его социалистического строя.

в) Конфликт двух противостоящих военно-политических организаций — НАТО и Варшавского Договора в целом.

г) Конфликт в результате блокады и угрозы агрессии со стороны империалистической державы в отношении социалистической страны, не входящей непосредственно в военно-политическую организацию социалистических стран.

д) Конфликт в результате прямой агрессии империалистической державы против социалистического государства, не входящего в военно-политическое содружество социалистических стран.

ж) Конфликт между двумя крупнейшими державами противоположных социально-политических систем на основе их двусторонних или мировых противоречий.

2. Международные конфликты, порождаемые попытками империализма подавить освободительную борьбу народов

а) Конфликт в результате попытки империализма и его ставленников подавить национально-освободительную революцию экономическими, политическими, военными средствами.

б) Конфликт в результате прямого «экспорта контрреволюции» империалистической державы в страну, где победили силы социалистической ориентации.

в) Конфликт в результате содействия империализма экспансионистским намерениям средних и малых капиталистических стран.

г) Конфликт в результате действий сил колониализма и неоколониализма в неосвобожденных еще районах.

д) Конфликт в результате попытки империализма натравить друг на друга государства «третьего мира» на почве исторических, экономических, политических, территориальных, национальных, религиозных и иных противоречий.

3. Международные конфликты, отражающие межимпериалистические противоречия и борьбу

а) Конфликт в результате экономических и военно-политических противоречий крупных империалистических держав — США и стран Западной Европы, США и Японии, внутри «общего рынка».

б) Конфликт между средними и малыми капиталистическими странами, входящими в военно-политическую организацию НАТО, в результате экономических, политических, территориальных, национальных, религиозных противоречий.

в) Конфликт между страной, входящей в НАТО, и нейтральной страной в результате экономических, политических, территориальных, национальных, религиозных противоречий.

Разумеется, предлагаемая схема типов международных конфликтов не может претендовать на полноту и всеобъемлемость. Любая теория, подчеркивал В. И. Ленин, «в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь приближается к охватыванию сложности жизни»¹². Эта схема может и должна детализироваться и уточняться, чтобы передавать сколько-нибудь полно все разнообразие современных международных конфликтов.

Не исключено возникновение отдельных (даже относительно стабильных или острых) международных конфликтных ситуаций в тех случаях, когда в руководящих кругах социалистической страны при определенных условиях возобладают националистические, шовинистические, антисоветские настроения, как это имеет место в Китае. Они способны деформировать классовую природу и цели внешней политики, привести к конфликтам с другими социалистическими странами. Однако такое развитие нетипично для социалистической внешней политики. И поэтому их с научной точки зрения нельзя рассматривать в типологическом ряду. Каждый случай таких исключительных конфликтных ситуаций должен подвергаться особому конкретному анализу.

Разработка типологии международных конфликтов на данной основе не должна порождать абстрактных академических конструкций и жестких догматических рамок. Международная жизнь в середине XX века исключитель-

но разнообразна и изменчива. Сколько бы ни были сходными различные международно-политические ситуации в историческом аспекте, какими бы общими ни были проявляющиеся в них главные закономерности развития, каждая из этих ситуаций всегда уникальна. Каждый международный конфликт характеризуется в пределах общих типовых особенностей индивидуальными чертами, которые проявляются в его происхождении и характере, структуре и фазах его развития.

В реальности международные конфликты не разделены непроницаемыми перегородками. Возникший конфликт всегда носит конкретно-исторический характер, определяется практикой международных отношений, самим ходом его развития. Бессспорно и то, что каждый тип международного конфликта в его «чистом» виде встречается в действительности исключительно редко. Один и тот же международный конфликт может на деле содержать признаки двух и даже более типов, отражая сложность и взаимопереплетенность международных событий и ситуаций. Нередко один тип международного конфликта в ходе его развития может переходить в другой. Следует постоянно иметь в виду факт множественности в современной мировой политике различных по происхождению и характеру, масштабу и применяемым средствам международных конфликтов, тесно связанных друг с другом последовательно или параллельно. Обычно в них сохраняется достаточно стабильное ядро участников, главным образом крупнейших мировых держав. Взаимосвязь этих разнородных или однородных по типу международных конфликтов во времени и пространстве через одних и тех же участников не может не вести к усложнению характера такого конфликта, размыванию «чистого» типа, возникновению более сложной картины конфликта, в которой становятся заметными или даже решающими смешанные, «гибридные» типовые черты. Все это необходимо принимать во внимание и при научных оценках возникающих международных конфликтов, и при политическом подходе к ним в практических делах.

Не следует смешивать принципиальное исследование типов международных конфликтов с задачей их классификации. Правда, надо подчеркнуть, что и классификация, при всей ее несравненно большей гибкости, также никогда не даст универсальной, годной на все случаи жизни схемы.

Установление типов современного международного конфликта является необходимым предварительным условием любой серьезной классификации таких конфликтов. Классифицировать международные конфликты можно по различным признакам в зависимости от прикладных целей такой классификации — по природе и характеру, политическим и стратегическим целям, масштабам и длительности, применяемым средствам и особенностям доктрин, осуществляемых в ходе конфликта, и многим другим чертам. Подлинно научная классификация начинается там, где в основу кладется типология, исследование типов международного конфликта на основе их коренных и неотъемлемых свойств, порождаемых историческими и классовыми, социально-политическими закономерностями.

На Западе, особенно в США, возникло в последние годы немало различных классификаций международных конфликтов. Каждый буржуазный исследователь стремится обзавестись собственной, втиснутой в его теоретическую схему, классификацией, в основу которой положены те или иные формальные признаки международного конфликта.

Дело, конечно, не в самой попытке формализации параметров международного конфликта. Если необходим «перевод» данных, характеризующих тот или иной конфликт, на язык электронно-вычислительных машин (ЭВМ), то формализация этих данных является естественной и необходимой. Порок классификаций буржуазных исследователей состоит в том, что они обычно кладут в основу своих схем не коренные и неотъемлемые черты международного конфликта, определяющие закономерности развития, а случайные, второстепенные, внутренне не связанные и чисто формальные признаки.

Качество и «работоспособность» классификаций международного конфликта на базе формализации его признаков определяются в первую очередь степенью их соответствия разработанной научной типологии таких конфликтов, реальному социально-политическому содержанию каждого типа. При этом условии классификация по формализованным признакам может быть в некоторых случаях практически полезной и даже необходимой, особенно если речь идет о привлечении логико-математических средств и ЭВМ для исследования международного конфликта. Правда, такая классификация всегда будет

носить вторичный, подсобный, рабочий характер по отношению к содержательному анализу, лежащему в основе типологии.

Живая ткань международных отношений не так просто поддается расчленению на клетки даже самой «нежесткой» или детально проработанной типологии и классификации международных конфликтов. Необходим конкретно-исторический подход, идущий от изучения практики, жизненного развития, а не абстрактная и заданная заранее схема применительно к каждому международному конфликту. Только при этих условиях типология и классификация конфликтов могут принести пользу для исследования реальных международных конфликтов, для внешнеполитической практики.

Содержание и структура международного конфликта

Главный методологический порок буржуазного, в том числе структурно-функционального, подхода к исследованию международных отношений, международного конфликта состоит в отрыве анализа системы и структуры конфликта от исторического исследования его развития, в отрыве структуры от реального содержания отношений, лежащих в основе конфликта, игнорировании содержательной стороны международно-политического процесса, выпячивании его структурных и функциональных сторон, которые взяты сами по себе. Это не замедлило привести к естественному результату — формалистскому обесцениванию структурно-функционального анализа в исследовании международных отношений, международного конфликта.

Извращения и стерильность буржуазной методики не зачеркивают, однако, положительных и полезных сторон системно-структурного анализа. Марксистско-ленинский подход требует диалектической взаимосвязи, сочетания исторического и логического анализа международного конфликта.

В. И. Ленин, верный принципу историзма, требовал рассматривать систему и структуру в процессе их диалектического развития. «Самое надежное в вопросе общественной науки, — отмечал он, — и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мне-

ний,— самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹³.

В том или ином исследовании, в зависимости от поставленных целей, могут преобладать черты либо исторического, либо логического методов анализа. При исследовании современного международного конфликта уместным является логический метод исследования. «Но этот метод в сущности, — отмечал Ф. Энгельс, имея в виду работу К. Маркса «К критике политической экономии», — является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей»¹⁴. Логический способ анализа, несущий в себе и принципы историзма, позволяет установить взаимосвязь и взаимовлияние содержания и структуры международного конфликта.

Содержание международного конфликта является ключевой категорией при научном исследовании, политической оценке и целенаправленном воздействии на его ход и исход.

Анализируя не раз в своих работах диалектику формы и содержания международного конфликта, В. И. Ленин подчеркивал, что по форме своей они остались теми же международными конфликтами, какими были в предшествующую эпоху, но их социальное и классовое содержание коренным образом изменилось в силу объективных исторических перемен¹⁵.

Международные отношения, в особенности такая их форма, как международный конфликт, отличаются сегодня высоким динамизмом, уплотненностью и тесным взаимодействием исторических процессов. Они как бы стягивают в единый узел экономическое развитие, социально-классовую и идеологическую борьбу, научно-технический прогресс, совершенствование военных средств, внешнюю политику и дипломатию государств двух систем. Это придает содержанию каждого международного конфликта исключительную сложность и противоречивость.

В наши дни международные отношения стали в полном смысле слова всемирными. Но вместе с тем они стали также многообразней, а во многом и противоречивей,

поскольку отражают дробность и специфику местных условий. Международные конфликты одновременно носят черты и всеобщего мирового, и локального развития.

Марксисты-ленинцы хорошо понимают значение объективных — постоянно действующих или долгосрочных — тенденций международных отношений, которые порождают конфликты и определяют их содержание и развитие. Однако они никогда не подходят к ним как к стандартной схеме. Ведь в каждом отдельном случае эти тенденции воплощаются в жизнь в специфических условиях. Любая конкретная международная ситуация, любой конкретный международный конфликт, будучи по своему содержанию уникальными, неповторимыми, требуют каждый раз серьезного исследования и индивидуального подхода.

Содержание международного конфликта, с одной стороны, фокусирует в себе природу и причины возникновения конфликта, а с другой стороны, отражается в целях и стратегии сторон. Содержание конфликта неразрывно связано с его структурой. Но это воздействие не носит одностороннего характера. Как показывает опыт изучения международных конфликтов за послевоенный период, структура конфликта, изменения в ней в ходе развития конфликта сильно влияют, в свою очередь, на его содержание, иногда могут значительно изменять его. В этом звене влияние обратной связи исключительно важно и в научном, и в практическом отношении, так как нельзя пропустить даже самых малых изменений в содержании конфликта.

Конфликт является политическим отношением двух или нескольких сторон, воспроизводящим в острой форме лежащие в основе этого отношения противоречия его участников. Это и есть в самом общем виде содержание конфликта.

При этом имеются в виду экономические, политические, идеологические, территориальные, национальные, религиозные и другие противоречия. Здесь они воплотились в особое политическое отношение международного характера.

Такое политическое отношение воспроизводит не только глубинные противоречия, носящие объективный в своей основе характер, но и непосредственные причины конфликта, которые нередко представляют собой довольно сложную и противоречивую, субъективную, достаточно

«отчужденную» уже надстройку над реальными противоречиями.

Содержание международного конфликта как политического отношения в конечном счете обусловлено экономическими отношениями. Политические отношения, в том числе и те, которые составляют суть международного конфликта, имеют в своей основе классовые отношения, но не всегда сводятся только к ним. Они выражают коренные интересы классов в концентрированном и преломленном виде.

Разумеется, возникновение и ход развития международного конфликта связаны не только с лежащими в его основе объективными противоречиями, но и с таким субъективным фактором, как внешняя политика того или иного государства. Конфликт вызывается и «подталкивается» именно политикой государств. Международные конфликты нашего времени, независимо от тех или иных конкретных причин, приведших к их созданию и движению,— это в конечном счете порождение империалистической политики, прежде всего империалистической политики США, сознательно и целеустремленно разжигающей конфликт.

Но, возникнув как политическое отношение, международный конфликт обретает и новую движущую силу — относительную самостоятельную логику собственного развития, которую необходимо особо учитывать.

В письме к К. Шмидту Ф. Энгельс писал, что «экономическое движение в общем и целом проложит себе путь, но оно будет испытывать на себе также и обратное действие политического движения, которое оно само создало и которое обладает относительной самостоятельностью»¹⁶.

С содержанием конкретного международного конфликта тесно связаны интересы и цели государств-участников. Ф. Энгельс подчеркивал, что «экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как интересы»¹⁷. Коренные экономические интересы получают свое выражение (разумеется, не прямое и автоматическое) в политических интересах. Политические интересы, отражая коренные экономические интересы, на почве которых они выросли, не сводятся только к этим экономическим интересам.

В основе политики государства лежат интересы господствующего класса. Однако, когда речь шла о буржу-

а́зном государстве, В. И. Ленин требовал тщательного анализа «различных интересов различных классов, которые сходятся на известных, определенных, ограниченных общих задачах»¹⁸. Даже если они не определяют в главном и решающем интересы, выступающие на первый план в политике данного буржуазного государства в международном конфликте, интересы тех или иных групп могут так или иначе влиять на политику государства, учитываться в ней. Вместе с тем марксистско-ленинский анализ международного конфликта включает в себя учет объективных или субъективных национальных интересов, выступающих наряду с классовыми, но как подчиненные по отношению к ним.

Капиталистический мир последней трети XX века менее всего похож на монолит. Сегодня, быть может, как никогда, свежо звучат слова К. Маркса: «...Если все члены современной буржуазии имеют один и тот же интерес, поскольку они образуют один класс, противостоящий другому классу, то интересы их противоположны, антагонистичны, поскольку они противостоят друг другу. Эта противоположность интересов вытекает из экономических условий их буржуазной жизни»¹⁹.

Бессспорно, сферой наивысшей конфликтности в нашу эпоху остаются отношения государств двух мировых систем, отношения империалистических держав и национально-освободительных движений, молодых независимых государств. Но нельзя сбрасывать со счетов воспроизводимые в политических отношениях капиталистических стран межимпериалистические противоречия.

Конечно, в этой сфере возможность перехода к кризисной фазе, в особенности к фазе вооруженного конфликта, ограничена для капиталистических политиков учетом факта противостояния двух систем на международной арене. Но и здесь в последнее время, несмотря на все искусственно стимулируемые процессы «объединения», интеграции, выработки общей «блоковой» политической стратегии и даже конкретной внешней политики, конфликтность достигает весьма высокого накала, доходя порой до уровня международного кризиса и создания опасности применения вооруженных средств (конфликт Турции и Греции в рамках НАТО по поводу Кипра, англо-ирландский конфликт по поводу Северной Ирландии, итalo-австрийский конфликт по поводу Альто-Адиже, англо-испанский конфликт по поводу Гибралтара и др.).

На более «низких» (но гораздо больших по своему масштабу и значению) фазах развития международного конфликта в области межимпериалистических отношений находилась или находится борьба интересов монополистического капитала США и крупнейших западноевропейских держав, США и Японии, Франции, ФРГ, стран Бенилюкса внутри ЕЭС.

Характерно, что противоречия экономических интересов и выражающие их конфликты капиталистических стран сегодня развиваются даже в рамках и на почве политических союзов, существующих между ними. Видный буржуазный теоретик-международник Раймон Арон, анализируя противоречия между США и их союзниками, развивающиеся в лоне НАТО, пишет: «...В наше время экономические интересы, как правило, восстанавливают союзников друг против друга, однако в отдаленной перспективе союз не устоит, если экономическое соперничество перерастет или будет казаться, что перерастет, в борьбу не на жизнь, а на смерть. Экономическая война — в крайнем случае, а по возможности — война „в белых перчатках”»²⁰. Но оба эти рецепта Раймона Аrona все же предполагают довольно серьезное и «высокое» развитие международного конфликта капиталистических стран на основе борьбы их экономических и политических интересов.

Противоречия интересов в среде капиталистической политики сейчас являются чрезвычайно глубокими, имеют серьезную и, что особенно важно, экономическую базу, как показывают международный валютный кризис, торговые столкновения империалистических стран.

Вместе с тем нельзя не учитывать, что в области внешней политики в западном лагере все отчетливее проявляются две основные тенденции. В противовес стремлению агрессивных кругов сохранять в арсенале непосредственных средств давления на социализм и национально-освободительное движение международные конфликты и кризисы, доводимые до локальных вооруженных конфликтов, все больше укрепляется тенденция воспринимать в какой-то форме принцип мирного сосуществования государств различных систем. В основе этой тенденции лежит более трезвая оценка буржуазными политиками эволюции соотношения сил двух систем, стремление принимать во внимание уроки взаимовыгодного сотрудничества с социалистическими странами. Как отме-

чал в своем выступлении в ГДР Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, «в капиталистической Европе все активнее и смелее проявляют себя силы, выступающие за решение европейских проблем на основе взаимопонимания и политического реализма»²¹.

Это создает вполне реальные возможности, чтобы на принципиальной основе устанавливать довольно широкие и устойчивые контакты с разными слоями, отдельными фракциями политических сил капиталистического класса, так или иначе заинтересованными в решении задач нормализации международной обстановки, ликвидации последствий «холодной войны», прежде всего международных конфликтов, доведенных до уровня вооруженной борьбы или способных привести к такому результату, серьезного упрочения мира и безопасности, налаживания мирного сотрудничества государств с различным общественным строем.

Политический интерес, пройдя через призму классового сознания этих слоев и групп, выступает как определенная, сформулированная или несформулированная политическая цель. Политические цели буржуазных государств — участников конфликта, интегрируя интересы господствующих классов, являются вместе с тем результатом определенного соотношения классовых сил и их борьбы, подчас ожесточенной, длительной, с переменным успехом. Процесс формирования и формулирования политической цели, особенно выбор путей и способов ее осуществления, зависит от внутренней классовой борьбы, от классовой борьбы на международной арене, от соотношения сил двух мировых систем.

Политические цели участников международного конфликта во многом определяют выбор средств для их достижения, хотя здесь возникают серьезные внутригосударственные и международные объективные пределы такого выбора и особенно использования этих средств в ходе конфликта.

Определение содержания каждого международного конфликта, иначе говоря, политического отношения, выраженного в конфликтной форме, видимо, должно предшествовать любой другой стадии научного исследования международного конфликта. Но этим, конечно, нельзя ограничиться. Каким бы решающим и основополагающим в конфликте ни было политическое отношение, оно не существует в изолированном виде. Политическое

отношение выступает в ходе конфликта вместе с иными отношениями — экономическими, социальными, идеологическими, военными, международноправовыми, дипломатическими и т. д. Возникает сложная система диалектических отношений с многочисленными ответвлениями.

Структура конфликта отражает сетку этих отношений, составляя некую систему, присущую лишь данному международному конфликту, развивающемуся в данных условиях. Ленинскому анализу международных отношений, международного конфликта органически присуще системное восприятие. «Люди живут в государстве, а каждое государство живет в системе государств, которые относительно друг друга находятся в системе известного политического равновесия»²², — писал В. И. Ленин. Изучение характеризующих конфликт отношений строится на выросшей из жизненной почвы данного конфликта системе и структуре.

Структура международного конфликта как своеобразной социальной системы — это не только расчлененность на элементы и определенное строение, но и связь и взаимодействие самих этих элементов, диалектическое изменение характера их взаимодействия, развития системы в целом.

Элементами структуры международного конфликта могут быть государства-участники, межгосударственные объединения (коалиции, блоки, интеграционные механизмы, международные организации, включая ООН), организационно оформленные общественные и политические силы внутри государств или на международной арене и т. д. Конечно, эти элементы разнообразны по характеру своего воздействия на происхождение и развитие конфликта в зависимости от их собственной классовой и политической сути, конкретных целей, преследуемых в данном конфликте. Эти элементы также разновелики по своим масштабам, силе и эффективности воздействия на эволюцию, ход и исход конфликта. Все это определяет неравную их роль в структуре международного конфликта.

Понятия «непосредственных», «прямых», «основных» и «неосновных» участников того или иного конфликта в условиях растущей взаимопереплетенности процессов современной международной жизни, развития противоречий и борьбы на международной арене государств двух социально-политических систем весьма относительны и подвижны. Нередко видимое на первый взгляд не выра-

жает суть и структуры данного конфликта или выражает их неполностью. В ходе конфликта может меняться степень заинтересованности и вовлеченности других стран, происходить расширение числа участников, подмена одних «непосредственных» сторон другими.

История международного конфликта в Индокитае служит наглядным примером изменения структуры и перемен в «действующих лицах», хотя при этом суть империалистической агрессии против народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи остается практически неизменной.

В кипрском конфликте нельзя сводить все к борьбе турецкой и греческой общин. Структура этого конфликта включает в себя и такие противоборствующие государства, как Греция и Турция, являющиеся столь же прямыми, если не первичными по характеру участниками конфликта, империалистические державы, прямо заинтересованные в конфликте,— США и Англию, военно-политическую организацию НАТО в целом, а также Италию, Францию, страны Ближнего Востока и Северной Африки, Балканского полуострова и т. д.

Ближневосточный конфликт также имеет гораздо более сложную структуру, чем отношения непосредственно сталкивающихся сторон— Израиля и арабских государств, подвергшихся его агрессии. «С помощью этой агрессии,— отмечалось в документах Международного совещания коммунистических и рабочих партий 1969 года,— империализм, и прежде всего американские империалисты, пытались сокрушить прогрессивные режимы в арабских странах, подавить арабское освободительное движение, сохранить или восстановить свои позиции на Ближнем Востоке. Им это не удалось. Тем не менее правящие силы Израиля, поддерживаемые всемирной реакцией, в том числе сионистскими кругами, пренебрегают требованием арабских государств, миролюбивых народов и решениями ООН о выводе израильских войск с оккупированных территорий, продолжают проводить политику экспансии и аннексии, непрерывно совершают новые военные провокации»²³.

Конфликт на Индостанском полуострове в 1971 году остался бы непонятным, если бы его структура ограничилась в нашем представлении двумя сторонами — Индией и Пакистаном. В происхождении и развитии конфликта едва ли не решающую роль сыграли такие элементы, как империалистическая политика США, стремившихся в ин-

тересах своей стратегии в Юго-Восточной Азии натравить эти две страны друг на друга, политика маоистов, имевших свои цели в разжигании конфликта, их совместная помощь военной диктатуре Яхья Хана в попытке подавления освободительной, антиимпериалистической борьбы 75-миллионного народа Бангладеш.

В любом современном международном конфликте крупнейшие мировые державы, независимо от того, являются они его непосредственными участниками или нет, играют важную (если не решающую) роль из-за таких объективных моментов, как их экономическая и военная мощь, глобальность экономических, политических и стратегических интересов, влияние на ход мирового развития, роль в ООН. Естественно, характер их воздействия на конфликт может быть противоположным в зависимости от классовой сущности и целей государства.

Но современная ситуация дает возможность средним и малым государствам — участникам и неучастникам данного международного конфликта играть в нем действенную как позитивную, так и негативную роль. Они способны восполнить свою слабость в экономическом и военном отношениях всемерной интенсификацией политических и идеологических форм деятельности наряду с искусственным использованием и того немногого, что есть у них в сфере экономических и военных возможностей.

Существует определенная иерархия элементов структуры каждого международного конфликта, взятого как система. В соответствии с этим вся система расчленяется на подсистемы, объединяющие первичные элементы структуры. Однако взаимодействие элементов внутри всей системы в целом не обязательно развивается строго иерархично, только в своей, раз и навсегда зафиксированной «плоскости», на своем подсистемном уровне. Тот или иной элемент одной из подсистем может в действительности взаимодействовать с каким-либо элементом системы как целого, то есть с подсистемой как единицей, на другом уровне.

Анализ структуры международного конфликта требует рассмотрения не вообще всех мыслимых или даже немыслимых взаимодействий всех элементов, а концентрированного изучения необходимых и достаточных взаимодействий (отношений), определяющих характер и функционирование данного международного конфликта как определенной системы.

Надо считаться с тем, что любая избранная схема неизбежно представляет двойное огрубление весьма сложной и противоречивой, развивающейся, «движущейся» картины реального международного конфликта: во-первых, любая такая нарисованная, «закрепленная» система с ее структурой лишь приблизительно, с большим или меньшим упрощением воспроизводит реальность и диалектику международного политического процесса; во-вторых, «типовой» рисунок, в свою очередь, примитивизирует «приблизительные» схемы, отдаляя их от оригинала. Тем не менее даже это дает какое-то представление о подлинной структуре международного конфликта и методе структуризации конфликта как системы в ходе его исследования.

Разумеется, анализ сложнейшей, взаимопереплетенной структуры международного конфликта не может быть импровизированным и беспорядочным. В этом смысле научное построение системы и структуры каждого реального международного конфликта в известной мере предопределяет систему и структуру его исследования, создает необходимую и устойчивую связь между объектом, характером и методом его исследования.

По-видимому, следует выбрать путь анализа от «ядра» международного конфликта — его непосредственных участников (обозначим их X и Y) к его, выражаясь условно, «периферии».

Таким образом, прежде всего исследуются в их развитии и взаимодействии отношения внутри подсистем участников X и Y, конечно, не вообще, а под углом зрения данного международного конфликта.

Затем рассматриваются отношения в подсистемах блоков и обязательств, которыми связаны участники конфликта X и Y, и через это (или помимо) их отношения с крупнейшими мировыми державами.

Следующим логическим шагом явилось бы введение в исторический и системно-структурный анализ данного международного конфликта подсистемы отношений участников конфликта с другими государствами, имеющими определенные интересы и цели в конфликте.

На дальнейшем этапе было бы целесообразно подключить отношения, олицетворяемые подсистемой других международных конфликтных ситуаций, в которых участвуют (или имеют определенные интересы) государства X и Y, крупнейшие державы и другие государства.

На последнем (условно) этапе следовало бы рассмотреть отношения в подсистеме международных организаций (ООН) в связи с данным конфликтом.

Некоторые требования, характеризующие детерминизм в международном конфликте, представляются при таком анализе категорическими: 1) при исследовании того или иного отдельного отношения одновременно нельзя терять из виду ни одного из ранее рассмотренных или находящихся «на очереди» отношений, необходимо исходить не только из части, но и из целого; 2) следует рассматривать эти отношения не статично, как на моментальной фотографии, а в движении, в развитии; 3) нужно исходить из диалектически изменчивого характера этих отношений, из возможности малых или принципиальных, постепенных или резких преобразований, вплоть до превращения в ходе развития в свою противоположность.

Фазы развития международного конфликта

Принцип историзма в подходе к международному конфликту как к процессу наиболее наглядно раскрывается именно в исследовании конкретных фаз (или стадий) его развития. Если мы рассматриваем международный конфликт как процесс, то раскрытие механизма такого процесса — это в сущности анализ исторических состояний такого конфликта. Вместе с тем расчленение на фазы практической эволюции позволяет увидеть новые грани международного конфликта как системы с присущей ей структурой. В конечном счете это выявляет и тип конфликта, с которым прямо связано развитие фаз.

Фазы развития — это не абстрактные, определяемые условными рамками отрезки времени, в которых развивается конфликт. Они определяются конкретными параметрами, относящимися к изменениям состояния, целей и средств участников конфликта, масштабов и интенсивности развития конфликта, к вовлечению новых участников, к международным условиям, а также к некоторым другим моментам. Каждая фаза конфликта имеет свое содержание и структуру, разумеется, отражающие общее содержание и общую структуру данного конфликта. В фазах проявляется исторический и социальный детерминизм развития международного конфликта.

Однако марксистско-ленинский научный подход к фазам развития, к генетическим и причинно-следственным

характеристикам международного конфликта на этих фазах не имеет ничего общего с жестко запрограммированной, фатально предопределенной вплоть до «логического конца» стадиальностью, содержащейся в некоторых буржуазных работах о международных конфликтах и нашедшей свое крайнее выражение, метафизическое по сути и провокационное по политической идее, в 44 ступенях «эскалации» Германа Кана, неумолимо завершающихся «термоядерным спазмом»²⁴.

Здесь менее всего подходит шаблон, уместный, быть может, в естественных или технических процессах, но всегда опасный при подходе к таким сложным и изменчивым социально-политическим процессам, как международные отношения и их частный случай — международный конфликт. В принципе существует исторически сложившаяся некая общая стержневая линия развития международного конфликта с системой и последовательностью определенных фаз его эволюции. Вместе с тем международный конфликт, в зависимости от его природы и характера, интересов и целей участников, международных условий развития, примененных средств и, наконец, индивидуального развития, может проходить через самые различные, в том числе и необязательные, «нестандартные» и непредсказуемые заранее фазы.

В той или иной фазе практически может отсутствовать какой-нибудь один или даже несколько обычно присущих ей признаков. Некоторые фазы — начальные, срединные или завершающие — могут на деле полностью выпасть, создать «брешь» в стандартном развитии того или иного конкретного конфликта. Другие же, «неожиданные» фазы могут появляться, деформируя привычную картину. Фазы конфликта способны сливаться друг с другом или, наоборот, распадаться на более дробные части. Развитие может идти от фазы к фазе по нарастающей, но способно также и к «отступлению», «снижению» уровня на тот или иной срок без достижения следующих уровней.

В исследовании фаз международного конфликта целесообразно, однако, выделить некоторые постоянно (или почти постоянно) присутствующие группы параметров, изменения в которых ведут к преобразованию одной фазы в другую. Фазы конфликта — это, на наш взгляд, «крупные блоки», которые можно, если возникнет такая практическая необходимость, представить и в более дробных единицах.

«Нормальное» течение фаз международного конфликта, отвечающее «выпрямленному» теоретическим анализом конкретно-историческому развитию таких конфликтов в недавнем прошлом и настоящем, начинается с подлинной основы и предыстории конфликта — экономических, политических и иных противоречий, на почве которых возник и развился конфликт. Но, вероятно, не следует относить эти противоречия лишь к какой-то начальной фазе самого конфликта. Они присутствуют, «работают» в течение всего конфликта.

Первой фазой международного конфликта, по-видимому, следует считать сформировавшееся на основе определенных экономических и политических интересов, сталкивающихся на международной арене, политическое и соответствующее этому экономическое, идеологическое, международноправовое, дипломатическое отношение сторон по поводу данного противоречия или группы противоречий, выраженное в более или менее конфликтной форме.

Второй фазой конфликта является определение целей, стратегии и форм борьбы сторон для разрешения имеющихся противоречий с учетом внутренней и международной ситуации, потенциала и возможностей применения мирных и немирных средств. Этому соответствует система взаимных практических действий, носящих характер борьбы и сотрудничества с целью разрешить противоречие в интересах каждой из сторон или, в крайнем случае, на основе компромисса между ними.

Третья фаза связана с вовлечением в той или иной форме в борьбу непосредственно конфликтующих сторон других государств индивидуально, через блоки и договоры или через ООН, прежде всего крупнейших мировых держав, с усложнением системы политических, а также экономических, идеологических, международноправовых, дипломатических и иных отношений всех прямых и косвенных сторон в конфликте.

Четвертая фаза — нарастание борьбы до наиболее острого политического уровня — международно-политического кризиса, который может охватывать отношения непосредственных участников, государств данного региона, государств различных регионов, крупнейших мировых держав, вызывать вовлечение ООН и становиться, наконец, мировым по своему характеру и последствиям.

Пятая фаза развития конфликта означает сознатель-

ный, вытекающий из целей и стратегии переход одной из сторон к практическому применению военной силы в демонстративных целях или ограниченных масштабах с целью принудить другую сторону к удовлетворению интересов, выставляемых в данном конфликте государством, приступающим к мерам военного давления.

Шестая фаза — международный вооруженный конфликт, начинающийся с ограниченного конфликта (ограничения в целях, охватываемой территории, масштабе и уровне военных действий, применяемых военных средствах) и способный при известных обстоятельствах развиваться до более высоких уровней вооруженной борьбы с применением современного оружия и возможным вовлечением союзников с одной или двух сторон, крупнейших мировых держав или без этого.

На любой из этих фаз может начаться альтернативный, не эскалирующий, а деэскалирующий ход развития, воплощающийся в фазе мирного зондажа и перемирия в военных действиях, переговоров об ослаблении или ограничении данного конфликта.

Последующая фаза подобного альтернативного развития может означать ослабление, «замораживание» или даже ликвидацию конфликта на основе достижения компромисса между сторонами по поводу того или иного противоречия между ними. Но от такой фазы возможен при определенных условиях на каких-то последующих этапах и новый цикл развития конфликта — от мирного к вооруженному, если коренное противоречие не будет изжито целиком и навсегда.

Возможное развитие международного конфликта изобразить графически или стройной таблицей весьма трудно. Здесь все зависит от типа конфликта, его конкретно-исторического характера и хода развития. Однолинейная схема, вроде «эскалации» Г. Кана, не может передать сложности реального развития борьбы и сотрудничества сторон в конфликте, практических возможностей, различия их целей и стратегии, применения ими разнообразных мирных и военных средств, степени вовлеченности других участников в борьбу и сотрудничество в данном конфликте и, наконец, непосредственного развития вооруженного конфликта.

Все это еще раз убеждает в неразрывной диалектической взаимосвязи типа, содержания и структуры, фаз развития международного конфликта, в их исторической

обусловленности глубокими экономическими, классовыми, социальными причинами, лежащими в основе любого международного конфликта и каждой из принимаемых в расчет его характерных черт. Только учет всех названных элементов обеспечивает теоретическую и методологическую базу для исследования конкретно-исторических международных конфликтов современности.

Многие глубинные тенденции международных отношений, определяющие содержание, ход и исход некоторых международных конфликтов, сегодня справедливо рассматриваются как благоприятные для дела мира и социализма. Но они не получают развития и не реализуются сами по себе, автоматически, лишь в силу присущих им закономерностей. Полагаться на стихийное развитие международной политики, в особенности международных конфликтов, марксисты-ленинцы не могут. Существуют предпосылки научно обоснованного, целеустремленного и планомерного воздействия на международно-политические процессы со стороны Советского государства, социалистического содружества. Жизнь показывает необходимость и возможность стимулирования существующих или способных возникнуть объективных тенденций, действия развитию этих тенденций в нужном направлении всеми имеющимися у мировой системы социализма средствами.

Упорная систематическая международная деятельность КПСС и Советского государства уже привела к тому, что переговоры, а не раскол и взаимное отчуждение, развитие международного сотрудничества, а не эскалация международного конфликта в направлении к вооруженному столкновению становятся на глазах нашего поколения новой закономерностью международной жизни на европейском континенте. В ходе советско-американских переговоров в мае 1972 года стороны договорились делать все возможное, чтобы избегать военных конfrontаций и предотвратить возникновение ядерной войны, урегулировать разногласия мирным путем.

Цели борьбы против атмосферы международной конфликтности, за устранение коренных причин опасных потенциальных международных конфликтов подчинена активная деятельность СССР в пользу созыва общеевропейского совещания, ликвидации военных блоков, создания системы коллективной безопасности.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ И СОВРЕМЕННАЯ ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ ИМПЕРИАЛИЗМА

Военная сила в международных конфликтах

Международные конфликты содержат два неизменно связанных друг с другом аспекта — политический и военный. Их связь и взаимодействие определяются в конечном итоге общим соотношением политики и войны, исчерпывающее определение которому дал В. И. Ленин в известной формуле о войне как продолжении политики иными, насильтственными средствами.

Связь политического и военного аспектов современного международного конфликта многообразна и сложна. В зависимости от целей, которые ставят перед собой стороны, участвующие в конфликте, от района, где он развертывается, от его места в системе глобального противоборства социализма и империализма, от соотношения политических, социальных, военных, национальных и других сил, так или иначе влияющих на ход событий, политические и военные формы борьбы приобретают в конфликте различный удельный вес, проявляются в разных соотношениях. Однако военный элемент присутствует в международном политическом конфликте всегда. Он вплетается в политическую ткань конфликта и, порой приобретая большую степень относительной самостоятельности, оказывает чрезвычайно сильное обратное влияние на политику.

Углубление общего кризиса капитализма нашло одно из своих ярких выражений в небывалых масштабах роста милитаризма империалистических стран, в стремлении их лидеров навязывать свое господство государствам и народам мира, используя в том числе и военную силу. За период после окончания второй мировой войны в мире произошло более тридцати вооруженных конфликтов, порожденных агрессивной политикой империализма,

каждый из которых создавал угрозу войны в обширных регионах. Нет оснований предполагать, что империализм впредь сойдет с этого пути. Поэтому изучение не только политического, но и военного аспекта конфликтных ситуаций является весьма актуальным.

Как показывает опыт международных конфликтов 60—начала 70-х годов, военный элемент всегда составлял их важную часть. Причем он активно проявлялся и на стадиях, предшествовавших перерастанию политического конфликта в военный. В политических фазах конфликтов агрессоры применяли широкий диапазон мер, связанных или с чисто военной подготовкой вооруженной борьбы, или, что особенно важно, с косвенным использованием военной силы, в первую очередь с различными формами демонстрации мощи. В этом смысле можно условно разделить современные военные конфликты на две стадии — подготовительную и активную. Активный этап военного конфликта представлял собой проводимую с большей или меньшей степенью интенсивности попытку агрессивной стороны разрешить конфликт наиболее «действенным» способом — прямым применением силы. Таким образом, в целом международный политический конфликт от начала до конца в той или иной степени был пронизан военным содержанием.

Вместе с тем использование военной силы в современных конфликтах, как уже отмечалось выше, носит внутренне противоречивый характер. Присущая самой природе вооруженной борьбы тенденция каждой из сторон к созданию превосходства мощи сдерживается опасностью развития конфликта до неприемлемых для обеих сторон масштабов. Ввиду глобализации международных отношений и военной мощи всякий конфликт содержит в себе возможность перерастания в более крупный. С точки зрения военной силы это означает постоянную угрозу ввода в ходе конфликта все более и более мощных систем оружия, что может иметь катастрофические последствия.

Осознание агрессивными кругами этого обстоятельства придает современным военным конфликтам преимущественно локальный характер и способствует развитию ситуаций, при которых на первый план сплошь и рядом выдвигаются такие функции военной силы, как демонстрация мощи, угроза силой для политического нажима, искусственное поддержание длительной напряженности в регионе во имя реализации тех или иных политических

планов более крупного масштаба. Это же определяет необычайно затяжной, по сравнению с прошлыми эпохами, характер современных локальных конфликтов, с чередованием периодов напряженности и спада, с длительной нерешенностью политических проблем. Если в прошлом конечная политическая цель локальных конфликтов могла быть достигнута в сравнительно короткие сроки путем ввода превосходящих военных средств, то ныне применение такого способа действий крайне ограничено, ибо чревато угрозой быстрой военной эскалации, которая может принять необратимый характер. В результате постепенно развивается та своеобразная тенденция, при которой с повышением абсолютной мощи военной силы снижается возможность ее прямого использования в конфликтных ситуациях и увеличивается значение политических решений.

Общий характер, пределы и масштабы использования военной силы в ходе конфликтов определяются многими факторами: политическими целями сторон, структурой вооруженных сил, общим соотношением военной мощи, географическими, топографическими характеристиками района действий и т. п. Но главными факторами являются, конечно, два — политика и военная стратегия сторон, участвующих в конфликте. Необходимо в этой связи остановиться на вопросе о влиянии современной военной стратегии империализма на развязываемые им международные конфликты.

Модификация военной доктрины

Для развития военных доктрин империализма и его военной стратегии, как и для развития политических доктрин от 50-х до начала 70-х годов, характерно стремление ко все более дифференциированному учету меняющегося соотношения политических и военных форм борьбы. В 50-е годы военная политика империализма исходила из однозначной концепции подготовки ко всеобщей ядерной войне против мировой системы социализма. К началу 70-х годов, проделав значительную эволюцию от «массированного возмездия» к доктрине «реалистического сдерживания», стратеги империализма пришли к выводу о необходимости проводить, по словам министра обороны США М. Лэйрда, «осмотрительный средний курс между

двумя политическими крайностями: функциями мирового жандарма и новым изоляционизмом»¹.

Сдвиги, происшедшие в военно-стратегической доктрине империализма на рубеже 60—70-х годов, определяются дальнейшим развитием общественно-политических процессов, связанных с современным этапом борьбы двух социальных систем, развитием научно-технической революции, с теми изменениями, которые происходят в мире.

О роли и влиянии этих факторов уже говорилось в предыдущих главах. Следует отметить, что на военные аспекты политики империализма особое влияние оказал прежде всего рост могущества системы социализма, которая вносит решающий вклад в дело предотвращения новой мировой войны, а также дальнейшее углубление общего кризиса капитализма, ослабление его социально-политических позиций в мире, что не может не учитываться в его военных концепциях.

Важное воздействие именно на военные аспекты политики империализма оказывает сложный комплекс факторов, связанных с общим состоянием и развитием военно-го механизма империалистических стран. Милитаристские круги стремятся всесторонне использовать все новые возможности, открываемые научно-технической революцией, для совершенствования всех видов вооруженных сил. Наряду с этим перед военными руководителями империалистических государств стоят многие военно-организационные проблемы, такие как накопление кадров для массовых армий, перестройка военных структур с целью усиления их морского элемента, укрепление сухопутных сил и т. п.

Наконец, все большее значение приобретает дальнейший рост антимилитаристских настроений в капиталистических государствах, растущий нажим общественности на правительственные круги с требованиями уменьшения военных расходов, прекращения военных авантюр, снижения уровня милитаризации и военной активности во внешней политике вообще. Нарастание антивоенных тенденций в общественном сознании Запада наряду с развивающимся стремлением стран Западной Европы к проведению более самостоятельного внешнеполитического курса, особенно в отношении социалистических государств, создает для сторонников агрессивной военной политики новые преграды.

Эти процессы серьезно ограничивают военно-страте-

гические возможности военной системы современного империализма и не могут не оказывать воздействия на его военные доктрины.

В условиях новых реальностей правящие круги империалистических государств оказались перед необходимостью серьезно уточнить свой военно-стратегический курс. Современный этап развития военной системы, военной доктрины и стратегии империализма, который характеризуется стремлением приспособить всю структуру империалистической военной мощи к новому положению в мире, отличается сложностью и противоречивостью развивающихся в этой сфере процессов.

Неизменность агрессивной природы и политики империализма создает предпосылки к поддержанию на высоком уровне и качественному развитию военной мощи, укреплению милитаризма, к развитию тенденций дальнейшего использования достижений научно-технической революции для военных целей.

Идет процесс качественного развития вооруженных сил и вооружений, который охватывает все структурные компоненты военной мощи — стратегические силы, силы общего назначения, средства стратегической переброски войск, резервы. Стремление к созданию ядерного превосходства над вооруженными силами стран Варшавского Договора было положено в основу программы строительства вооруженных сил основных империалистических государств на предстоящие годы. Обнаруживается тенденция к повышению удельного веса морской стратегии за счет сухопутной, к созданию стратегических систем, которые, будучи рассредоточенными в Мировом океане, смогли бы, по мнению некоторых стратегов Запада, способствовать ослаблению ответного ядерного удара.

Сторонники «морской» концепции, кроме того, принимают в расчет неизбежность утраты ряда военных баз и сокращения военного присутствия на других континентах. Один из военных теоретиков США писал недавно: «Можно сделать вывод, что вырисовывается новая военная стратегия. Ее можно было бы изобразить следующим уравнением: общее уменьшение численности войск на заморских территориях + резкое свертывание военных обязательств перед другими странами + сокращение количества бесполезных военных баз за рубежом + «доктрина Никсона» (или «Гуамская доктрина» — азиаты ведут обычные войны своими силами) = возвращение к

оceanской стратегии. Впервые после 30-х годов становится отчетливо ясным, что развитие американской военной политики снова идет к тому, чтобы в качестве основы использовать океансскую стратегию»².

Как же представляют себе в США эту стратегию? Тот же автор объясняет ее следующим образом: «Согласно этой стратегии, США должны защищать свои интересы путем установления абсолютного контроля над океанскими и воздушными просторами Западного полушария. При защите своих интересов за пределами этого полушария (например, в Средиземном море или Азии) США следует больше ориентироваться на свои ВМС, а не на сухопутные гарнизоны, опираясь при этом прежде всего на BBC, а не на наземные базы, расположенные в других странах... Такая стратегия в конечном счете приведет к отказу от наземных, уязвимых и не вполне надежных межконтинентальных ракетных систем «Минитмэн» в пользу ракет «Поларис» и «Посейдон», которые запускаются с подводных лодок. При этом следует учитывать также ракетные подводные лодки разрабатываемой в настоящее время системы ULMS, появление на вооружении которых ожидается в середине 70-х годов»³.

Таково одно из возможных направлений развития военной стратегии империализма. Характерным для него, как и для других концепций военных теоретиков Запада, является стремление разнообразить средства.

Сформулированная на рубеже 60-х и 70-х годов новая доктрина «реалистического сдерживания» опирается на фундамент концепций, согласно которым «достаточная» военная сила и наличие «потенциала первого удара» гарантируют мир, стабильность и разрядку.

«Устрашение» ядерным конфликтом занимает и в стратегии «реалистического сдерживания» важное место. Дальнейшее развитие военного потенциала империалистических государств, прежде всего стратегического ядерного потенциала США, рассматривается определенными кругами НАТО как главная предпосылка «мирового порядка». В «Программе НАТО на 70-е годы» подчеркивается: «Мощь стратегических ударных ядерных сил союза в любом случае останется на 70-е годы решающим элементом безопасности Запада»⁴. Далее отмечается, что ныне «имеется достаточное количество ударных ядерных сил, и дальнейшее их поддержание имеет важнейшее значение»⁵.

Увеличение ставки на ядерные аспекты военной стратегии, стремление к повышению порога региональных конфликтов до ядерного уровня (или к снижению «ядерного порога») оставалось вплоть до самого последнего времени весьма опасной тенденцией современной стратегии Запада. Это стремление наглядно проявилось в принципе так называемых «избирательных ядерных взрывов», выдвинутом после сессии Совета НАТО 1967 года в Брюсселе, официально утвердившей доктрину «гибкого реагирования». В докладе комитета по вопросам обороны Ассамблеи Западноевропейского союза, опубликованном 1 октября 1968 г., отмечалось, что тактическое ядерное оружие должно использоваться в Европе не только как «средство сдерживания», но и в качестве средства «предупреждения»⁶. Это предложение было поддержано США, когда в октябре 1968 года министр обороны Клиффорд предложил план «демонстративных ядерных взрывов» как средство «убедить в решимости и готовности НАТО к использованию ядерного оружия»⁷.

На совещании группы ядерного планирования НАТО в Бонне (1968 г.) были рассмотрены вопросы использования ядерного оружия на сухопутных театрах (английский вариант применения ядерного оружия для борьбы с подводными лодками, итальянский вариант применения атомных средств в ПВО и минировании местности). На следующей сессии группы ядерного планирования НАТО, состоявшейся в мае 1969 года в Лондоне, министерства обороны Англии и ФРГ представили доклад, в котором предлагалось, чтобы НАТО использовала атомное оружие первой в следующих вариантах:

— «предупредительный взрыв ядерного устройства» в море, возможно Балтийском, или в стрatosфере, чтобы «сигнализировать о готовности к эскалации» стран НАТО;

— взрыв тактических ядерных зарядов на пути движения войск или обстрел ими походных порядков вооруженных сил;

— установка морских атомных мин и развертывание подводных лодок-ракетоносцев;

— установка сухопутных атомных мин;

— использование «малых атомных бомб» тактической авиацией для ударов по основным силам противника (такие удары считалось возможным нанести, например, по аэродромам ГДР, Польши, Чехословакии)⁸.

Таким образом, стремление к «атомизации» возможных конфликтов даже на их низком уровне отчетливо просматривалось в военно-стратегических концепциях НАТО еще в конце 60-х годов. Логичным завершением тенденции усиления ядерных аспектов конфликта стало решение брюссельской (1969 г.) сессии Совета НАТО о так называемом «снижении ядерного порога» в конфликтах на европейском театре.

Важной составной частью современной стратегии, принимаемой государствами — членами НАТО, является концепция так называемой стратегической достаточности. Ее политический смысл заключается в том, чтобы в условиях роста антивоенных, антимилитаристских тенденций на Западе выдвинуть тезис о «самоограничении» в развитии ракетно-ядерного потенциала.

Однако само по себе «самоограничение» вряд ли позволило бы ограничить количество накапливаемого оружия. Новые возможности в этом направлении открываются заключенным в 1972 году между СССР и США Договором об ограничении систем противоракетной обороны и Временным соглашением о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. Эти документы фиксируют договоренность СССР и США о сумме конкретных мер, направленных на сдерживание гонки стратегического вооружения при полном признании принципа одинаковой безопасности сторон и недопустимости получения односторонних преимуществ.

Таким образом, среди процессов приспособления военной структуры и военной доктрины империализма к быстро меняющемуся положению в мире на первое место были поставлены те из них, которые направлены на поддержание высокого уровня военной мощи империалистической системы.

Важной составной частью этих процессов является также стремление лидеров империалистического мира нейтрализовать развитие центробежных тенденций в Западной Европе и в других районах мира. Очевидно, имеется в виду если не остановить, то хотя бы ослабить или поставить под контроль рост полицентризма, который вызван обострением противоречий между империалистическими государствами и группами монополий и грозит дальнейшим ослаблением союзнических связей внутри империалистической системы, в первую очередь в рамках Североатлантического блока.

Вместе с тем предполагается относительно снизить уровень колоссальных военных затрат США, повысить размеры «вклада» союзников, создать у общественного мнения впечатление некоего «самоограничения» военных усилий, попытаться уменьшить вероятность новых конфликтных ситуаций, грозящих втягиванием тех или иных капиталистических государств в опасные столкновения перед лицом растущего политического и военного могущества социалистической системы. Попытка избежать участия США в военных конфликтах типа вьетнамского и переложить ведение таких конфликтов на плечи союзников также составляет важную часть новой стратегии.

Повышение общего военного уровня империализма предусматривается в начале 70-х годов не только за счет дальнейшего роста военного потенциала его главной цитадели, но и в значительной мере за счет увеличения вклада партнеров и союзников США. При этом создание региональных военно-политических союзов рассматривается как важная и действенная мера военной интеграции империалистического лагеря. Они позволят, по словам Лэйрда, «дать и использовать преимущества объединения потенциалов»⁹.

Развитие военного регионализма предполагает рост относительной самостоятельности складывающихся внутри империалистического лагеря центров силы и вместе с тем прямую связь этих центров в единой глобальной системе. Имеется в виду создание такой военно-политической структуры, при которой все государства капиталистического мира «в соответствии со своей силой и своими средствами взаимно поддерживают друг друга против общей угрозы, в то время как каждое государство одновременно несет главную ответственность за свою собственную оборону»¹⁰.

Таким путем «децентрализация в рамках централизации» должна стимулировать дальнейшее развитие военного потенциала каждого из капиталистических государств и мощи лагеря в целом, усилить его возможности по борьбе с социализмом и национально-освободительными движениями во всех формах, на всех уровнях и во всех районах мира. Использование военных средств в сочетании с широкой гаммой политических и экономических методов борьбы составляет одно из главных направлений современной стратегии империализма.

Пытаясь учитывать конкретные особенности социаль-

но-классовых отношений, перспективы классовой и национально-освободительной борьбы и характер военного противостояния в каждом из районов мира, стратеги империализма стремятся вырабатывать свои принципы с учетом всего комплекса специфических условий в том или ином регионе.

В этой связи, в частности, предполагается, что дальнейшее развитие не только ядерных, но и обычных видов вооруженных сил представит собой чрезвычайно важную задачу, решение которой позволит империализму достигнуть военно-политической гегемонии в тех районах мира, где в потенциальном конфликте наиболее вероятно использование военной мощи обычного типа и где обычные конфликты вероятнее ядерных. Поэтому модернизация и дальнейшее развитие обычных видов вооруженных сил, в частности сухопутных армий, составляют ныне очень важный аспект их строительства в капиталистических странах. Лэйрд подчеркивает в этой связи: «Вооруженные силы, очевидно, должны быть готовы... для ступеней спектра устрашения, лежащих ниже всеобщей ядерной войны, вести как ограниченную ядерную войну, так и обычную войну»¹¹.

Процесс укрепления военного потенциала капиталистических стран рассматривается в качестве чрезвычайно важного компонента усиления империалистического лагеря. В частности, милитаристские круги США стремятся:

- использовать с наибольшей эффективностью в военной сфере процессы интеграции, происходящие в Западной Европе;
- повысить вклад союзников США в общую военную силу империализма путем развития национальных вооруженных сил, увеличения финансовых затрат, развития совместных программ вооружений, инфраструктуры и т. д;

- не допустить, чтобы в условиях развития тенденций разрядки международной напряженности и все большего роста самостоятельности внешней политики государств Западной Европы ослабли «атлантические» связи и позиции США в Европе.

В каких направлениях влияют эти основные тенденции современной военной стратегии империализма на характер международных конфликтов, развязываемых империалистическими силами, точнее на их военное содержание?

Во-первых, империалистические агрессоры, развязывая локальные конфликты, и дальше собираются активно применять в них свои вооруженные силы в разных формах — начиная от угроз и шантажа и кончая прямыми военными провокациями и войнами.

Во-вторых, главной движущей силой этих конфликтов остаются агрессивные круги американского империализма. Они предпринимают настойчивые попытки, чтобы «военный вклад» союзников и партнеров США возросла. Это повысит опасность возникновения в различных районах мира конфликтных ситуаций, первоначально «неконтролируемых» США, но в которые они затем будут втянуты.

В-третьих, нельзя полностью исключить опасность постепенного повышения «военного уровня» некоторых конфликтов, развязываемых империалистическими агрессорами, пропорционально росту технического оснащения и развитию структуры их вооруженных сил. В политике агрессивных кругов действует тенденция использовать в конфликтах все более мощные средства вооруженной борьбы, осуществлять наращивание сил в ходе конфликта более мобильно и динамично, что может повысить угрозу перерастания некоторых локальных конфликтов в глобальные. Это повышает актуальность борьбы миролюбивых сил за международную разрядку, против агрессивных сил империализма, за предотвращение развязывания империалистами международных конфликтов.

В-четвертых, возникает перспектива увеличения вероятности военных конфликтов в самых различных районах мира.

В-пятых, возрастающая опасность развития локальных конфликтов во всеобщий ядерный, в котором агрессор может потерпеть сокрушительное поражение, оказывает растущее сдерживающее воздействие на него, может больше удерживать его от быстрого перехода к «активной стадии» военного столкновения. Это может несколько повысить вероятность, что многие конфликты с

войной точки зрения останутся на «подготовительной стадии» с ее различными формами угроз и демонстраций силы.

Военная сила остается одним из главных средств внешнеполитического арсенала империализма, но в то же время формы ее применения и воздействия на международные отношения в определенной мере меняются.

Происходит некоторое сужение сферы возможностей такого расширения локальных военных кризисов, при которых существует наибольшая вероятность перерастания их в ядерный конфликт, особенно учитывая современную необычайно широкую систему взаимных обязательств, политических гарантий и военных связей. Боязнь лидеров империализма переступить грань, отделяющую локальный конфликт от глобального, или в процессе борьбы двух систем повторять изнурительные военные конфликты типа вьетнамского, а средних и малых государств — быть втянутыми в подобные конфликты в силу обязательств, накладываемых союзами, наконец, стремление США ограничить участие своих граждан в качестве массовой живой силы в локальных военных столкновениях, где большие потери вызывают широкие протесты против действий правительства,— все это ограничивает рамки конфликтов.

Современная военная стратегия империализма в соответствии с концепцией «партнерства» выдвинула понятие о так называемой дифференциации военной ответственности и степени военных усилий союзников по империалистическим блокам на различных уровнях международных конфликтов.

Первая ступень «дифференцированной ответственности» определяется, с точки зрения империалистических военных кругов, на уровне угрозы всеобщей термоядерной войны. Не исключая полностью такой возможности, они имеют в виду, что главную роль в таком конфликте призваны играть стратегические ядерные силы. Подготовка к этой наименее возможной в современных условиях конфликтной ситуации до последнего времени вызывала наибольшие затраты и наибольшие усилия промышленного и научного потенциала.

Другой ступенью «дифференцированной ответственности» служит угроза «региональной атомной войны». Здесь «главная ответственность» также возлагается на

США, но часть ее распространяется на Англию, располагающую собственным ядерным потенциалом.

Далее следует региональный конфликт, в котором участвуют только обычные силы. Здесь «совместную ответственность», по мнению указанных кругов, несут США и их союзники. Наиболее развитая «система ответственности» подобного рода существует в Европе. Во имя ее реализации военная политика большинства западноевропейских государств диктует совершенствование также и их военного потенциала в рамках НАТО.

Наконец, на уровне ограниченного, или локального, конфликта в рамках «дифференцированной ответственности» главные задачи должна решать та страна, которая непосредственно участвует в таком конфликте.

Однако если США будут считать, что конфликт затрагивает их интересы, они должны быть готовы, как выражается Лэйрд, «помочь в духе целесообразности»¹². Это значит, что помочь может состоять как в военной (в первую очередь средствами ВВС и ВМФ, но не исключая полностью применения сухопутных войск), так и в экономической поддержке. Следовательно, до последнего времени предполагалось, что в любом из вариантов «ответственности» вооруженные силы США будут участвовать в конфликте на любом уровне. А это означало, что всякий частный военный конфликт таил в себе опасность перерастания во всеобщий.

Предусматривая «широкий круг альтернатив» и различных уровней конфликтных ситуаций, военно-политические лидеры империализма не считали обязательным придерживаться «низкого уровня» конфликтов. Иными словами, всякий локальный конфликт, развязанный империалистами, мог перерасти в ядерный.

Международные конфликты 60—начала 70-х годов, как уже говорилось, с военной точки зрения включали обычно две основные стадии — подготовительную и активную. Вместе с тем они различались по форме (единовременный или периодически возникающий и затухающий военный конфликт с промежутками более или менее пассивного военного противостояния), по продолжительности (кратковременные, средней продолжительности, длительные), по численности и уровню военных сил (от подразделений до соединений и объединений либо одного вида вооруженных сил — сухопутных войск, флота, авиации, либо двух или трех видов). Наконец, имелись сущ-

щественные различия между военными конфликтами по характеру действий. Здесь существовала довольно широкая шкала вариантов применения империалистическими государствами военной силы, которая могла включать снабжение оружием; усиление военного присутствия в районе конфликтной ситуации; перегруппировку сил в этот район; демонстрацию силы и угрозу ею; военную блокаду; стратегическое развертывание и мобилизацию национальных сил государств региона; то же плюс развертывание в районе конфликта части сил великих держав; ограниченный кратковременный конфликт с применением национальных сил региона; то же в условиях присутствия и угрозы сил великих держав; ограниченный конфликт с участием национальных сил и сил великих держав; крупный (кратковременный или продолжительный) конфликт (локальная война) с участием и национальных сил, и сил великих держав.

В начале 70-х годов в системе международных отношений произошли определенные сдвиги, которые позволяют говорить о том, что в современных условиях сложились объективные военно-политические предпосылки смягчения международной напряженности и уменьшения опасности крупных военных конфликтов.

Безопасность в послевоенном мире и в различных его частях определялась и определяется далеко не «взаимным устрашением», «равновесием страха» или «способностью к гарантированному первому удару», но прежде всего крупнейшими факторами социально-политического развития, в частности:

- развитием исторического процесса роста сил мирового социализма, крупнейшими экономическими и политическими успехами социалистического содружества, ростом его оборонной мощи;

- углублением общего кризиса мировой системы империализма, дальнейшим сужением сферы империалистического влияния, распадом колониальной системы империализма;

- дальнейшим развитием международного революционного движения рабочего класса, национально-освободительного движения народов Азии, Африки, Латинской Америки, объединением усилий народов в борьбе против военной опасности;

- противоречиями империалистических стран, конфликтами, противоречиями между молодыми националь-

ными государствами и старыми колониальными державами.

Как отмечается в Программе КПСС, «монополистическая буржуазия не может отстреляться даже ядерным оружием от непреложного хода исторического развития»¹³.

Все это создает объективные предпосылки для успешной борьбы СССР, других социалистических стран, всех миролюбивых сил за исключение применения силы (и в первую очередь военной силы) и угрозы ее применения при решении всех межгосударственных споров и конфликтов.

**ОСОБЕННОСТИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
КОНФЛИКТОВ
И КРИЗИСОВ
60—70-х ГОДОВ**

**Глава IV
КАРИБСКИЙ
КРИЗИС**

Подготовка правительством США карибского кризиса

Карибский кризис 1962 года был самым острым и самым опасным для дела всеобщего мира.

О событиях, предшествовавших ему и сопровождавших его, уже немало сказано и написано. Американские буржуазные дипломаты, политики, ученые и журналисты по-своему и весьма односторонне интерпретируют дипломатическую борьбу тех дней. Можно упомянуть работу «Тринадцать дней» сенатора Р. Кеннеди, мемуары помощников Дж. Кеннеди А. Шлезингера и Т. Соренсена, в которых дается американализированная, довольно тенденциозная трактовка истории карибского кризиса¹. К карибскому кризису и сегодня часто обращаются американские ученые-международники при анализе теории международных отношений, международных конфликтов и кризисов. При этом они в основном пользуются извращенной версией истории карибского кризиса.

Насколько спонтанным был карибский кризис, явился ли он неожиданным для правительства США? Что явилось его причиной? Чтобы ответить на эти вопросы, надо кратко охарактеризовать международную обстановку летом и осенью 1962 года.

Она была крайне неустойчивой. США расширяли свою интервенцию в Южном Вьетнаме. Над Тихим океаном проводились в атмосфере испытания ядерного оружия. Из-за отказа правительства К. Аденауэра признать

статус-кво в Европе обстановка здесь была также весьма напряженной.

Особенно опасными выглядели действия США в районе Карибского моря. Конгресс США принял решение, согласно которому американское правительство брало на себя обязательство «любыми средствами, какие бы ни требовались, вплоть до применения оружия», бороться против кубинского народа². Сенатор Китинг возглавил разнужданную кампанию с целью заставить правительство начать агрессию против Кубы. Центральное разведывательное управление финансировало кубинских эмигрантов-контрреволюционеров.

В США велась активная антикубинская пропаганда. Прессы раздувала миф о «советской угрозе» в Европе и за ее пределами, сознательно нагнетая тем самым международную напряженность. Наращивались военные приготовления, было мобилизовано 150 тыс. резервистов. Делались попытки организовать также экономическую блокаду Кубы.

Правительство Кеннеди, в свою очередь, пыталось поставить под сомнение законность оборонительных мероприятий, осуществлявшихся правительством народной Кубы. 4 сентября 1962 г. президент в специальном заявлении выдвинул жесткие условия в отношении того, что, по мнению правительства США, могло и чего не могло предпринимать правительство Кубы для укрепления своей обороноспособности. В этом заявлении содержались угрозы в адрес Кубы в случае невыполнения ею американских требований³.

Таким образом, внешняя политика США была откровенно нацелена на форсирование «борьбы с коммунистами» в Западном полушарии вообще и с народной Кубой в частности. Все яснее проступали контуры американского плана подавления кубинской революции.

Советский Союз 11 сентября 1962 г. призвал правительство США «проявить благородие, не терять самообладания и трезво оценить, к чему могут привести его действия, если оно развязнет войну». В советском заявлении намечался реальный путь к нормализации обстановки в районе Карибского моря. «Вместо того чтобы накалять атмосферу такими действиями, — говорилось в заявлении ТАСС, — как мобилизация резервистов, равносильная угрозе начать войну, было бы куда более разумно, если бы правительство США, проявив мудрость,

сделало бы добрый жест — установило бы дипломатические и торговые отношения с Кубой, о желательности чего недавно заявлялось со стороны кубинского правительства»⁴.

Президент Кеннеди 13 сентября 1962 г. в своем заявлении оставил без ответа соображения Советского Союза о путях нормализации американо-кубинских отношений. Вместо этого отдельные положения его выступления содержали прямую угрозу в адрес Кубы: «Если Соединенные Штаты когда-либо сочтут необходимым предпринять военные действия против коммунизма на Кубе, то все поставленное коммунистами оружие и технические советники не смогут изменить последствия или существенно оттянуть время для достижения такого результата»⁵. Заявление президента было снабжено рядом «успокоительных», но двусмысленных фраз. Так, в частности, Кеннеди сказал: «Мы никогда не начнем агрессии в этом полушарии, но и не позволим ее появления»⁶. В сочетании с условиями «сохранения мира» в районе Карибского моря, выдвинутыми президентом Кеннеди, устремления правительства США приобретали откровенно агрессивный характер.

Другим настораживающим обстоятельством явилось то, что правительство США продолжало проводить в рамках Организации американских государств (ОАГ) активную антикубинскую деятельность. В этой связи можно отметить коммюнике, принятое на состоявшемся 2 и 3 октября в Вашингтоне совещании министров иностранных дел и специальных представителей американских государств. В нем утверждалось, что Куба превращается «в вооруженную базу для коммунистического проникновения в Америку»⁷. Участники встречи заявляли об угрозе со стороны Кубы «единству американских государств и их демократическим институтам» и о необходимости «принять против нее специальные меры индивидуального и коллективного порядка»⁸. Так под маской борьбы против «коммунистической интервенции» в Латинской Америке Вашингтон готовил империалистическое вмешательство в дела Кубы. 3 октября 1962 г. конгресс США принял резолюцию, призывающую правительство США принять меры против Кубы, которая «ставит под угрозу безопасность США»⁹.

В условиях обострения конфликта в районе Карибского моря, вызванного планами и акциями США в отноше-

нии Кубы, Советское и кубинское правительства еще летом 1962 года достигли договоренности об укреплении обороноспособности Кубы. На остров были доставлены в оборонительных целях ракеты среднего радиуса действия. Это была акция, направленная на то, чтобы оказать отрезвляющее влияние на сторонников военных авантюров в Вашингтоне и пресечь новую американскую агрессию против кубинского народа.

8 октября 1962 г. президент Кубы О. Дортикос, выступая на Генеральной Ассамблее ООН, заявил, что, если США дадут эффективные гарантии о несовершении военного нападения на Кубу и не будут помогать другим странам пытаться вторгнуться на остров, Кубе незачем будет осуществлять военные мероприятия. США, однако, никак не реагировали на это заявление и продолжали укреплять свои военные базы в районе Карибского моря. ЦРУ усиленно плело вокруг Кубы сеть заговоров и диверсий.

Хорошо известно, что составной частью агрессивной глобальной стратегии США после второй мировой войны стала политика окружения СССР и других социалистических стран густой сетью военных баз. Многие из них создавались в непосредственной близости от границ Советского Союза, причем имели бомбардировочную авиацию дальнего действия, а позднее и ракеты. Также хорошо известно, что Советское правительство неоднократно обращалось к США с предложениями ликвидировать иностранные военные базы, размещенные на чужих территориях. Во время карибского кризиса у правительства США не было оснований требовать от СССР не принимать законных мер по укреплению обороноспособности Кубы, равно как и обвинять Советское правительство в том, что своими «односторонними действиями» оно якобы вызвало карибский кризис.

Корни кризиса следует искать не здесь. Они кроются не только в политике «кризисной дипломатии» 1962 года, но и в самом существе послевоенной внешнеполитической стратегии США, в политике агрессивных происков Вашингтона на международной арене, в подрыве им безопасности других народов. Даже в американской буржуазной литературе время от времени появляются заявления, проливающие свет на действительные причины кризиса. Так, проф. Ф. Грин признает, что «политические корни ракетного кризиса объясняются решением правительства

Кастро направить Кубу по пути глубокой социально-экономической революции»¹⁰.

Обстановка в районе Карибского моря становилась все более напряженной. Над Кубой то и дело появлялись американские самолеты-разведчики «У-2». Эти полеты лишний раз доказывали, что ЦРУ и Пентагон накапливают информацию для возможной наступательной акции против кубинского народа. Президент Кеннеди не только знал о таких полетах, но и непосредственно их санкционировал.

14 октября 1962 г. очередной «У-2» нарушил суверенитет Кубы и произвел аэрофотосъемку кубинской территории. После возвращения самолета на базу начались обработка и изучение разведывательных данных, которые свидетельствовали, как сообщалось, о дальнейшем укреплении военного потенциала Кубы, в том числе ракетного. Об этих данных доложили руководителям ЦРУ и Пентагона, а затем известили специального помощника президента М. Банди. Характерно, что последний не стал сразу беспокоиться по этому поводу Кеннеди. Рано утром 16 октября между Банди и представителями американской разведки имела место обстоятельная беседа. Только после тщательного инструктажа со стороны сотрудников ЦРУ Банди встретился с президентом. (Решающую роль ЦРУ в разжигании карибского кризиса подтверждает, в частности, и Ф. Грин, который пишет, что «разведка играла активную роль в определении политики как перед, так и после обнаружения советских стратегических ракет на Кубе»¹¹.) Когда Банди изложил Дж. Кеннеди версию ЦРУ, то президент не нашел в этом сообщении ничего необычного. В ответ на вопрос президента: «Что это все означает по существу?» — Банди стал доказывать, что обнаруженные ракеты могут быть использованы в «наступательных целях» против США¹².

Дж. Кеннеди, конечно, понимал, как писал впоследствии Т. Соренсен, что появление на Кубе ракет среднего радиуса действия не могло изменить баланса сил между СССР и США, основывающегося главным образом на межконтинентальных стратегических ракетах. Р. Кеннеди, вспоминая о царивших тогда в политической верхушке США настроениях, признавал, что, по распространенному в окружении президента мнению, советские ракеты на Кубе «не вносят изменения в соотношение сил»¹³. К аналогичному выводу пришел и бывший заместитель

помощника министра обороны США по вопросам международной безопасности М. Гальперин. Он пишет, что правительство США в период карибского кризиса руководствовалось больше политическими, чем военными соображениями¹⁴.

Во второй половине октября, еще до того как разразился кризис в районе Карибского моря, Пентагон запланировал военные «учения», которые служили маскировкой для сосредоточения во Флориде и на других американских военных базах вблизи Кубы большого количества войск. Для участия в «маневрах» прибыло 40 тыс. морских пехотинцев, причем 5 тыс. из них дислоцировалось непосредственно на Кубе, на базе Гуантанамо. В боевой готовности находились 82-я и 101-я воздушнодесантные дивизии. Во Флориде была сосредоточена 100-тысячная американская группировка, которая в любую минуту могла осуществить нападение на Кубу. Было мобилизовано 14 тыс. резервистов для обслуживания самолетов транспортной авиации¹⁵.

В сентябре и октябре в конгрессе США подготавливается специальный законопроект, одобренный 23 октября 1962 г. Он предусматривал, что США перестанут оказывать «помощь» странам, которые будут продавать Кубе вооружение и товары «стратегического назначения или будут перевозить эти товары на Кубу»¹⁶. Таким образом американское правительство стремилось ослабить обороноспособность Кубы.

В целях разработки планов действий по отношению к Кубе администрация Кеннеди провела ряд совещаний. Первое из них было созвано в Белом доме 16 октября в 11 час. 45 мин. В специальной директиве президент потребовал сохранения в тайне обсуждаемых планов. За встречей в Белом доме последовало совещание в госдепартаменте. В 18 час. 30 мин. Кеннеди созывает еще одно совещание, и на этот раз снова в Белом доме. Узкая группа доверенных лиц, на которую опирался президент при выработке своей политической линии в те дни, состояла из вице-президента Л. Джонсона, государственного секретаря Д. Раска, министра обороны Р. Макнамары, министра юстиции Р. Кеннеди, генерала М. Тэйлора, а также других помощников и советников: Дж. Маккоуна, Д. Диллона, Э. Стивенсона, М. Банди, Т. Соренсена, Дж. Болла, Р. Гилпатрика, Л. Томпсона, А. Джонсона, Д. Ачесона и Р. Ловетта¹⁷.

Американская военщина предложила Кеннеди осуществить воздушный налет на Кубу с целью уничтожения оборонных объектов, складов и аэродромов. Раздавались требования покончить с Кубой путем вторжения с моря американского десанта. Некоторые из «ястребов» считали необходимым провести серию массированных налетов силами в 500 самолетов¹⁸.

Что касается союзников США по НАТО, то во время подготовки кризисной ситуации Вашингтон их полностью игнорировал. Решение о такой позиции было принято президентом уже на первых секретных совещаниях. Таким образом, главы западноевропейских государств могли убедиться, что США в острейших критических ситуациях вырабатывают свой курс без их согласия и даже ведома. Ссылка на «необходимость» сохранения американских планов в секрете не могла развеять после карibbeanского кризиса чувство недоумения в отношении действий США даже среди многих проамерикански настроенных западноевропейских деятелей. Разумеется, в официальных заявлениях в дни кризиса Западная Европа выражала «полную солидарность» с правительством Кеннеди. Но это была дежурная позиция, на деле скрывавшая глубокую обеспокоенность западноевропейских стран политикой Вашингтона, что отразилось затем и на усилении полигцентризма в НАТО.

Итак, в столице США разрабатывался план международного кризиса. Особенно усердствовали «ястребы». Впоследствии Р. Кеннеди вспоминал, что ряд советников президента «как будто теряли даже хладнокровие и способность трезво оценивать ситуацию»¹⁹. В конце концов президент Кеннеди пришел к выводу, что широкая агрессия американского флота, армии и авиации против усиленной в оборонном отношении Кубы была бы весьма рискованной для США²⁰. Американская военщина, однако, упорно настаивала на прямой агрессии против острова. Основные политические советники высказались в конечном итоге в пользу морской блокады. Кеннеди поддержал этот план, представлявший собой грубое нарушение норм международного права и Устава ООН.

18 октября президент образовал две секретные группы (два подкомитета) из числа тех, кто принимал участие в разработке стратегии кризиса. Обеим группам была дана директива представить в Белый дом детальный план осуществления как воздушного налета на Кубу, так и

морской блокады²¹. Кеннеди, таким образом, становился на опасную дорогу конфронтации с Советским Союзом и Кубой.

18 октября состоялась встреча министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с президентом Дж. Кеннеди. Она широко комментировалась в американской печати в период карибского кризиса, а после убийства Дж. Кеннеди в 1963 году — во всякого рода мемуарной литературе, в том числе и в работе Р. Кеннеди. Основная цель всех этих комментариев — затушевать истинный характер беседы и выдумать еще один предлог для того, чтобы оправдать противоречащие нормам международного права действия правительства США в отношении Кубы и Советского Союза осенью 1962 года. Между тем известно, что, когда в период обострения международной обстановки в районе Карибского моря возникали возможности дипломатического урегулирования кризисной ситуации, правительство Кеннеди длительное время отказывалось их использовать. Это касается в основном раннего, «скрытого» периода подготовки Вашингтоном карибского кризиса. В то время правительство США сознательно отвергало различные дипломатические средства, с помощью которых можно было предотвратить конфликт.

В первой половине октября 1962 года президент Кеннеди и его главные дипломатические советники и не думали обращаться к серьезной дипломатии для разрешения проблем, волновавших их в связи с усилившейся обороноспособностью Кубы. Так, большая часть беседы президента Кеннеди с А. А. Громыко 18 октября 1962 г. была посвящена не «кубинской проблеме», а другим важным международным вопросам, в первую очередь проблеме германского мирного договора и нормализации положения в Западном Берлине.

Кубинский вопрос был поднят во время этой беседы советской стороной. Причем внимание президента было обращено на ряд обстоятельств. Было отмечено, что в течение длительного времени в США ведется активная антикубинская кампания, за которой, очевидно, стоит определенная политика американского правительства. США предпринимают усилия блокировать торговлю Кубы с другими государствами. Этот путь может привести к опасным последствиям для всего человечества, чего, как уверены в СССР, не желает ни один народ, в том

числе и американский. Советская сторона обратила также внимание президента на то, что в США раздаются призывы к агрессии против Кубы и ответственные лица пытаются оправдать агрессивные акции и опасные авантюры²².

Во время беседы президенту Дж. Кеннеди было сказано, что решение подавляющего числа международных проблем является результатом заявлений и переговоров между государствами, в которых правительства излагают позиции по тем или иным вопросам²³. Американскому президенту тем самым ясно давалось понять, что если у США есть какие-либо «претензии» к Кубе или Советскому Союзу, то необходимо разрешить их мирными средствами. Это заявление также было оставлено Дж. Кеннеди без внимания, хотя интересовавшая его «проблема» укрепления обороноспособности Кубы вполне могла быть решена в рамках переговоров. Такой тактики он продолжал придерживаться даже после того, как ему были объяснены причины, по которым СССР оказывает помощь Кубе в укреплении ее обороноспособности.

Президенту было заявлено далее, что в условиях, когда в США раздувается антикубинская кампания и проводятся враждебные акции против Кубы, а заодно и против государств, которые поддерживают с ней добрые отношения, уважают ее независимость и оказывают ей в трудный для нее час помощь, Советский Союз не будет играть роль стороннего наблюдателя²⁴. Президенту Дж. Кеннеди было также сказано, что 60-е годы XX в.—не середина XIX века, не времена раздела колоний и не та пора, когда жертва агрессии могла поднять свой голос только спустя недели, а то и месяцы после нападения на нее. Решение правительства США призвать в армию дополнительно 150 тыс. резервистов было охарактеризовано как чрезвычайно опасная акция, рассчитанная на обострение международной напряженности²⁵.

Итак, до сведения президента США было недвусмысленно доведено, что правительства СССР и Кубы опасаются военного нападения на Кубу и что в этих условиях Советский Союз не может бездействовать. Дж. Кеннеди было разъяснено, что помочь Советского Союза Кубе содействует только обороноспособности и укреплению ее экономики. Обучение же советскими специалистами кубинцев обращению с оружием, предназначенным для обороны их страны, не является угрозой ни для кого²⁶.

В ходе беседы президент США признал, что летом 1962 года кубинский вопрос «стал действительно серьезным». Он высказал беспокойство по поводу того, что СССР быстрыми темпами осуществляет поставки оружия Кубе²⁷. Далее Дж. Кеннеди заявил, что у возглавляемого им правительства нет планов нападения на Кубу. Он, однако, сказал: «Я как президент сдерживаю тех американцев, которые являются сторонниками вторжения на Кубу»²⁸. Тем самым Дж. Кеннеди признал, что в США существуют планы агрессии против Кубы. «Я не знаю, куда все это может нас привести», — заявил он по поводу обстановки в районе Карибского моря. Это заявление Кеннеди, безусловно, не соответствовало действительности, так как выдавало следствие обострения международной обстановки в этом районе за причину этого обострения, на деле вызванного США. Хорошо представлял себе Дж. Кеннеди и будущий ход событий. Он сознательно вел тогда дело к военной конфронтации между США и СССР, хотя все действия Советского Союза на Кубе находились в полном соответствии с международным правом и суверенными правами СССР и Кубы.

Дж. Кеннеди в беседе с А. А. Громыко не касался вопроса о советских ракетах на Кубе, ограничившись лишь общими заявлениями о том, что из-за действий Советского правительства положение в районе Карибского моря «неожиданно ухудшилось». При этом президент имел в виду укрепление обороноспособности Кубы в самом широком плане.

Тогда внимание Дж. Кеннеди вновь было обращено на то, что суть вопроса сводится к тому, будет или не будет кубинское правительство в состоянии отразить попытки нового вторжения на Кубу и предпринять шаги для защиты страны от агрессии. Министр иностранных дел СССР заявил, что Советское правительство откликнулось на призыв Кубы о помощи только потому, что этот призыв преследовал цель устраниć нависшую над Кубой угрозу²⁹. Президенту США было указано, что если Советский Союз и помогает кубинцам в обучении обращению с оружием, предназначенным для обороны, то это никак не может расцениваться как угроза для США.

Дж. Кеннеди в ответ повторил, что у США нет планов вторжения на Кубу, а он стремится к тому, чтобы не допустить действий, которые привели бы к войне, если только такие действия не будут вызваны другой стороной.

Далее президент зачитал сделанное им 4 сентября 1962 г. официальное заявление по кубинскому вопросу, в котором давалась американская интерпретация положения на Кубе.

Из всего изложенного выше вытекает, что в беседе с министром иностранных дел СССР 18 октября 1962 г. президент Дж. Кеннеди ни разу прямо не поднял вопрос о наличии на Кубе советского ракетного оружия среднего радиуса действия. Следовательно, ему и не мог быть дан ответ, есть ли такое оружие на Кубе³⁰. Более того, можно считать, что президент Кеннеди сознательно вводил советскую сторону в заблуждение, скрывая истинные намерения правительства США в отношении Кубы и подчеркивая отказ правительства США от планов нападения на Кубу в то самое время, когда в строжайшей тайне группа приближенных к нему лиц рассматривала различные варианты вторжения на остров американских вооруженных сил. В своих действиях президент исходил из традиционных основ империалистической дипломатии: создавать покров строжайшей секретности в ходе назревания острых международных проблем; действовать, исходя только из корыстных интересов, активно используя в качестве рычага давления на своего противника военно-стратегическую обстановку и методы политического шантажа. Все эти элементы «кризисной дипломатии» были применены правительством Дж. Кеннеди в ходе карибского кризиса.

Разработка линии правительства США в планируемой кризисной ситуации продолжалась в Вашингтоне и после того, как президент Дж. Кеннеди 19 октября, покинув столицу, направился на полтора дня в западные штаты для участия в избирательной кампании. Скорее всего это был отвлекающий маневр, преследовавший цель не столько помочь кандидатам демократической партии на выборах в конгресс США и губернаторов штатов, сколько «дезавуировать» возможную утечку информации о подготовившемся кризисе в том случае, если бы она стала предметом анализа правительствами других государств.

Тем временем представители ЦРУ и Пентагона вновь стали настаивать на бомбардировке Кубы. Они утверждали, что все другие меры были бы «явно недостаточными». «Теперь или никогда!»³¹ — требовали сторонники «горячей» войны. Однако все большее число советников президента начинали приходить к выводу о катастрофических

последствиях такого шага для США. Об этом прямо заявили на одном из секретных совещаний Р. Кеннеди и Т. Соренсен³². Государственный секретарь США Д. Раск предпочитал в основном отмалчиваться. Роберт Кеннеди впоследствии даже утверждал: Д. Раск с тревогой заметил, что американские военные, какие бы доводы они ни выдвигали, «в конечном итоге отстаивают внезапное нападение очень большой страны на очень маленькую страну»³³. По всему ясно, что Д. Раск не чувствовал «приличной» моральной основы под американской позицией.

Среди советников президента образовалось, таким образом, две группы, каждая из которых отстаивала свою точку зрения по поводу того, какие военные силы должны были быть использованы в задуманной акции, в каком объеме и в какой последовательности. Одни выступали за морскую блокаду; другие — за прямую агрессию с помощью военно-воздушных, военно-морских и сухопутных войск³⁴. Требование воздушного массированного налета было вновь выдвинуто группой «ястребов», когда президент возвратился в Белый дом. На прямой агрессии настаивали члены комитета начальников штабов. Начальник штаба ВВС генерал К. Лимэй «решительно спорил с президентом, утверждая, что военное нападение необходимо»³⁵. За воздушное нападение на Кубу высказался и бывший государственный секретарь Д. Ачесон³⁶.

Президент Дж. Кеннеди в конце концов согласился с предложением о морской блокаде. Он лишь заменил в текстах документов слово «блокада» на более спокойное, по его мнению, слово «карантин»³⁷. Правительство США, таким образом, встало на путь открытого нарушения норм международного права.

Днем 22 октября Дж. Кеннеди информировал бывших президентов Э. Гувера, Г. Трумэна и Д. Эйзенхауэра о планируемых им акциях. Он также срочно организовал встречу с двадцатью самыми влиятельными членами конгресса США³⁸. На этой встрече сенатор Рассел потребовал прямого вторжения на Кубу. Рассела поддержал сенатор Фулбрайт³⁹.

Вечером 22 октября, за час до того, как президент Кеннеди должен был выступить с обращением к американскому народу, государственный секретарь Д. Раск пригласил к себе посла СССР в США А. Ф. Добрынина. Д. Раск сразу же заявил советскому послу, что имеет инструкцию не отвечать на какие-либо вопросы по тексту

обоих документов и не комментировать их. Далее он передал А. Ф. Добрынину личное послание президента Дж. Кеннеди главе Советского правительства от 22 октября, а также текст обращения президента к американскому народу⁴⁰.

Ознакомившись с этими документами, советский посол заявил, что правительство США намеренно создает опасный кризис⁴¹, и обратил внимание Д. Раска на то, что США по существу отказались от переговоров по всем вопросам, поднятым в выступлении президента, когда имели место советско-американские двусторонние встречи. Д. Раск ничего не ответил на это замечание. И дело здесь было вовсе не в инструкции, а в том, что ему просто нечего было сказать... Ведь всего за несколько дней до этого он сам не стал развивать в беседе с министром иностранных дел СССР тему об американских военных ракетных базах вблизи границ Советского Союза и не задал никакого вопроса о «советских базах» на Кубе.

22 октября 1962 г. в 19 час. по washingtonскому времени президент Дж. Кеннеди зачитал по телевидению свое заявление, стремясь оправдать безответственные действия правительства США⁴². Так начался карibbeanский кризис.

Дипломатические усилия СССР по ликвидации кризиса

К 22 октября 1962 г. правительство США сконцентрировало в районе Карибского моря крупные соединения военно-морского флота (183 единицы), военно-воздушных сил, парашютистов и морскую пехоту. В боевую готовность были приведены американские войска в Западной Европе. В воздух были подняты бомбардировщики стратегической авиации (50% общего их числа). Подводные ядерные лодки с ракетами «Поларис» заняли оперативные позиции, угрожая социалистическим странам⁴³. Мир стоял у порога термоядерной войны.

Для того чтобы хоть как-нибудь оправдать свои противоречащие международному праву акции в отношении Кубы и СССР, госдепартамент США срочно организовал 23 октября встречу в Вашингтоне Совета ОАГ, на которой была принята резолюция, призывающая латиноамериканские страны «использовать военную силу» против Кубы⁴⁴.

23 октября в 19 час. 6 мин. (по Гринвичу) президент Дж. Кеннеди подписал «прокламацию 3504», объявляв-

шую, что «карантин» Кубы устанавливается с 14 час. 24 октября 1962 г. Прокламация включала в «наступательное оружие» не только ракеты типа «земля — земля», но и бомбардировщики. Министерству обороны США было дано указание претворить директиву президента в жизнь⁴⁵.

23 октября советское посольство посетил брат президента Р. Кеннеди. Он заявил, что его визит продиктован личными соображениями и что он не имеет поручений от президента⁴⁶, и сказал, что лично президент Дж. Кеннеди считает себя «введенным в заблуждение». На вопрос советского посла, почему американское правительство прежде, чем встать на путь, чреватый военным конфликтом между СССР и США, не обратилось к Советскому правительству для разъяснения обстановки, Р. Кеннеди не дал вразумительного ответа. С советской стороны была выражена надежда, что правительство США все же трезво оценит положение и не прибегнет к действиям, которые могут привести к катастрофе.

Обращает на себя внимание следующий факт. Даже после того как правительство США уж спровоцировало карибский кризис, Р. Кеннеди, являясь одним из самых влиятельных членов американского кабинета, в беседе во время посещения советского посольства не счел возможным затронуть вопрос о конкретных путях урегулирования конфликта. Однако чувствовалось, что он явно озабочен создавшимся положением. Покидая посольство, Р. Кеннеди еще раз подтвердил план осуществления морской блокады Кубы. На это советский посол ответил, что меры, принимаемые США в открытом море, нарушают международные нормы свободы судоходства и являются незаконными⁴⁷.

23 октября 1962 г. Советское правительство опубликовало заявление, в котором установление Соединенными Штатами морской блокады Кубы расценивалось как «беспрецедентные агрессивные действия». Внимание правительства других стран обращалось на то, что империалисты США готовы «толкнуть мир к пропасти военной катастрофы». «Народы всех стран, — отмечалось далее в заявлении, — должны ясно представлять себе, что, идя на такую авантюру, Соединенные Штаты Америки делают шаг на пути к развязыванию мировой термоядерной войны». В заявлении подчеркивалось также, что «если агрессоры развязнут войну, то Советский Союз нанесет

самый мощный ответный удар». Правительству США предлагалось принять неоднократно вносившиеся советские предложения о ликвидации военных баз на иностранных территориях в различных частях света. Советское правительство поставило в ООН вопрос о немедленном созыве Совета Безопасности для рассмотрения вопроса «О нарушении Устава ООН и угрозе миру со стороны Соединенных Штатов Америки»⁴⁸.

В период карибского кризиса шла довольно интенсивная переписка по дипломатическим каналам между главой Советского правительства и президентом США. Советская сторона искала путь к мирному урегулированию вызванного США кризиса в советско-американских отношениях, чреватого угрозой всеобщему миру.

В письме на имя президента от 23 октября 1962 г. Председатель Совета Министров СССР отметил, что оружие, находящееся на Кубе, независимо от того, к какому классу оно относится, предназначено только для целей обороны. Заявление президента Дж. Кеннеди от 22 октября было охарактеризовано как неприкрытое вмешательство во внутренние дела Кубы, СССР и других государств. Была выражена надежда, что американское правительство проявит благоразумие и откажется от проводимых им необдуманных действий, которые могут привести к самым катастрофическим последствиям для мира во всем мире⁴⁹.

24 октября посольство США сообщило ответ президента на письмо главы Советского правительства. В нем снова делалась попытка возложить вину за возникновение карибского кризиса на Советский Союз. Вместе с тем Дж. Кеннеди высказывал беспокойство по поводу возможного дальнейшего развития событий. Он выражал надежду, что США и СССР проявят реализм и не предпримут шагов, еще более затрудняющих возможность держать события под контролем. В своем письме президент сообщал также, что установленный США «карантин» вступит в силу в 14 час. (по Гринвичу) 24 октября⁵⁰.

В ответном письме Председателя Совета Министров СССР от 24 октября было отмечено, что действия правительства США носят ультимативный характер, рассчитанный на то, чтобы запугать Советский Союз⁵¹. Американского президента призывали хладнокровно, не давая воли эмоциям, оценить сложившееся положение⁵².

Менее чем через сутки Дж. Кеннеди дал ответ на это письмо главы Советского правительства, в котором пытался интерпретировать последовательность событий летом и осенью 1962 года таким образом, чтобы оправдать свои действия по отношению к Кубе. Меры, принятые для укрепления обороноспособности Кубы, заявил Дж. Кеннеди, «требовали ответных действий, о которых я объявил». Вместе с тем президент выразил свое сожаление по поводу ухудшения отношений между СССР и США. Однако он все еще выдвигал надуманную версию о том, что только односторонние действия Советского правительства могут восстановить существовавшее ранее положение⁵³.

Советское правительство в ответ на призыв и. о. Генерального секретаря ООН У Тана «воздержаться от любых действий, которые могут обострить положение и привести с собой риск войны», заявило, что принимает это предложение⁵⁴. Американская сторона задерживала ответ по существу. И поскольку международная обстановка продолжала обостряться, У Тан направил СССР и США новые послания, в которых еще раз поставил вопрос о выработке основы для соглашения, направленного на урегулирование проблемы мирным путем в соответствии с Уставом ООН. В телеграмме на имя Председателя Совета Министров СССР У Тан просил дать инструкции советским судам, уже находящимся в пути на Кубу, «держаться в стороне от района перехвата», чтобы избежать столкновения с кораблями Соединенных Штатов во время обсуждения различных вариантов возможного соглашения⁵⁵. У Тан призвал также президента Дж. Кеннеди дать инструкции соответствующим американским ведомствам об избежании непосредственного столкновения с советскими кораблями.

Второе послание У Тана США без ответа не оставили. Они согласились принять меры, исключающие столкновения американских и советских судов. Дж. Кеннеди сделал это против воли военщины, которая требовала от него, чтобы действия американских военных кораблей распространялись за пределы зоны «карантина», в открытый океан. Цель этих требований была одна — спровоцировать столкновение между американскими и советскими судами. Как впоследствии отмечал Т. Соренсен, произошла «острая стычка с представителями военно-морских сил»⁵⁶.

Тон ответа Дж. Кеннеди уже значительно отличался от его выступления по телевидению, когда президент угрожал Кубе и СССР морским «карантином». «Я получил Ваше сегодняшнее послание, — писал он У Тану. — Я по-прежнему понимаю и приветствую Ваши усилия, направленные на достижение удовлетворительного решения. Я понимаю и разделяю Вашу озабоченность по поводу необходимости проявлять большую осторожность впредь до начала обсуждения»⁵⁷. Дж. Кеннеди обещал У Тану, что американские военные корабли в Карибском море сделают все возможное, чтобы избежать непосредственного столкновения с советскими судами. В письме к У Тану президент снова утверждал, что «наступательное оружие» СССР на Кубе якобы угрожает миру⁵⁸. Американский президент вновь извращал здесь причину конфликта.

Тактика правительства США во время карибского кризиса, приемы и методы, к которым прибегнул Белый дом в попытке достичь определенных целей, свидетельствуют о том, что правительство США в октябре 1962 года в своих действиях в значительной мере стремилось опереться на политический шантаж. Склонность американской внешней политики и дипломатии к довольно широкому и частому использованию методов политического давления в послевоенной стратегии и тактике была тесно связана с тем, что рамки применения реальной военной силы американским империализмом по мере укрепления оборонного потенциала СССР и других социалистических стран сужались.

Это не означало, что США не шли на применение военной силы путем использования обычных, неядерных видов вооружения. Достаточно напомнить о событиях в Корее, Лаосе, Вьетнаме, Доминиканской Республике, на Кубе, чтобы убедиться в этом. Что касается, однако, прямой военной конфронтации с Советским Союзом, то США стремились ее избегать, хотя Пентагон и ЦРУ часто высказывали свое несогласие с подобным курсом. Американские президенты принимали это к сведению, но на прямое военное столкновение все же не решались. Зато широко использовались методы давления, призванные убедить противоположную сторону, что Вашингтон при возникновении той или иной нежелательной для него ситуации готов без промедления применить как обычные, так и ядерные силы.

В американских научно-исследовательских институтах, занимающихся международными проблемами, внимательно изучаются приемы и методы тактики политического давления и шантажа. Для того чтобы эта тактика была, как считают американские теоретики и политики, единственной, ей на помощь должны быть призваны средства массовой информации и дезинформации. Привлекают их обычно в момент, когда заканчивается секретный этап операции по подготовке к тому или иному эпизоду в «войне нервов» с Советским Союзом.

Так было и в период карибского кризиса. После того как спала пелена секретности, окутывавшая подготовку правительством Дж. Кеннеди карибского кризиса, с помощью массовых средств информации началось сильное психологическое давление в выгодном для правительства США направлении на американское общественное мнение, союзников США по военным блокам, развивающиеся страны и, конечно, не в последнюю очередь на Советский Союз.

На специальном инструктаже для представителей печати министр обороны США Р. Макнамара даже заявил, что США не остановятся перед потоплением советских судов, доставлявших на Кубу оружие «наступательных видов»⁵⁹. Подобного рода высказывания быстро «просачивались» в печать, на радио, телевидение, которые активно нагнетали тревожную атмосферу, предсказывая скорую «пробу сил».

Конечно, тактика политического нажима не исчерпывала собой сущности момента. Р. Кеннеди признал позднее, что «президент Кеннеди наметил курс событий, привел их в движение, но уже не мог контролировать их»⁶⁰. Решающую роль в том, что события были поставлены под контроль, сыграло Советское правительство. Заслуга же президента Дж. Кеннеди состоит в том, что он в конце концов устоял перед давлением правых, призывающих к войне с Кубой и Советским Союзом.

26 октября глава Советского правительства направил президенту США ответ на его письмо от 25 октября. В нем подчеркивалось, что народы социалистических стран, а также все прогрессивное человечество хотят мира, рассматривают войну как бедствие, а не как игру и средство для достижения политических или других целей и тем более не как самоцель⁶¹. Американскому президенту было еще раз разъяснено, что его аргументы относительно

«наступательного оружия» на Кубе не имеют под собой почвы. Решение США о «карантине» Кубы было совершенно справедливо приравнено к пиратским мерам⁶². Далее в письме содержались конкретные предложения, которые позднее в значительной мере легли в основу урегулирования карибского кризиса. «Давайте нормализуем обстановку», — предлагалось американскому президенту. Если бы президент и правительство США дали заверения, что США не осуществляют нападения на Кубу и сдержат от таких действий других, то международная обстановка быстро изменилась бы к лучшему⁶³. Вместе с тем президенту было твердо заявлено, что если он установил «карантин» в качестве первого шага к развязыванию войны, то у СССР не остается ничего другого, как принять этот вызов⁶⁴.

Характерно, что Р. Кеннеди в своей книге дает ряд выдержек (в прямой и косвенной форме) из послания советской стороны от 26 октября⁶⁵. Он, однако, не приводит слов о том, что Советский Союз будет вынужден принять военный вызов США, если таковой будет ему навязан американской стороной. Это положение советского послания от 26 октября свидетельствовало о твердости СССР перед лицом агрессивных действий США, которая, однако, как видно из послания, сочеталась с гибкостью. Недаром Р. Кеннеди впоследствии признал, что в советском послании содержались «зачатки какого-то компромисса, какого-то соглашения» и это вселило в него чувство оптимизма⁶⁶.

Правительство Кубы, как известно, также предприняло шаги, направленные на поиски мирных путей урегулирования карибского кризиса. Оно положительно реагировало на акции и. о. Генерального секретаря ООН. 26 октября У Тан направил Фиделю Кастро послание, в котором призвал Кубу внести свой вклад в дело сохранения мира «в нынешних критических обстоятельствах»⁶⁷. 27 октября премьер-министр Кубы дал ответ, в котором отмечалось, что Куба готова обсудить все, что будет необходимо, относительно ее разногласий с Соединенными Штатами и сделать в сотрудничестве с ООН все, от нее зависящее, чтобы разрешить существующий кризис.

Вместе с тем в послании содержалось справедливое замечание о том, что Куба решительно отвергает действия, нарушающие ее суверенитет, каким является и мор-

ская блокада — акт насилия и войны. Правительство Кубы сообщало, что оно было бы готово принять предлагаемые У Таном условия, «если только в то же самое время правительство Соединенных Штатов воздержится в период переговоров от угроз и агрессивных действий против Кубы, включая морскую блокаду нашей страны». Это была справедливая и четкая позиция.

Ф. Кастро выразил также готовность внимательно рассмотреть любое новое предложение У Тана и пригласил его посетить Кубу, чтобы обсудить на месте вопросы, связанные с карибским кризисом⁶⁸.

У Тан высоко оценил миролюбивую политику кубинского правительства и в своем ответе Фиделю Кастро дал согласие приехать на остров, чтобы «продолжить наши общие усилия по мирному урегулированию проблемы»⁶⁹.

Поздно вечером 27 октября советского посла в США пригласил к себе Р. Кеннеди. Беседа велась наедине. Р. Кеннеди заявил, что кубинский кризис продолжает обостряться. Далее он рассказал, что на его брата-президента Пентагон оказывает сильное давление из-за сбитого над Кубой американского разведывательного самолета. Выразив опасение, что если начнется война, то в ней погибнут миллионы американцев, он заявил, что правительство США стремится избежать этого. Далее Р. Кеннеди высказал уверенность в таком же стремлении Советского Союза. Промедление с поисками выхода из кризиса связано с большой опасностью и риском.

Р. Кеннеди заметил, что в США среди высокопоставленных генералов много глупых голов, которые так и рвутся, чтобы подраться. Он не исключил возможности того, что ситуация может выйти из-под контроля, что привлечет за собой непоправимые последствия. Р. Кеннеди заявил также, что, по мнению президента, подходящей базой для урегулирования карибского кризиса могли бы явиться советские предложения от 26 октября и ответное письмо американской стороны. Правительство США готово дать заверения, что никакого вторжения на Кубу не будет и все страны Западного полушария — в этом он уверен — готовы дать аналогичные заверения⁷⁰.

Советский посол поднял вопрос о необходимости ликвидировать американские ракетные базы в Турции. Р. Кеннеди не отклонил такой возможности. Он заметил, что подобное решение может быть принято НАТО, и далее заявил: «Президент Кеннеди уже давно стремится

вывезти эти ракеты из Турции и Италии. Некоторое время назад он распорядился об удалении этих ракет, и мы считаем, что вскоре, после окончания нынешнего кризиса, эти ракеты будут вывезены»⁷¹. Это было уже вполне определенное обещание в дополнение к основному соглашению правительства США дать гарантии о невторжении на Кубу. В ходе беседы Р. Кеннеди настойчиво возвращался к одной теме: время не терпит, нельзя его упускать. С этими словами он и расстался с советским послом, оставив ему номер прямого телефона в Белый дом и заметив, что почти все время проводит вместе с президентом.

Таким образом, Дж. Кеннеди и его ближайшее окружение, встретив твердую, но в то же время гибкую позицию Советского правительства, отказались от ультимативных требований, изложенных президентом США 22 октября, и взяли курс на поиск компромиссной основы для ликвидации карибского кризиса.

Советскому послу в США было дано поручение сообщить американской стороне, что соображения, высказанные по просьбе президента Дж. Кеннеди, встретили в Москве положительный отклик⁷².

27 октября в официальном послании Советского правительства были выдвинуты компромиссные предложения, которые и послужили основой для урегулирования кризиса. СССР согласился вывезти с Кубы ракеты, которые США считали «наступательными», но при обязательном условии, что американское правительство согласится уважать неприкосновенность границ Кубы и обязуется не осуществлять в отношении ее агрессии⁷³.

В Вашингтоне реакция на советское послание была противоречивой. Противники ликвидации кризиса считали, что США не должны соглашаться с требованием СССР о вывозе американских ракет из Турции⁷⁴. Отражением такого рода агрессивных настроений стало заявление Белого дома от 27 октября 1962 г., в котором делалась попытка доказать, что проблемы безопасности Западного полушария и проблемы безопасности Европы не взаимосвязаны и что карибский кризис должен быть урегулирован, прежде чем можно будет взяться за решение других проблем⁷⁵. Таким образом, публично американское правительство не хотело обсуждать вопрос о ликвидации ракетных баз США в Турции. В то же время, как отмечает Р. Кеннеди, в конфиденциальном порядке этот вопрос обсуждался, и президент Дж. Кеннеди принял

принципиальное решение о вывозе американских ракет из Турции.

Советские предложения от 27 октября были в высшей степени справедливыми. Это вынуждены признать и многие видные американские исследователи карибского кризиса. Так, Дж. Стоссингер пишет, что советские предложения «выглядели разумными — они отражали широко распространенное среди нейтралов мнение, что обе стороны должны пойти на компромисс и пожертвовать чем-то. Такая позиция широко поддерживалась в ООН, и ряд уважаемых западных комментаторов, например Липпман, приветствовали ее»⁷⁶.

Основные советники президента к 27 октября уже были хорошо осведомлены о настроениях Дж. Кеннеди. В результате к вечеру того же дня в Вашингтоне было подготовлено ответное послание Советскому правительству, где президент США дал заверение об отказе от вторжения на Кубу, а также обещал быстро отменить «карантин»⁷⁷. Но даже в тот момент некоторые представители Пентагона все еще внушили президенту Дж. Кеннеди, что не следует идти на компромисс. Р. Кеннеди приводит, например, следующий факт: «В то памятное воскресное утро, когда русские сообщили, что они вывезут свои ракеты, один высокопоставленный военный советник рекомендовал, чтобы Соединенные Штаты в понедельник в любом случае перешли к наступательным действиям». И далее отмечает: «Президента Кеннеди крайне тревожила неспособность военных видеть дальше ограниченной военной области»⁷⁸.

28 октября Советское правительство направило правительству США новое послание, в котором подтвердило свою готовность выполнить взятые на себя обязательства по ликвидации карибского кризиса и вместе с тем заявило, что СССР будет продолжать оказывать Кубе помощь в борьбе против агрессии⁷⁹.

28 октября президент Дж. Кеннеди сделал заявление, в котором обещал, что США, после того как будет полностью ликвидирован карибский кризис, уделят большое внимание «проблеме предотвращения гонки вооружений и ослабления международной напряженности». Далее Дж. Кеннеди выступил за достижение соглашений о нераспространении ядерного оружия, о запрещении ядерных испытаний и предложил немедленно начать переговоры по этим проблемам в «конструктивном духе»⁸⁰.

1 ноября 1962 г. в Гавану для обмена мнениями с правительством Кубы по проблемам карибского кризиса вылетел первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян. Направляясь на Кубу, он остановился в Нью-Йорке, где у него состоялась беседа о путях ослабления международной напряженности с У Таном, а также с Э. Стивенсоном. На Кубе в ходе обмена мнениями между А. И. Микояном и Фиделем Кастро были согласованы точки зрения о мирном урегулировании карибского конфликта. В течение первой половины ноября по дипломатическим каналам и через ООН шел обмен мнениями по поводу ликвидации остатков вызванного США карибского кризиса. Переговоры проходили, во-первых, путем обмена устными заявлениями между советской и американской сторонами и, во-вторых, в ходе бесед между американским представителем Д. Макклоем и первым заместителем министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецовым.

В ходе имевших место советско-американских контактов по урегулированию карибского кризиса президент Дж. Кеннеди и другие американские официальные лица неоднократно проявляли непоследовательность при решении проблем, связанных с возникшей по их же вине островной ситуацией. Они, например, пытались, выходя за рамки достигнутой ранее договоренности, произвольно толковать термин «наступательное оружие», всячески усложняли вопрос о том, какую форму следует придать договоренности, в соответствии с которой США брали на себя обязательство не совершать агрессии против Кубы. Все это отражало определенную борьбу в политических кругах США, где экстремистские элементы, недовольные достигнутым компромиссом, стремились если не сорвать его, то во всяком случае свести к такому положению, которое давало бы США явные преимущества.

Президент Дж. Кеннеди все же в основном продолжал придерживаться уже достигнутой договоренности. 16 ноября он высказался в пользу того, чтобы американские заявления были официально оформлены⁸¹. США предстояло зафиксировать обязательство не нападать на Кубу и удерживать от этого другие страны Западного полушария, а также прекратить блокаду Кубы.

В результате сложной дипломатической борьбы, в ходе которой Советское правительство заняло инициативную и гибкую позицию, основные проблемы карибского

кризиса были решены. 20 ноября президент Дж. Кеннеди объявил на пресс-конференции о снятии «карантина». 21 ноября Советское правительство дало указание ракетным войскам стратегического назначения перейти от полной боевой готовности к нормальной боевой подготовке и повседневной деятельности. В стратегической авиации было отменено состояние боевой готовности⁸².

Что касается принятия согласованных заявлений СССР и США в ООН, которые как бы подводили итог выполнению взаимных обязательств сторон, выдвинутых в посланиях глав правительств СССР и США, то американская сторона всячески затягивала доведение этого дела до конца. Для оправдания такой позиции использовались рассуждения о том, будто бы СССР «отступил» от ряда своих обязательств, например в вопросе о проверке. Наряду с этим Дж. Кеннеди в принципе высказался за продолжение работы над текстами декларации и предложил ускорить представление американской стороне советского текста. В конце концов удалось достичь согласия о том, что урегулирование карибского кризиса должно быть оформлено в виде деклараций трех сторон — СССР, Кубы и США, которые представляются на одобрение Совету Безопасности.

Оставалось согласовать тексты деклараций⁸³. Американские представители, однако, стали настаивать на том, чтобы декларации не подлежали одобрению Советом Безопасности, а были просто «зарегистрированы» в ООН. Вскоре стало ясно, что правительство США приняло решение затянуть, а затем и сорвать переговоры о выработке декларации.

Для оправдания такого хода событий перед мировой и американской общественностью в печати США инспирировался сведома президента ряд статей, в которых снова в извращенном виде преподносili события, предшествовавшие карибскому кризису. В частности, в журнале «Сатердей ивнинг пост» была опубликована статья «Белый дом во время кубинского кризиса». В ней всячески превозносилась деятельность президента Дж. Кеннеди во время карибского кризиса и резко критиковался представитель США в ООН Э. Стивенсон, который, как заявлялось, еще в начале кризиса был сторонником переговоров с СССР, а не курса, принятого американским правительством и чреватого военным столкновением. Делалась также попытка вновь обвинить СССР в том, что его предста-

вители «вводили американского президента в заблуждение». Эти шаги были предприняты с явной целью осложнить переговоры в Нью-Йорке по вопросу об обязательстве США не вторгаться на Кубу.

7 января 1963 г. советский представитель на переговорах по урегулированию карибского кризиса В. В. Кузнецов и американский представитель в ООН Э. Стивенсон обратились с совместным письмом к Генеральному секретарю ООН У Тану. Они отметили, что, хотя обоим правительствам «не удалось разрешить все проблемы», связанные с карибским кризисом, они считают, что «достигнутая степень согласия между ними по урегулированию кризиса» делает ненужным оставление данной проблемы в повестке дня Совета Безопасности ООН. Далее в письме говорилось: «Правительства Соединенных Штатов Америки и Советского Союза выражают надежду, что предпринятые в связи с кризисом действия по предотвращению угрозы войны приведут к разрешению других разногласий между ними и к общему ослаблению напряженности, которая могла бы быть причиной сохранения угрозы войны»⁸⁴.

Однако и в начале 1963 года все еще имели место многочисленные попытки со стороны «ястребов» подтолкнуть правительство США на новые авантюристические действия против Кубы и СССР. На своей пресс-конференции 7 февраля 1963 г. президент Дж. Кеннеди признал, что правительство США «каждый месяц получает сотни сообщений» о присутствии советского «наступательного оружия» на Кубе. Он подтвердил, что даже ряд членов конгресса США поставляют такую «информацию», отказываясь сообщать о ее источниках. «Мы не можем основывать решение вопросов войны и мира, исходя из слухов или сообщений, которые не затрагивают существование проблемы...»⁸⁵, — констатировал президент. Далее Дж. Кеннеди прямо заявил критикам деятельности его правительства, что он не верит в то, что Советский Союз хочет «большой войны». Эти официальные заявления американского президента о невторжении на Кубу, сделанные как в период карибского кризиса, так и после него, показали, что США в своей внешней политике были вынуждены учитывать договоренность, достигнутую правительствами СССР и США в ноябре 1962 года.

Таким образом, карибский кризис, затрагивая интересы двух ядерных держав, явился чрезвычайно опасным

для дела всеобщего мира. В его основе лежала агрессивная политика США в отношении СССР и Кубы. Непосредственным поводом для развязывания кризиса правительство США избрало факт укрепления обороноспособности Кубы с помощью советских ракет.

Карибский кризис имел две фазы. Во время первой, продолжавшейся с 14 по 22 октября 1962 г., правительство США осуществляло меры секретного, скрытного характера по развязыванию этого международного кризиса, оно отказалось от использования дипломатических средств для контроля за возникшей ситуацией. 22 октября началась вторая фаза кризиса, в ходе которой правительство США использовало все рычаги давления на СССР и Кубу для того, чтобы добиться для себя односторонних уступок. Эта линия потерпела провал. В ходе второй фазы, продолжавшейся вплоть до 27 октября, правительство СССР приложило активные дипломатические усилия по ликвидации кризиса на компромиссной основе. В этом же направлении было вынуждено действовать и правительство Дж. Кеннеди, так как президент США в конце концов понял, к каким опасным для самих американцев последствиям приведет в данной ситуации осуществление военных акций против СССР и Кубы. После 27 октября имела место активизация дипломатических действий СССР, Кубы и США по поиску и закреплению компромиссной основы урегулирования карийского кризиса, причем США были вынуждены дать согласие на отказ от планов подготовки агрессии против острова Свободы.

АГРЕССИЯ США В ИНДОКИТАЕ

Индокитайский очаг международной напряженности возник после второй мировой войны в результате действий международного империализма во главе с США, пытавшегося остановить национально-освободительное движение в Азии. Объектом для главного удара империализма в Индокитае был избран Вьетнам, где в августе 1945 года произошла революция и возникло первое в Юго-Восточной Азии народно-демократическое государство — Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ).

Наряду с вьетнамским конфликтом в индокитайском очаге международной напряженности возникли и развертывались (параллельно с вьетнамским) и два других — лаосский и камбоджийский. С момента возникновения они, безусловно, были теснейшим образом связаны друг с другом, что прежде всего определялось тем фактом, что все три революционных потока в Индокитае возникли на общей основе борьбы с французским колониализмом. Эта общность нашла свое отражение и в международном плане: на Женевском совещании 1954 года предметом обсуждения и политического решения явилась обстановка во всех трех странах Индокитая. Однако едва ли можно игнорировать и тот факт, что каждый из конфликтов, возникших в регионе на общей основе политики колониализма, направленной на подавление национально-освободительных сил, имеет свои специфические черты, которые проявились уже в первый период, до Женевского совещания 1954 года.

Борьба национально-освободительных сил в каждой из трех стран Индокитая имела свои особенности, определявшиеся уровнем социально-экономического и политического развития этих стран, размахом революционной

борьбы: именно в силу этих факторов после второй мировой войны во Вьетнаме возник народно-демократический строй, а в соседних с ним странах бывшего французского Индокитая — Лаосе и Камбодже — осталась система власти с феодальными пережитками.

Особенности международных конфликтов и кризисов в Индокитае определялись прежде всего характером и масштабами империалистического вмешательства, которое с середины 50-х годов осуществлялось главным образом Соединенными Штатами. Именно в результате этого вмешательства конфликтные ситуации в странах Индокитая, возникшие в процессе антиколониальной борьбы и первоначально ограничивавшиеся в основном национальными рамками, превратились в локальные международные конфликты.

Интервенция империализма во Вьетнаме

Вьетнамский конфликт прошел в своем развитии пять основных этапов:

первый	— с 1946 по 1954 год,
второй	— с 1955 по 1960 год,
третий	— с 1961 по 1963 год,
четвертый	— с 1964 по 1968 год,
пятый	— с 1969 года.

На первом этапе вьетнамский конфликт развертывался на всей территории Вьетнама — и на севере, и на юге страны.

Политика США на первом этапе вьетнамского конфликта определялась действием двух главных факторов: с одной стороны — американо-французскими межимпериалистическими противоречиями, с другой — реальным соотношением сил на международной арене. Первый фактор определил выжидательную политику Вашингтона (до 1950 г.) и их серьезно «опоздавшую» военную помощь Франции. Конкретным отражением действия второго фактора явилась позиция США на Женевском совещании 1954 года, на котором американский империализм вынужден был признать новое соотношение сил, сложившееся в мире и в Юго-Восточной Азии.

Женевскому совещанию предшествовал серьезный международно-политический кризис, возникший прежде всего в результате политики США в отношении Вьетнама.

Как известно, еще осенью 1953 года правящие круги Франции приняли решение о политическом урегулировании во Вьетнаме. 28 октября 1953 г. французское национальное собрание 315 голосами против 251 проголосовало за переговоры с целью заключения мира¹. Это решение было принято под воздействием многих факторов:

Во-первых, положение французского экспедиционного корпуса во Вьетнаме становилось все более безнадежным; вьетнамские силы сопротивления, получавшие возраставшую помощь от социалистического содружества, наносили войскам колонизаторов одно поражение за другим.

Во-вторых, колониальная война французского правительства резко обострила внутриполитическое положение в самой Франции. Против «грязной войны» активно выступали широкие слои французского народа.

В-третьих, война все больше расшатывала международные позиции Франции. Мощное движение сторонников мира, активно выступавших против войны французских колонизаторов, безусловно, оказывало соответствующее влияние на позицию правящих кругов стран Западной Европы, что привело в тот период к определенной изоляции Франции на международной арене.

В сложившихся условиях французское правительство все отчетливее понимало, что военное решение во Вьетнаме невозможно, причем эту точку зрения разделяло и верховное командование французской армии. Об этом наглядно свидетельствовало, в частности, заявление начальника генерального штаба французской армии генерала П. Эли, сделанное им Дж. Ф. Даллесу 11 марта 1954 г.: «По мнению французского командования и французского правительства, военное решение индокитайского конфликта на приемлемых условиях и приемлемой ценой невозможно»².

Однако США, активно участвовавшие вместе с Францией во вьетнамском конфликте (они приняли на себя 78% всех расходов на войну во Вьетнаме³), не желали согласиться с этой реалистической оценкой положения дел. Американское руководство публично заявило, что оно не исключает возможности своего прямого вмешательства в Индокитай. И это были не пустые заявления: Объединенный комитет начальников штабов подготовил конкретный план открытого военного вмешательства США во Вьетнаме.

Как писал бывший в то время начальником управления планирования штаба армии генерал Дж. Гевин, операция под кодовым названием «Стервятник» предусматривала открытое участие в войне ВВС США и высадку американского десанта в дельте Красной реки в Северном Вьетнаме. Именно эти планы США, всячески пытавшихся обострить и расширить конфликт, и лежали в основе международно-политического кризиса, вспыхнувшего в ходе вьетнамского конфликта в начале 1954 года.

Агрессивные планы правящих кругов США были сорваны активным дипломатическим наступлением социалистических стран и всех миролюбивых сил; по инициативе СССР в январе 1954 года была достигнута принципиальная договоренность о созыве международной конференции для рассмотрения вопроса о прекращении войны в Индокитае.

Однако и после этого США всемерно пытались продлить агонию французского экспедиционного корпуса во Вьетнаме. 11 марта 1954 г. за 48 часов до начала осады окруженных в Дьенбьенфу французских войск американское руководство на переговорах с начальником генштаба французской армии генералом П. Эли потребовало продолжения войны, обещая реализовать разработанную Пентагоном операцию «Стервятник»⁴. 7 мая 1954 г. французская армия потерпела сокрушительное поражение при Дьенбьенфу, а планы открытого военного вмешательства США во Вьетнаме так и не были реализованы.

Американское руководство не рискнуло пойти на оказание серьезной военной поддержки осажденному в Дьенбьенфу французскому экспедиционному корпусу, хотя прекрасно понимало, в каком безвыходном положении оказался их союзник, поражение которого могло бы означать в то время для Запада потерю всего Вьетнама.

«Сдержанность» политики США, не рискнувших открыто вмешаться своими вооруженными силами в начальный период вьетнамского конфликта, объяснялась соотношением сил на международной арене — укреплением мощи лагеря социализма, целым комплексом внутриполитических причин и, в частности, боязнью американского руководства быть вовлеченым в новую «большую войну» в Азии, а также антивоенными настроениями американской общественности и, наконец, американо-французскими межимпериалистическими противоречиями, стрем-

лением Соединенных Штатов окончательно подорвать позиции своего союзника в Индокитае.

Кризисная ситуация, возникшая во Вьетнаме в первой половине 1954 года, была, как известно, разрешена на международном совещании в Женеве с участием великих держав, которое завершилось принятием согласованных решений, касавшихся прекращения военных действий в трех странах бывшего французского Индокитая и путей дальнейшего мирного развития этих стран.

На совещании в Женеве были предприняты усилия по мирному урегулированию и предотвращению дальнейшего обострения и расширения вьетнамского конфликта. Однако окончательного урегулирования вьетнамского конфликта не произошло: США и другие империалистические державы в нарушение Женевских соглашений 1954 года сделали все от них зависящее, чтобы конфликтная ситуация во Вьетнаме, как и в других странах Индокитая, не исчезла.

На втором этапе развития вьетнамского конфликта (1955—1960 гг.) — он ограничивался Южным Вьетнамом — политика США была направлена на подрыв Женевских соглашений по Вьетнаму и на упрочение марионеточного режима в Сайгоне, провозглашенного 26 октября 1955 г.

Третий этап вьетнамского конфликта (1961—1963 гг.) характерен резким усилением вмешательства США в дела Южного Вьетнама. К началу 60-х годов в Южном Вьетнаме усилилась гражданская война, в борьбу против диктаторского режима Нго Динь Дьема вступили широкие слои населения. В этой обстановке администрация Дж. Кеннеди сделала попытку добиться победы в Южном Вьетнаме при помощи «противоповстанческих операций» в рамках принятой в США в 1961 году доктрины «гибкого реагирования».

Правительство Дж. Кеннеди резко увеличило численность «противоповстанческих сил». Одновременно президент Дж. Кеннеди не исключал возможности заигрывания с нейтралитскими силами в Индокитае, в частности в Южном Вьетнаме, как одного из путей достижения целей США в этом районе мира.

Изменение политической обстановки в США, последовавшее за убийством президента Дж. Кеннеди, оказало влияние на дальнейшее течение вьетнамского конфликта; 30 января 1964 г. в Сайгоне был организован новый пере-

ворот, в результате которого к власти пришел ставленник Пентагона южновьетнамский генерал Нгуен Кхань. С этого времени и начался четвертый этап вьетнамского конфликта. В рамках его имел место острейший международно-политический кризис, кульминацией которого явились «тонкинские события» в августе 1964 года и последовавшая за ними первая массированная бомбардировка американскими ВВС территории ДРВ. Как развертывался этот кризис?

В конце 1963 — начале 1964 года американское руководство, отказавшись от имевшейся в то время возможности урегулировать вьетнамскую проблему политическим путем, взяло курс на расширение агрессии. С января по июль 1964 года продолжался период, когда Вашингтон лихорадочно подготавливал все необходимое для развязывания «локальной войны» в Индокитае. Об этом еще в 1965 году подробно и аргументированно говорилось в официальных заявлениях Демократической Республики Вьетнам и НФО Южного Вьетнама. Так, в сборнике документов, изданном в 1965 году министерством иностранных дел ДРВ, говорится: «К концу 1963 года военные и политические меры, которые приняли США с целью избежать поражения и дальнейшего «увязания» в Южном Вьетнаме, оказались тщетными. С самого начала 1964 года руководящие круги Вашингтона планировали перенести войну на Северный Вьетнам»⁵.

Когда было сделано это заявление, на Западе объявили его «пропагандой». Однако вся дальнейшая политика Вашингтона, и это подтверждено опубликованными в 1971 году секретными документами Пентагона⁶, доказывает полную правоту приведенной оценки американской политики.

В начале 1964 года в США был разработан план, который предусматривал изменение характера американского вмешательства во Вьетнаме. Главным компонентом этого плана развертывания агрессии была воздушная война против ДРВ. К августу 1964 года американское военное командование полностью подготовилось к ведению такой войны: к берегам Вьетнама были стянуты авианосцы 7-го флота; ВВС США, базировавшиеся в Таиланде и в других странах Азии, были усилены и подготовлены к началу боевых операций. Не хватало лишь одного звена — достаточно «солидного» предлога для раз-

ввязывания воздушной войны против ДРВ. Таким предлогом и явились «тонкинские события», на основе которых конгресс Соединенных Штатов принял пресловутую «тонкинскую резолюцию». С ее помощью Вашингтон в течение многих лет пытался юридически обосновать свою агрессию против ДРВ.

Существо дела хорошо известно. Оно заключалось в том, что американская военщина заранее подготовила и осуществила военную провокацию в Тонкинском заливе — территориальных водах ДРВ, а затем предприняла первую массированную воздушную атаку против ДРВ, подвергнув бомбардировке многие районы страны. Через два дня, опять-таки на основе этих событий, американский конгресс утвердил предложенную правительством «тонкинскую резолюцию», которая давала президенту Л. Джонсону неограниченные полномочия для ведения войны, так официально и не объявленной Вашингтоном.

Версия, которая была выдвинута представителями правительства США, в частности министром обороны Р. Макнамарой на заседании сенатской комиссии 6 августа 1964 г., гласила, что 2 августа на американский эсминец «Мэддокс», находившийся якобы вне пределов территориальных вод ДРВ, напали торпедные катера ДРВ. Нападение это будто бы повторилось 4 августа — уже на два американских военных корабля — «Мэддокс» и «Тэрнер Джой». В течение нескольких лет официальный Вашингтон упорно твердил, что именно в ответ на эти нападения президент Л. Джонсон отдал приказ о воздушном налете на ДРВ и навязал «тонкинскую резолюцию» конгрессу.

Версия Вашингтона сразу же была разоблачена в официальных заявлениях ДРВ, например в телеграмме министра иностранных дел республики на имя Председателя Совета Безопасности ООН от 19 августа 1964 года. В ней полностью отрицалась какая-либо причастность ДРВ к событиям 4 августа, о которых говорилось в вашингтонской версии⁷. Следует отметить, что к рассмотрению этой версии сенатская комиссия по иностранным делам вернулась в феврале 1968 года. Во время специального слушания, посвященного событиям августа 1964 года, было доказано, что, вопреки утверждениям официальных кругов Вашингтона, 2 августа эсминец «Мэддокс» действительно находился в пределах территориальных вод ДРВ. Инцидент 4 августа комиссия вообще ставила

под серьезное сомнение. В докладе комиссии говорилось, что Р. Макнамара ввел американский сенат в заблуждение, не сообщив ему 6 августа 1964 года, какими двусмысленными были донесения главнокомандующего американскими войсками в бассейне Тихого океана о втором инциденте. То, что он обрисовал как нечто совершенно определенное, констатировала сенатская комиссия, в действительности было весьма неясным⁸. Впрочем, сенатору Морзе, одному из двух членов американского конгресса, голосовавших против «тонкинской резолюции» Джонсона, характер этого инцидента был ясен уже тогда. 4 августа 1964 г., заявил он, Соединенные Штаты совершили провокацию в Тонкинском заливе, и это будет зафиксировано в истории⁹.

То, что большинству американских сенаторов казалось «неясным» в 1968 году, в действительности с самого начала было заранее подготовленной акцией. И об этом лишний раз свидетельствуют секретные документы Пентагона. К уже известным фактам добавилось еще одно весьма существенное обстоятельство: оказалось, что проект «тонкинской резолюции» находился в кармане президента Л. Джонсона за два с лишним месяца до того, как произошли тонкинские события, — 25 мая 1964 г.¹⁰

Так обстоит дело с пресловутыми «тонкинскими событиями», которые явились переломным моментом в развязывании Вашингтоном войны на Индокитайском полуострове. Неоспоримые документы свидетельствуют, что империалистические круги США для оправдания своей агрессии против вьетнамского народа заранее подготовили и тщательно организовали крупнейшую военно-политическую провокацию, опираясь на которую затем развязали открытую агрессию на Индокитайском полуострове.

Итак, в 1964 году американское руководство резко изменило свою политику во Вьетнаме и взяло курс на развязывание «большой войны», важными компонентами которой стали воздушная война против ДРВ и ведение военных операций в Южном Вьетнаме силами сухопутных вооруженных сил США. Эти акции были значительно облегчены раскольническими действиями маоистского руководства КНР, развернувшего борьбу против СССР и срывающим все предложения об организации совместных действий миролюбивых сил в поддержку героического народа Вьетнама.

С того времени, как в августе 1964 года США, спровоцировав «тонкинский кризис», впервые совершили акт открытой агрессии против ДРВ, вьетнамский конфликт стал носить характер «локальной войны». Одним из основных компонентов ее стала воздушная война против Северного Вьетнама, которая приобрела систематический и массированный характер с февраля 1965 года. Конфликт вновь охватил всю территорию Вьетнама. Непосредственными его участниками стали, с одной стороны, США и сайгонский режим, с другой — ДРВ и НФО Южного Вьетнама.

Вашингтон развернул «большую войну» во Вьетнаме, руководствуясь прежде всего своими глобальными военно-политическими интересами, которые лежали в основе всего послевоенного внешнеполитического курса американского империализма. Возвести серьезную преграду дальнейшему развитию национально-освободительного движения в Азии и тем самым изменить в свою пользу политический баланс сил, сложившийся после второй мировой войны в этом районе, избегая лобового столкновения с мировой системой социализма, — такова была главная цель американских политиков.

Вместе с тем резкий поворот в политике США во Вьетнаме, усиление американского военно-политического вмешательства в этой стране, качественное изменение вьетнамского конфликта, в рамках которого гражданская война в Южном Вьетнаме превратилась в «локальную войну» в Юго-Восточной Азии, теснейшим образом связанны с действием «китайского фактора», антисоветской политикой руководителей КНР. Курс на обострение положения во Вьетнаме и в Юго-Восточной Азии, взятый американским правительством в начале 1964 года, устраивал и правые круги США, по-прежнему стоявшие на позициях «холодной войны» и «сдерживания коммунизма», и пекинских руководителей, заинтересованных в серьезном обострении положения на международной арене для оправдания своего авантюристического курса внутри страны.

В этой обстановке правящие круги США рассчитывали одновременно, во-первых, добиться подавления национально-освободительного движения в Южном Вьетнаме и тем самым дать «наглядный урок» другим отрядам этого движения, во-вторых, провести своего рода «разведку боем» и проверить, насколько далеко готовы пойти в

своих шовинистических, раскольнических устремлениях лидеры Пекина.

Прекращение Соединенными Штатами с 1 ноября 1968 г. бомбардировок территории ДРВ свидетельствовало прежде всего о том, что крупнейшая держава капиталистического мира потерпела поражение в борьбе против героического народа Вьетнама. С 1 ноября 1968 г. территориально вьетнамский конфликт вновь стал в основном ограничиваться Южным Вьетнамом, хотя США и совершали неоднократно воздушные налеты на ДРВ.

С 1969 года начался новый, пятый этап агрессии США во Вьетнаме. Он имеет ряд своеобразных черт. Главное направление политики США в новой обстановке — стратегия «вьетнамизации». Для удовлетворения правых сил внутри США, тех, кто считал необходимым в любом случае удерживать Южный Вьетнам в качестве антикоммунистического бастиона в Юго-Восточной Азии, авторы «вьетнамизации» провозгласили, что уменьшение «американской вовлеченности» будет происходить по мере модернизации и увеличения боеспособности сайгонской армии, с одной стороны, а с другой — в соответствии с результатами программы «умиротворения», то есть серии политических, экономических, полицейских и других мероприятий (наподобие разработанной американским командованием в 1967 г. известной операции «Феникс»), которые должны были способствовать стабилизации сайгонского режима.

В рамках стратегии «вьетнамизации» был начат вывод значительных контингентов сухопутных сил США из Южного Вьетнама. В начале 1972 года президент Р. Никсон объявил, что к 1 мая этого года в Южном Вьетнаме останется 69 тыс. американских солдат.

Однако вывод этих частей сопровождался быстрым наращиванием вооруженных сил сайгонского режима, численность которых превысила 1,1 млн. солдат и офицеров. В рамках «вьетнамизации» им переданы новейшие виды вооружения — самолеты, вертолеты, танки, артиллерия, военные корабли.

Вместе с тем командование сопровождало вывод войск новыми военными акциями против ДРВ и Южного Вьетнама, а также Лаоса и Камбоджи. Была резко расширена воздушная война против народов Индокитая. Серии варварских налетов были совершены на Демократическую Республику Вьетнам, расширены террористи-

ческие действия американской авиации в Южном Вьетнаме.

Таким образом, в политике «вьетнамизации» и связанных с ней акциях заложена угроза новых конфликтов и опасных международно-политических кризисов в этом районе мира.

Лаосский конфликт

Лаосский конфликт, так же как и вьетнамский, возник в рамках борьбы лаосского народа с французским колониализмом, в результате попыток империалистических держав во главе с США подавить национально-освободительное движение в бывшем французском Индокитае. Однако довольно скоро движущей силой развития этого конфликта стала агрессивная политика США.

Можно выделить следующие основные этапы развития лаосского конфликта:

- первый — с 1946 по 1954 год,
- второй — с 1955 по 1963 год,
- третий — с 1964 по 1970 год,
- четвертый — с 1971 года.

В сентябре 1945 года после капитуляции Японии в Лаосе вспыхнуло восстание. Непосредственным поводом для него послужила полученная из Парижа телеграмма на имя премьер-министра, в которой сообщалось, что король Лаоса дал согласие сохранить после ухода японских оккупантов статус протектората Франции. Восставшие создали Народный комитет, который низложил короля, провозгласил независимость Лаоса, обнародовал временную конституцию и образовал временное правительство. Существовавшие на территории Лаоса три королевства были объединены в одно государство. В состав правительства вошли руководящие деятели националистической организации «Лао Итсала» («освобождение Лаоса»)¹¹, в том числе принцы Суфанувонг и Суванна Фума. Были созданы вооруженные силы во главе с Суфанувонгом, которые в короткий срок заняли все важнейшие города страны.

Однако через несколько месяцев молодому лаосскому государству пришлось отражать агрессию французских колониальных войск. 21 марта 1946 г. у города Такек (Южный Лаос) состоялось решающее сражение, которое

было проиграно национальной армией Лаоса. В апреле — мае того же года французские войска захватили Вьентьян и королевскую столицу Луанг-Прабанг.

Колонизаторы восстановили на королевском троне короля и создали послушное себе правительство во главе с феодальным владетелем княжества Чампассак принцем Бун Умом. 27 августа 1946 г. было подписано временное франко-лаосское соглашение, согласно которому объединенный в единое королевство Лаос заявлял о своем присоединении к Французскому союзу. В июле 1949 года это соглашение было заменено франко-лаосской общей конвенцией, которая создавала видимость независимости Лаоса, фактически ничего не меняя в правовом положении страны.

После подписания конвенции националистическое движение в Лаосе раскололось: правое крыло объявило о самороспуске организации, его представители (в том числе Суванна Фума) вошли в состав королевского правительства; левое крыло «Лао Итсала» (включая Суфанивонга) решило продолжать борьбу за подлинную национальную независимость.

Опираясь на части народно-освободительной армии¹², левые силы Лаоса развернули широкое патриотическое движение против французских колонизаторов. В августе 1950 года это движение получило организационное оформление: был создан «фронт освобождения Лаоса» («Нео Лао Итсала») и коалиционное правительство сопротивления во главе с Суфанивонгом. Народно-освободительная армия освободила к этому времени одну треть территории страны с населением в 360 тыс. человек.

Разгром французских колонизаторов во Вьетнаме весной 1954 года оказал большое влияние и на борьбу народов соседних стран Лаоса и Камбоджи, положение в которых также стало предметом обсуждения и урегулирования на Женевском совещании 1954 года. Подписанные там соглашения, касающиеся Лаоса, предусматривали прекращение военных действий и категорический запрет ввозить на лаосскую территорию вооружение и военное снаряжение. Эти соглашения предусматривали нейтральный статус Лаоса.

Так завершился первый этап лаосского конфликта, в котором непосредственными участниками были, с одной стороны, колониальная Франция, а с другой — националистические и демократические силы Лаоса. Необходимо

подчеркнуть, что уже на этом этапе Соединенные Штаты активно помогали французскому союзнику, посыпая в Лаос вооружение и военное снаряжение. Однако политика США в Лаосе, как и в соседнем Вьетнаме, в значительной мере определялась американо-французскими межимпериалистическими противоречиями: к началу Женевского совещания 1954 года Вашингтон фактически стал главной опорой правых, реакционных сил Лаоса.

Через несколько месяцев после совещания в Женеве подписанные там соглашения по Лаосу были растоптаны США: 18 сентября 1954 г. в административной столице страны Вьентьян был убит военный министр королевского правительства Ку Воравонг, один из поборников точного соблюдения подписанных в Женеве международных соглашений.

Это преступление, совершенное с одобрения империалистических кругов, создало правительственный кризис. В результате его к власти во Вьентьяне пришел представитель крайне правых кругов страны Катай, который по прямой указке Вашингтона (весной 1955 г. в Лаосе побывал государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес) резко усилил репрессии против патриотических сил.

Так начался второй этап лаосского конфликта, в котором непосредственно противостояли друг другу, с одной стороны, правые лаосские силы, пользовавшиеся активной военно-политической помощью и поддержкой США и других империалистических держав, с другой — демократические силы Лаоса.

В этот период нейтралитские силы во главе с принцем Суванна Фумой входили в союз с демократическими силами Лаоса, руководимыми созданной в январе 1956 года партией Нео Лao Хаксат во главе с Суфанувонгом. Однако позиция нейтралитской группировки не всегда была последовательной: уже в тот период (с 1955 по 1963 г.) эта непоследовательность политики руководителей-нейтралитов оказывала влияние на течение конфликта. Но в те годы они еще твердо выступали за выполнение Женевских соглашений, за нейтральный международный статус Лаоса, что в значительной степени помогло разрешить опасный международно-политический кризис, который возник в результате агрессивных действий США в начале 60-х годов.

Как возникла эта кризисная ситуация и как она была разрешена?

Женевские соглашения 1954 года, как уже отмечалось, предусматривали нейтральный статус Лаоса. Однако такой итог не устраивал реакционные круги Лаоса и стоявших за их спиной США. Последующее развитие событий в Лаосе, которые к 1960 году вылились в гражданскую войну, свидетельствует о том, что правые лаосские силы и их американские покровители всячески стремились нарушить то военно-политическое равновесие сил, которое сложилось к 1954 году. США и лаосская реакция делали все, чтобы создать в Лаосе в нарушение Женевских соглашений 1954 года правый, откровенно проамериканский режим, находящийся в тесной военно-политической зависимости от США и других империалистических держав. Именно в этом причина тех исключительно острых внутриполитических событий, которые имели место в Лаосе после 1954 года и которые в результате вмешательства США и их союзников привели к возникновению международно-политического кризиса.

Положение в Лаосе резко обострилось к лету 1959 года. Открыто нарушив Женевские соглашения, лаосская реакция узурпировала власть и развязала гражданскую войну, в которой, однако, вооруженные силы правых терпели одно поражение за другим.

В сложившихся условиях правительство США пошло на дальнейшее вмешательство во внутренние дела Лаоса. 25 августа 1959 г. президент Д. Эйзенхауэр сообщил на пресс-конференции, что по просьбе лаосского правительства (в то время во Вьентьяне власть находилась в руках ультрапротестантской организации — «Комитета в защиту национальных интересов», а главой правительства был один из богатейших людей страны Фуи Сананикон) США окажут Лаосу чрезвычайную помощь поставками оружия и военных материалов.

Американское руководство решило прикрыть свое вмешательство флагом ООН. Государственный секретарь США К. Гертер в тот же день, 25 августа 1959 г., заявил, что он «весьма обеспокоен» положением в Лаосе и что, как он надеется, «ООН предпримет какие-либо действия в связи с лаосским вопросом»¹³.

4 сентября 1959 г. правительство Лаоса обратилось в Совет Безопасности с жалобой о якобы имевшем место вторжении войск ДРВ на лаосскую территорию и просило ни мало ни много, как направить в Лаос чрезвычайные вооруженные силы ООН. Эта провокационная затея была

поддержаны Генеральным секретарем ООН Хаммаршельдом и представителями империалистических держав в Совете Безопасности.

Правительство СССР в заявлении от 14 сентября 1959 г. категорически выступило против вмешательства ООН во внутренние дела Лаоса, указав, что положение в этой стране должно быть урегулировано на основе и в рамках Женевских соглашений. Правительство СССР высказалось за созыв международного совещания в составе стран, участвовавших в Женевском совещании 1954 года. Это предложение было поддержано правительствами КНР, ДРВ и других стран.

Однако провокационной затее с обсуждением положения в Лаосе в ООН был дан ход. Незаконно созданный «подкомитет по Лаосу» прибыл во Вьентьян для расследования на месте, но так и не смог найти сколько-нибудь серьезных доказательств обоснованности обвинений в адрес ДРВ. При всем желании «подкомитету» не удалось вынести выгодного лаосской реакции и Вашингтону заключения о положении дел в Лаосе. Так провалилась попытка империалистических кругов Запада использовать внутриполитические события, имевшие место в 1959 году в Лаосе, для изменения международного статуса этой страны, но на этом они не успокоились.

Весной 1960 года США активно подключили к вмешательству во внутренние дела Лаоса агрессивный блок СЕАТО. Это вмешательство особенно усилилось после того, как в августе 1960 года командир второго парашютно-десантного батальона королевских войск капитан Конг Ле совершил в Лаосе переворот, в результате которого к власти пришло нейтралитское правительство Суванна Фумы. Правые, проимпериалистические силы Лаоса резко усилили гражданскую войну в стране. Получив военную помощь от США, они развернули бои на подступах к Вьентьяну, который был захвачен войсками правых в декабре 1960 года. Однако в других районах Лаоса положение проамериканских сил было критическим. В начале 1961 года от войск правых были очищены провинция Фонгсали, часть провинции Сиенгкуанг и освобождена исключительно важная в стратегическом отношении Долина Кувшинов. Тогда обосновавшееся во Вьентьяне правительство правых во главе с Бун Умом вновь вытащило на свет миф о «вторжении ДРВ» и обратилось за помощью к США.

В Лаос в спешном порядке были направлены не сколько американских военных самолетов, а на территории соседнего Таиланда были приведены в боевую готовность американские ВВС. Одновременно президент США отдал приказ 7-му флоту быть готовым к ведению боевых операций. В Южно-Китайское море направились три авианосца, около 30 эсминцев, 10 подводных лодок и другие корабли. В состояние боевой готовности были приведены все военные базы США в бассейне Тихого океана.

В это же время началась фактическая интервенция войск некоторых стран — членов СЕАТО: тысячи таиландских, южновьетнамских и чанкайшистских офицеров и солдат прибыли в Лаос и были включены в состав армии правых. В январе 1961 года в Южный Лаос вступили части первой южновьетнамской дивизии, которые вместе с войсками лаосских правых приняли участие в карательных операциях в провинциях Саваннакет и Аттопео.

Однако все эти экстренные меры, принятые США и их союзниками по СЕАТО, не помогли. Правые повсеместно терпели поражение. Особенно крупные потери они несли в боях, развернувшихся весной 1961 года в Долине Кувшинов. Положение реакционных сил Лаоса было настолько критическим, что в Вашингтоне рассматривался вопрос об открытом вооруженном вмешательстве США в Лаосе¹⁴. Дважды (весной 1961 г. и весной 1962 г.) президент Дж. Кеннеди и его ближайшие советники обсуждали планы вторжения в Лаос. В обоих случаях в районах, расположенные вблизи Лаоса, стягивались вооруженные силы США, что приводило к возникновению острых кризисных ситуаций.

Лишь под давлением мирового общественного мнения, столкнувшись с твердой позицией СССР и других социалистических стран, а также в результате поражений, которые правые силы терпели в самом Лаосе, администрация Дж. Кеннеди отступила и согласилась на проведение международного совещания по Лаосу.

Женевское совещание по Лаосу, состоявшееся весной — летом 1962 года, подтвердило статус нейтралитета для Лаоса. На основе соглашений, заключенных в 1962 году в Женеве и Цюрихе (где состоялось совещание представителей трех лаосских политических группировок, посвященное исключительно внутриполитическим проблемам), в Лаосе было создано коалиционное правительст-

во, провозгласившее политику мира и нейтралитета. Таким образом, на Женевском совещании 1962 года по Лаосу был урегулирован международно-политический кризис, возникший в результате агрессивных действий США.

После Женевского совещания Вашингтон еще активнее стал проводить политику опоры на местные националистические силы. Администрация Дж. Кеннеди поддержала нейтралистскую группировку, возглавляемую Суванна Фумой, и согласилась на создание коалиционного правительства в Лаосе, хотя этому упорно сопротивлялись военщина и правые силы внутри США. Правительство Дж. Кеннеди оказалось поддержано нейтралитизму в Лаосе ради своих собственных долгосрочных интересов, стремясь сделать национализм, носителем которого и выступают нейтралисты, союзником американского империализма. Борьбу с демократическими силами Лаоса американское руководство планировало вести в условиях «нерегулярной войны», противоповстанческих действий с использованием войск специального назначения, развитию которых правительство Дж. Кеннеди уделяло особое внимание.

Осуществлявшаяся администрацией Дж. Кеннеди стратегия «опоры на нейтралитизм» в последующие годы, после убийства президента, претерпела значительные изменения, связанные с тем, что в 1964 году Вашингтон начал интенсивную подготовку «локальной войны» во Вьетнаме. С 1964 года и начался следующий, третий этап развития лаосского конфликта. В этот период политика США была направлена на раскол нейтралистских сил Лаоса, ликвидацию того военно-политического равновесия, которое было восстановлено в стране в 1962 году и закреплено в Женевских и Цюрихских соглашениях.

В апреле 1963 года был убит министр иностранных дел коалиционного правительства Киним Фолсена, который последовательно выступал за нейтралитет Лаоса, препятствуя тем самым реализации планов лаосской реакции и стоявших за ее спиной США. Убийство Фолсены было организовано специально для того, чтобы обострить положение в стране.

Однако в конце 1963 — начале 1964 года руководители нейтралистской группировки и патриотических сил несколько раз предпринимали совместные усилия по урегулированию положения. В декабре 1963 года между их представителями состоялись в Долине Кувшинов пред-

варительные переговоры, результатом которых явилась встреча Суванна Фумы и Суфанувонга в январе следующего года. На этой встрече была заложена основа для дальнейших переговоров. К весне 1964 года всем трем политическим группировкам Лаоса удалось прийти к соглашению о совместной встрече в Долине Кувшинов, которая и состоялась в середине апреля того же года.

Создавалась вполне реальная возможность урегулировать положение и потушить пожар вновь разгоравшейся войны в Лаосе. Но встреча в апреле 1964 года неожиданно закончилась полным провалом. Как выяснилось позднее, в то самое время, когда в Долине Кувшинов шли политические переговоры трех лаосских лидеров, во Вьентьяне готовился военный переворот. Он был организован 19 апреля правыми лаосскими генералами по инициативе и при полной финансовой поддержке ЦРУ.

Инициаторы переворота преследовали цель помешать нормализации политического положения в стране, фактически ликвидировать Женевские и Цюрихские соглашения и развязать руки американской военщины, которая уже в первой половине 1964 года активно готовилась развязать «локальную войну» во Вьетнаме. Все это стало очевидным меньше чем через месяц после мятежа генералов: 17 мая 1964 г. США начали бомбардировки районов, контролируемых патриотическими силами Лаоса. С тех пор эти бомбардировки, понадобившиеся Вашингтону для обеспечения флангов развязанной в августе 1964 года открытой агрессии против вьетнамского народа, не прекращались.

Таким образом, с середины 1964 года в лаосском конфликте непосредственно противостоят друг другу с одной стороны — патриотические, демократические силы Лаоса, а с другой — лаосская реакция и США. Последние участвуют в этом конфликте прежде всего своими военно-воздушными силами. Участие США особенно усилилось после того, как осенью 1968 года были прекращены воздушные налеты американской авиации на территорию ДРВ. Достаточно сказать, что в феврале 1970 года только сверхтяжелые американские бомбардировщики B-52 совершили в Лаосе 635 вылетов.

Течение лаосского конфликта резко изменилось в самом начале 1971 года, когда началась операция по совместному американо-южновьетнамскому вторжению в Лаос, получившая название «Долины росы-2». Первый

этап операции начался 30 января, когда 5-тысячный отряд сайгонских наемников под командованием американских офицеров вторгся на территорию Нижнего Лаоса и начал подготовку плацдарма для проведения второго этапа операции.

К 30 января в северо-западной части Южного Вьетнама была сконцентрирована оперативная группа американо-сайгонских войск численностью в 29 тыс. человек, которая вновь заняла ранее оставленную базу морской пехоты в Кхесане (Южный Вьетнам) и другие аванпосты, расположенные к югу от демилитаризованной зоны. 8 февраля начался второй этап операции: свыше 20 тыс. южно-вьетнамских войск, поддержанных огнем американской артиллерии, развернули наступление через лаосско-южно-вьетнамскую границу недалеко от Кхесани. Одновременно начиная с 4 февраля американское командование проводило операцию в северо-восточной части Камбоджи, чтобы выйти с юга к лаосскому плато Боловен.

В операции «Долина росы-2» участвовали части американских 101-й воздушнодесантной, 5-й мотомеханизированной, 23-й пехотной дивизий и сводной дивизии «Америкал», а также 1-я пехотная дивизия и другие подразделения сайгонских войск. Так была совершена открытая американо-сайгонская интервенция в Лаосе, которой начался четвертый этап лаосского конфликта. Этот этап характерен прежде всего тем, что произошли серьезные изменения в составе непосредственных участников столкновения: с одной стороны — демократические силы страны, объединенные в Патриотический фронт Лаоса, с другой — правые силы (включая правыхнейтраллистов), США, открыто участвующие в конфликте своими ВВС и сухопутными войсками, а также сайгонский режим, войска которого в широких масштабах принимают участие в военных действиях на территории Южного Лаоса.

Вторжение в Лаос послужило толчком для развертывания серьезного международно-политического кризиса, значительно осложнившего обстановку в мире. Однако, развязывая его, США явно переоценили свои силы. Операция «Долина росы-2» полностью провалилась. Сайгонские войска, вторгшиеся в Лаос, были разгромлены патриотическими силами и отступили в Южный Вьетнам. Успеху патриотов Лаоса содействовали активные выступления миролюбивых, демократических сил во всем мире, сурово осудивших агрессию против Лаоса.

Активное сопротивление патриотических сил Лаоса, опиравшихся на поддержку СССР и других социалистических стран, всех миролюбивых сил, встретили и последующие происки США в отношении Лаоса.

Камбоджийский конфликт

Конфликт в Камбодже длительное время развертывался менее интенсивно, чем во Вьетнаме и Лаосе. Это объясняется рядом обстоятельств.

Во-первых, до мая 1970 года камбоджийская территория не являлась сколько-нибудь серьезным театром военных действий. Даже в тот период, когда французские колонизаторы вели войну в Индокитае, ситуация в Камбодже не требовала от них крупных военных усилий. Франция использовала преимущественно политические средства борьбы с силами национального освобождения, опираясь на феодальные круги, долгое время сотрудничавшие с колонизаторами.

Во-вторых, характер камбоджийского конфликта в значительной мере определялся франко-американскими межимпериалистическими противоречиями. Если во Вьетнаме и отчасти в Лаосе Франция была вынуждена смириться с тем, что США серьезно потеснили ее, то в Камбодже в течение 60-х годов она смогла не только сохранить, но и закрепить свои позиции.

Как уже отмечалось, руководящие круги в Париже уже в 1953 году после многолетних и бесплодных попыток французского империализма подавить вьетнамские национально-освободительные силы все более склонялись к мысли, что политическое решение индокитайской проблемы — единственно возможный для Франции выход из «индокитайского тупика». Однако такое развитие событий никак не устраивало Вашингтон. Активно помогая французскому союзнику, американский империализм преследовал свои собственные интересы и стремился к такому «разрешению» вьетнамского конфликта, который привел бы к окончательному вытеснению Франции из Индокитая. Во Вьетнаме американские политики, активно использовавшие жупел «коммунистической угрозы», сумели добиться своей цели и закрепились в южной части страны. Отчасти им удалось это и в Лаосе. Однако в Камбодже Париж смог реализовать собственный план урегулирования конфликта, который прежде всего был направлен на сохранение экономического и полити-

ческого влияния Франции. Именно этим можно объяснить тот факт, что процесс предоставления национальной независимости Камбодже французское правительство начало задолго до окончания войны во Вьетнаме. Летом—осенью 1953 года в Пном-Пене состоялись франко-камбоджийские переговоры, в результате которых были подписаны соглашения «о передаче компетенций» королевскому правительству Камбоджи.

В-третьих, течение камбоджийского конфликта вплоть до начала 70-х годов определялось также отсутствием в Камбодже сколько-нибудь значительной вооруженной борьбы между различными политическими группировками; во всяком случае, имевшие место время от времени столкновения в некоторых провинциях страны не нарушили внутриполитическую стабильность режима, созданного принцем Н. Сиануком. Это серьезно ограничивало возможности США, никогда не прекращавших своих попыток изменить внешнеполитический курс Камбоджи, вынудить ее отказаться от политики неприсоединения. Относительно стабильная внутриполитическая обстановка в Камбодже, а также гибкая внешняя политика главы государства принца Н. Сианука служили серьезной преградой для реализации планов американского руководства в отношении Камбоджи. Именно это и определило дальнейшее (после Женевского совещания 1954 г. по Индокитаю) развитие камбоджийского конфликта. США, не имея возможности эффективно действовать внутри Камбоджи, использовали для военно-политического нажима на нее Таиланд и Южный Вьетнам.

Так продолжалось вплоть до весны 1970 года, когда в Пном-Пене был совершен переворот и к власти пришли правые, проамериканские силы во главе с генералом Лон Нолом. В результате переворота Камбоджа (как и соседние Лаос и Южный Вьетнам) стала ареной ожесточенных военных действий и объектом вооруженной агрессии США.

Таким образом, развитие событий в Камбодже распадается на три основных этапа:

- первый — с 1946 по 1954 год,
- второй — с 1955 по 1969 год,
- третий — с 1970 года.

На первом этапе непосредственными участниками камбоджийского конфликта выступали, с одной сторо-

ны, национально-освободительные силы Камбоджи, с другой — Франция, поддерживаемая США. На втором этапе развития камбоджийского конфликта, который принял форму столкновений на камбоджийско-тайландинской и камбоджийско-южновьетнамской границах¹⁵, его непосредственными участниками стали, с одной стороны, Камбоджа, с другой — Таиланд и Южный Вьетнам, за спиной которых стояли США.

Весной 1970 года начался третий этап камбоджийского конфликта, непосредственными участниками которого стали, с одной стороны, национально-освободительные силы Камбоджи, с другой — правый режим Лон Нола, сайгонский режим, Таиланд, участвующие в конфликте своими сухопутными силами, и США, осуществляющие поддержку своих союзников воздушными операциями. Этот этап отличается от предыдущих тем, что после событий в марте 1970 года (правый переворот в Пном-Пене) Камбоджа также стала ареной иностранной интервенции. 30 апреля 1970 г. значительная группировка американо-сайгонских войск вторглась в Камбоджу, совершив тем самым акт агрессии против независимого государства. Вторжение в Камбоджу вызвало очередной международно-политический кризис — один из многих кризисов, порожденных агрессией США в Индокитае.

Но при этом, как не раз уже бывало в последние годы, агрессор переоценил свои силы. Патриотические силы страны, возглавляемые Национальным единым фронтом Камбоджи, оказались в состоянии не только успешно оброняться, но и осуществлять мощные наступательные действия, то и дело выходя на подступы к столице Камбоджи Пном-Пеню. Агрессивная акция в Камбодже вызвала взрыв возмущения во всем мире, в том числе и в самих Соединенных Штатах. От нее поспешили отмежеваться многие союзники США. Наконец, и это сыграло исключительно важную роль, агрессор получил серьезное предупреждение со стороны СССР и других социалистических государств о недопустимости подобного рода акций. В итоге Вашингтон вынужден был отступить и вывести американские войска из Камбоджи.

Однако США усилили воздушную войну против Камбоджи, засыпку туда сайгонских войск и другие опасные акции, создававшие серьезную угрозу миру.

Агрессивные акции США против соседних с Вьетнамом нейтральных стран были тесно связаны со стратегией «вьетнамизации». Вторжения в Камбоджу и Лаос были предприняты прежде всего под давлением правых, не устававших требовать «достижения военной победы» в Юго-Восточной Азии. Американская военщина давно добивалась у политического руководства США разрешения превратить лаосскую и камбоджийскую территории в новые театры открытой войны в Индокитае¹⁶.

На весьма опасную тенденцию с тревогой указывали в начале 1970 года такие видные американские деятели, как председатель сенатской комиссии по иностранным делам Дж. У. Фулбрайт, бывший заместитель государственного секретаря и один из первых американских участников парижского совещания по Вьетнаму А. Гарриман, бывший министр обороны в правительстве Джонсона К. Клиффорд и многие другие.

Политический курс, проводимый ныне США в Индокитае, имеет ряд характерных особенностей. Во-первых, Соединенные Штаты активно используют в своих действиях против Лаоса и Камбоджи сайгонскую армию. Это может показаться парадоксальным: вместо того чтобы использовать их на юге Вьетнама и тем самым облегчить вывод американских солдат, обещанный администрацией, Соединенные Штаты послали отборные, наиболее подготовленные и боеспособные армейские части Сайгона вначале в Камбоджу, а затем в Лаос. Иначе говоря, Сайгон выступил, по меткому выражению французского обозревателя Жана Лакутюра, в качестве «микроимпериализма», с помощью которого Белый дом пытался «вьетнамизировать» не только свою агрессию в Южном Вьетнаме, но и в соседних с ним странах.

Таким образом, в Индокитае империализм заставляет «азиатов воевать против азиатов». Приобщив Сайгон к своей агрессии против соседних с Вьетнамом стран, Вашингтон закладывал основы будущего, заранее связывая Южный Вьетнам определенной политикой, отвечающей интересам американского империализма.

Во-вторых, Вашингтон прилагает особые усилия, чтобы дискредитировать нейтралитет. Объектом американ-

ской интервенции стали две страны Индокитая, нейтралитет которых подтвержден международными соглашениями. В США правые силы давно уже вынашивают планы подрыва нейтралистских режимов Юго-Восточной Азии, как и в других странах «третьего мира». В течение многих лет они не оставляли надежд заставить Камбоджу отказаться от политики неприсоединения, не ослабляли своих усилий по дискредитации нейтралистских сил в Лаосе. В Камбодже в марте 1970 года им удалось организовать правый переворот. В Лаосе это оказалось труднее. Правда, там под нажимом Вашингтона нейтрализм определенно видоизменился. Он разделился на два течения: «правый», лидером которого по-прежнему остается принц Суванна Фума, и «левый», сотрудничающий с Патриотическим Фронтом Лаоса. В Индокитае, по мнению бывшего заместителя государственного секретаря Дж. Болла, «за те годы, что продолжается вьетнамский конфликт, произошла трансформация нейтрализма, выгодная Соединенным Штатам»¹⁷.

Наконец, в-третьих, агрессивные акции Соединенных Штатов против независимых и нейтральных Лаоса и Камбоджи в отношении ДРВ, не прекращавшиеся и в 1971—1972 годах, свидетельствуют о том, что в Вашингтоне еще сильны сторонники «военного решения». На решения, принимаемые по Индокитаю, немалое влияние оказывают правые силы, которые никак не хотят примириться с тем фактом, что США потерпели морально-политическое и военное поражение в Южном Вьетнаме и в других частях Индокитайского полуострова. Как и в середине 60-х годов, когда Вашингтон расширял войну, в начале 70-х годов реакционные силы в США выступали не за разумное урегулирование, учитывающее реальное соотношение сил и интересы участвующих в конфликтах сторон, а добивались дальнейшего повышения ставок в той опасной «игре», которую уже многие годы ведут вооруженные силы США в Индокитае.

Для разрешения опасных конфликтов в Индокитае прежде всего необходимо прекращение американской агрессии и признание на деле неотъемлемых прав народов этого района устраивать свою судьбу без внешнего вмешательства. Реальной конструктивной программой восстановления мира в Индокитае служат известные предложения Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам, поддержаные правительством

Демократической Республики Вьетнам, а также предложения Национального единого фронта Камбоджи и Патриотического фронта Лаоса.

Справедливая борьба народов Индокитая за свободу и независимость встречала и встречает неизменную поддержку со стороны Советского Союза и других социалистических стран, всех миролюбивых сил.

Как подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежnev в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, «Советский Союз решительно требует прекращения империалистической агрессии против народов Вьетнама, Камбоджи и Лаоса. Наша страна была, есть и будет активным поборником справедливого дела героических народов Индокитая»¹⁸.

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КОНФЛИКТ

Нападение Израиля на его арабских соседей, совершенное 5 июня 1967 г., оккупация обширных арабских территорий и политика израильской верхушки, направленная на удержание, «освоение» и сохранение контроля над этими землями в будущем, создали ситуацию, несовместимую с миром и безопасностью на Ближнем Востоке и постоянно чреватую серьезной угрозой для международного мира. Но не одним этим определяется международный характер нынешнего ближневосточного кризиса. Само возникновение кризиса, а также многие аспекты его развития самым тесным образом связаны с глобальной политикой Соединенных Штатов Америки, оказывающих многостороннюю поддержку израильским экспансионистам. В то же время способность Египта, Сирии, других арабских стран к сопротивлению израильской агрессии, к борьбе за ликвидацию ее последствий стала возможной в результате активной политики на Ближнем Востоке Советского Союза, некоторых других социалистических государств, их помощи и поддержки арабских народов.

Развитие событий на Ближнем Востоке позволяет рассмотреть различие между международным конфликтом, нередко проявляющимся в *форме* национального столкновения, и региональным конфликтом, развивающимся на *основе* национального столкновения; определить соотношение между международным конфликтом и международным кризисом; показать, как в новых условиях кризис может при сохранении своей остроты и опасности принимать долговременный характер без возвращения положения к докризисному уровню. Растигивание кризисного этапа во времени является весьма опасной чертой современного международного конфликта.

Развитие конфронтации на Ближнем Востоке отражает эволюцию подхода Соединенных Штатов к международным конфликтам и кризисам, которые занимают особое место в американской стратегии. Вместе с тем, как уже отмечалось выше, неправильным был бы вывод о полностью контролируемом характере нынешнего ближневосточного кризиса, хотя он развивается в глобальном «контексте». Политика Израиля на протяжении конфликта на Ближнем Востоке все больше приобретает собственные империалистические черты. В то же время «неконтролируемый элемент» характерен не для одной лишь ближневосточной ситуации и присущ тем современным международным кризисам, которые проявляются в форме локальных столкновений.

Наконец, на примере политики целого ряда государств и деятельности Организации Объединенных Наций в связи с событиями на Ближнем Востоке немаловажное значение имеет анализ перспектив выхода из международно-политических кризисов, рассмотрение механизма и условий урегулирования.

Экспансионизм Израиля

Конфликт между Израилем и арабскими странами уходит корнями в историю. В 1897 году на конгрессе в Базеле сионистское движение провозгласило своей целью создание еврейского государства в Палестине, населенной тогда почти исключительно арабами. Позже один из основателей государства Израиль, Х. Вейцман, охарактеризовал содержание сионистского движения как стремление «перевести народ без страны в страну без народа». Эта формула была неправильной в обеих ее частях. Лица европейской национальности жили во многих государствах мира, и преобладающее большинство считало своей родиной те страны, где проживали не только они сами, но и их отцы, деды, прадеды. В свою очередь, Палестина была отнюдь не «страной без народа». Ее исторически населяли десятки поколений арабов. Еврейское население на территории Палестины составляло в 1922 году лишь 84 тыс. человек, иммиграция была активизирована только в 30-х годах XX в. Самая большая волна иммиграции имела место уже после создания государства Израиль, в первые годы его существования.

Показательно, что цели организаторов сионистского движения, а позже и основателей и руководителей Израиля никогда не ограничивались «малой Палестиной». Создатели сионистского движения довольно свободно трактовали границы предполагаемого государства. 29 октября 1899 г. один из видных сионистов, Дэвид Тристш, писал основателю движения Теодору Герцелю: «Я бы предложил вам обратиться со временем к программе великой Палестины, пока еще не слишком поздно. Базельская программа должна содержать слова «великая Палестина» или «Палестина и соседствующие с ней земли», иначе она становится просто ерундой. Невозможно привлечь десять миллионов евреев на землю площадью в двадцать пять тысяч квадратных километров»¹.

В 1919 году сионистская делегация на мирной конференции в Париже предложила план еврейского государства, границы которого охватывали бы территории не только собственно Палестины, но и соседних с ней арабских государств. Подобная экспансионистская линия получила приоритет в сионистском движении накануне создания Израиля. 3 мая 1943 г. генерал Патрик Харлей, личный представитель президента Ф. Рузвельта на Ближнем Востоке, докладывал: «Сионистская организация в Палестине указала на свою поддержку следующей расширенной программы:

1. Создание суверенного еврейского государства, включающего Палестину и даже, возможно, Трансиорданию.

2. Возможный перевод арабского населения из Палестины в Ирак.

3. Еврейское руководство всем Ближним Востоком в области экономического развития и контроля»².

Границы Израиля, определенные решением Генеральной Ассамблеи ООН в 1947 году, никогда не рассматривались сионистами в качестве линий, лимитирующих экспансию израильского государства. Как известно, эти границы были расширены сразу же после создания государства Израиль в результате войны с арабскими армиями. Практическое расширение границ происходило и после соглашения о перемирии, которым закончилась эта война. По египетско-израильскому соглашению о перемирии, подписанному 24 февраля 1949 г., Израиль, как известно, не получал выхода к заливу Акаба. Однако уже в марте 1949 года была организована израильская воен-

ная экспедиция под руководством генерала Аллона, которая, нарушив договоренность, совершила рейд в Южный Негев, вышла к заливу Акаба и оккупировала арабскую деревню Умм Раш-раш на берегу Акабского залива. На месте этой деревни был основан израильский порт Эйлат.

Через год, 20 марта 1950 г., Израиль вопреки протестам смешанной комиссии по перемирию оккупировал Бир Каттат на границе с демилитаризованной зоной. Когда Совет Безопасности ООН был информирован об этом, Израиль обещал отвести свои вооруженные силы. Однако Бир Каттат был вновь оккупирован Израилем в сентябре 1955 года и послужил плацдармом для атаки на Синай в конце октября 1956 года.

21 сентября 1955 г. командование ООН по наблюдению за перемирием доложило Совету Безопасности, что израильская армия оккупировала демилитаризованную зону Эль-Ауджа. 21 августа 1956 г. израильтяне отказались от каких-либо совещаний со смешанной комиссией по перемирию, штаб которой был расположен в Эль-Ауджа.

Д. Бен-Гурион подвел «теоретическую базу» под эти экспансионистские меры израильского руководства. Он заявил, что независимость якобы была достигнута «лишь на части территории нашей маленькой страны». «Каждое государство, — писал Д. Бен-Гурион, — состоит из земли и народа. Израиль не является исключением, но его нельзя идентифицировать ни с его нынешней территорией, ни с его народом... Сейчас надо сказать, что он был создан лишь на небольшой части израильской территории. Даже те, кто сомневался в возможности восстановления исторических границ, четко обозначенных с самого начала, едва ли будут отрицать неестественность границ нового государства»³.

Выступая в 1952 году на съезде партии Мапай, Д. Бен-Гурион сказал: «Я соглашусь сформировать кабинет при одном условии, а именно: использование всех возможных средств для расширения на юг»⁴.

Тот же Д. Бен-Гурион в заявлении в кнессете о вторжении в Египет в 1956 году сказал следующее: «Армия не пыталась оккупировать вражескую территорию, принадлежащую Египту, а ограничила свои действия освобождением территории от северного Синая до берегов Красного моря»⁵.

Аналогичные заявления делало израильское руководство после так называемой «шестидневной войны», развязанной Израилем в июне 1967 года. 2 ноября 1970 г. премьер-министр Израиля Голда Меир, например, заявила: «Голанские высоты должны остаться под контролем Израиля. Мы не можем позволить, чтобы Шарм-Аш-Шейх находился в руках кого-то еще. Мы потребуем исправления наших восточных границ». Ранее, 7 октября 1970 г., государственный министр Израиля Галили кроме этих земель назвал еще и район Газы. «Правительство правильно решило,— сказал он,— что район Газы никогда больше не будет отделен от Израиля». К этому можно добавить официальное «решение» кнессета об аннексии Иерусалима.

Показательно, что на всех изданных в Израиле после «шестидневной войны» картах Газа, Голанские высоты, Западная Иордания и Синай обозначались как израильская территория.

Экспансионизм израильского руководства привел к тому, что в ближневосточный конфликт оказались втянутыми многие арабские страны. Это произошло не только потому, что арабы, жившие в Палестине, вынуждены были покинуть свои земли, но и в результате возникшей угрозы территориальной целостности целого ряда арабских государств. Этот момент чрезвычайно важен для понимания политики и многих акций арабских государств в последние два с лишним десятка лет. Захватнические планы сионистской верхушки Израиля не были для них чем-то абстрактным, тем более что жизнь показывала соответствие многих действий израильского руководства с провозглашенными ранее планами создания «великой Палестины».

В создавшихся условиях проявилась крайне экстремистская тенденция и с арабской стороны. Ряд элементов, представленных в основном в палестинском движении до июня 1967 года, выдвинули лозунги ликвидации государства Израиль и даже физической расправы с его населением. Такие безответственные провокационные призывы нанесли большой ущерб борьбе арабских народов против израильской экспансии. Они были широко использованы западной пропагандой для маскировки истинной сущности конфликта.

Создалась видимость того, что в Палестине возник региональный конфликт между двумя разновидностями

национализма — израильским и арабским. Многие западные исследователи подошли к оценке событий на Ближнем Востоке именно с таких позиций. Однако подобная трактовка арабо-израильского столкновения была односторонней и неверной, — она обходила тот факт, что с самого начала арабо-израильский конфликт занял особое место в системе политики империалистических держав, активно использовался и до определенной степени направлялся ими.

Израиль в планах империализма

Сионистское движение с момента своего основания ориентировалось на различные западные державы в попытках «вписаться» в их политику и извлечь из этого максимальные выгоды для продвижения идеи создания еврейского государства в Палестине. Не менее важную роль играло и стремление различных империалистических держав использовать сионистское движение в целях укрепления своих позиций на Ближнем Востоке.

Сравнительно недавно, в 1969 году, после завершения пятидесятилетнего запретного периода, были открыты архивы министерства иностранных дел Англии. Из документов английского внешнеполитического ведомства стало еще яснее, насколько большую роль отвел сионистскому движению Лондон в конце и сразу после первой мировой войны в осуществлении планов установления мандатной системы над Палестиной и другими арабскими территориями. Англо-французские империалистические противоречия во время первой мировой войны нашли свое дальнейшее развитие в подписанным в 1916 году соглашении Сайкс-Пико, которое фиксировало раздел арабских стран на зоны влияния Англии, Франции и «ничейную» — «международную зону». Однако более сильная к концу первой мировой войны Великобритания поставила своей целью изменить в свою пользу условия этого соглашения, добиваясь мандата над Палестиной, которая, по соглашению Сайкс-Пико, должна была стать «международной зоной». (Характерно, что в период подписания соглашения Сайкс-Пико Лондон обещал Палестину и шерифу Мекки Хусейну, которому было сказано, что Палестина будет включена в «зону независимости арабов».)

Ведя борьбу за мандат над Палестиной, английские политики самым непосредственным образом начали использовать в своих целях сионистское движение. Интересами этой борьбы Лондона была продиктована «декларация Бальфура», в которой провозглашалась поддержка Великобританией идеи еврейской иммиграции в Палестину. «Среди многих причин в пользу декларации Бальфура, — писали Филипп Найтли и Колинз Симпсон, авторы книги об известном английском разведчике Лоуренсе, написанной по архивам английского министерства иностранных дел, — одна определенно заключалась в том, что Британия надеялась таким путем гарантировать сионистскую оппозицию международной администрации и в поддержку британской Палестины»⁶. Сам Лоуренс, как показывают авторы книги, был активным проводником такой политики.

Между двумя мировыми войнами и особенно во время второй мировой войны произошла переориентация в связях сионистского движения с внешними империалистическими силами. Все большее место начинало занимать это движение в ближневосточной политике Соединенных Штатов. В этом проявлялась определенная закономерность: сионистское движение всегда играло наибольшую роль в политике той империалистической державы, которая обладала наиболее сильными позициями и, следовательно, наибольшими маневренными возможностями на Ближнем Востоке. Это происходило как благодаря тяге руководителей сионистского движения к союзу с наиболее сильным из всех партнеров, так и благодаря стремлению динамичной и обладающей наибольшими на данный момент возможностями на Ближнем Востоке империалистической державы использовать сионистов в интересах своей политики в этом районе земного шара.

После второй мировой войны бесспорным гегемоном в капиталистическом мире стали Соединенные Штаты Америки. США превратились в основную силу борьбы с национально-освободительным движением, в том числе и с движением арабских народов. В то же время активизация американской политики на Ближнем Востоке имела своей основой изменение не только глобального, но и локального (в самом районе) соотношения сил между США и их западноевропейскими партнерами. Она базировалась на существенном росте нефтяных интересов США на Ближнем Востоке.

Для США арабская нефть приобрела чрезвычайно важное значение. Доходы от ее добычи, все большая часть которой осуществлялась американскими компаниями, служили важным стабилизирующим фактором экономики США. За счет эксплуатации дешевой рабочей силы в большинстве нефтедобывающих арабских стран американские монополии получали все большие прибыли. По данным американской печати, компании, добывающие нефть в арабских странах, в конце 60 — начале 70-х годов ежегодно переводили на счета крупнейших банков США от 1,5 до 2 млрд. долл. Ежегодные прибыли американских нефтяных компаний, оперирующих в арабских странах, составили эквивалент более чем 70% дефицита платежного баланса США в 1966 году⁷. «Без этих доходов дефицит мог бы быть намного выше каждый год, что неизбежно привело бы к критическому давлению на внутреннюю экономическую жизнь США»⁸, — писала «Уолл-стрит джорнэл». Этот вывод еще более оправдан в связи с развернувшимся и приобретшим черты перманентности кризисом доллара.

Ряд экспертов отмечают, что с годами для США будет приобретать все большее значение не только ввоз прибылей, полученных американскими компаниями от добычи нефти на Ближнем Востоке, но и физический импорт самой арабской нефти. По прогнозам журнала «Бизнес уик», например, к 1980 году США в результате роста потребления нефти при определенном истощении своих источников смогут добывать лишь такое количество нефти, которое покроет не более 32% их ежегодной потребности⁹.

Большой резонанс в мировой печати вызвало сообщение об открытии богатых месторождений нефти на Аляске. Однако размеры этих месторождений не идут ни в какое сравнение с известными нефтяными ресурсами арабских стран.

Следует учитывать также, что от импорта арабской нефти зависят и важнейшие союзники США, экономическая устойчивость которых непосредственно оказывается на соотношении сил между двумя противоположными мировыми системами. Так, Англия более чем наполовину удовлетворяет свои потребности в нефти за счет ввоза ее из арабских стран. В 1968 году страны «общего рынка» покрывали свой спрос на сырую нефть на 83,3% импортом из арабских стран¹⁰.

Арабская нефть с годами приобретала растущее значение для США и с военной точки зрения. Этой нефтью и продуктами из нее снабжались и снабжаются американские вооруженные силы, размещенные в различных районах мира и ведущие боевые действия против отрядов национально-освободительного движения.

Монополистический капитал США самым решительным образом высказал свою заинтересованность в том, чтобы законсервировать «нефтяной статус-кво» в районе Ближнего Востока. Отсюда проистекала та многоплановая и упорная борьба, которую начали против антиимпериалистических арабских режимов американские нефтяные монополии, оказывающие серьезное влияние на выработку официального курса США. В этой борьбе серьезная ставка была сделана на использование в интересах США арабо-израильского конфликта, причем характер такого использования был далеко не однозначным.

Рассматривая в качестве стратегической задачи подавление национально-освободительной, антиимпериалистической борьбы арабских народов и поддерживая с этой целью экстремистское израильское руководство, американские нефтяные компании подчас выступали против слишком уж «лобовых» тактических приемов, способных объективно стимулировать общеарабский отпор империализму. Если есть все основания считать международные кризисы, возникшие в результате тройственного нападения на Египет в 1956 году и агрессии Израиля против его арабских соседей в июне 1967 года, скоординированными с интересами нефтяного монополистического капитала, то это произошло также и потому, что в обоих случаях ставка делалась на *молниеносную* ликвидацию «режима Насера», а в 1967 году также и левобаасистского руководства в Сирии.

Когда же борьба при сохранении ее острых форм в условиях оккупации обширных арабских территорий Израилем приобретала затяжной характер и неизбежным ее следствием становилось усиление антиимпериалистической деятельности, а равным образом возникновение и укрепление «нефтяного сотрудничества» ряда арабских стран с Советским Союзом, то американский нефтяной монополистический капитал, оперирующий в арабском мире, нередко выступал против излишней «односторонности» США в подходе к арабо-израильскому конфликту.

Д. Рокфеллер, который, по словам газеты «Вашинг-

тон пост», в конце 1969 года «оказывал усиленный на-
жим на Никсона с целью добиться более тесных отноше-
ний с арабами»¹¹, в свое время активно одобрил анти-
арабскую израильскую позицию. Все, следовательно, за-
висело от времени и конкретных обстоятельств, в кото-
рых происходила арабо-израильская конфронтация.

На различных этапах арабо-израильского конфликта ряд арабских государств использовал противоречия в американском нефтяном бизнесе и опасение ряда его представителей за сохранность американских нефтяных позиций на Ближнем Востоке. Но речь, очевидно, шла о возможности использования этих обстоятельств лишь в тактическом плане. Совершенно ясно, что по самой своей природе монополистический капитал враждебен арабским странам, ведущим борьбу за самостоятельное прогрессивное развитие.

Поддержка Соединенными Штатами израильской стороны в ближневосточном конфликте диктовалась также стремлением Вашингтона укрепить свои позиции в районе, занимающем особое место в стратегических концепциях американского империализма. «У нас есть очень большие интересы на Ближнем Востоке, — заявил 12 июля 1970 г. в интервью американской радиостанции «Нэшнл бродкастинг компани» помощник государственного секретаря США по делам Ближнего Востока и Южной Азии Джозеф Сиско. — Средиземное море имеет большое стратегическое значение для Соединенных Штатов. Ближний Восток — это ворота не только в Персидский залив, но и Индийский океан. Он имеет большое значение для нашей политики в Африке».

Стратегическое значение Ближнего Востока рассматривается американскими политиками с точки зрения двух обстоятельств: с одной стороны, его непосредственной близости к важным административно-промышленным центрам СССР и, с другой — его расположения на стыке между обширными областями национально-освободительных движений и европейскими социалистическими государствами.

Комплексными интересами борьбы США против мирового социализма и национально-освободительного движения было продиктовано выдвижение американского 6-го флота в Средиземное море. В его задачи входит подкрепить южный фланг НАТО, продвинуть непосредственно к территории СССР подводные и надводные корабли

с ракетами, оснащенными ядерными боеголовками, обеспечить «охрану» американских интересов в этом районе, а также служить средством давления на местные правительства для осуществления политики США на Ближнем Востоке. «В лице 6-го флота нация имеет чрезвычайно гибкий инструмент, который можно использовать открыто или скрытно, прямо или косвенно, активно или пассивно, но почти в каждом случае эффективно, какими бы ни были в данный момент национальные интересы»¹², — писал в статье «Шестой флот и американская дипломатия» американский исследователь Лоуренс Мартин.

Стратегическое значение района Ближнего Востока для США возросло с переходом Пентагона в начале 60-х годов к доктрине «гибкого реагирования». Сама суть ее предопределяла, по мнению американских политиков, активизацию зависимых от США режимов с целью организации «ограниченных войн» в попытке отбросить национально-освободительные силы. В таких условиях Израиль все больше рассматривался Пентагоном в качестве оплота его курса в районе Ближнего Востока. Однако возросшие интересы США на Ближнем Востоке, все большая роль, которую американские политики отводили Израилю в деле защиты и укрепления своих позиций, механически не вели к непосредственной, прямой вовлеченности Соединенных Штатов в ближневосточный конфликт. Формы участия США в этом конфликте диктовались и диктуются как глобальной расстановкой сил, так и непосредственными условиями борьбы в ближневосточном районе. Характерно в данном отношении сопоставление ближневосточного кризиса 1956 года с кризисом, начавшимся в 1967 году.

В 1956 году Соединенные Штаты вели политику, направленную на вытеснение своих союзников с Ближнего Востока, завоевание дополнительных и усиление уже имеющихся у них позиций в арабских странах. Поэтому США сыграли определенную роль и в выводе оккупационных войск Израиля — им нужна была достаточно эффективная политическая акция, способная помочь заполнению образовавшегося «вакуума» на Ближнем Востоке в результате резкого ослабления позиций Англии и Франции, совершивших нападение на Египет. Определенное значение имел и тот факт, что у власти в США находилась республиканская администрация, более тесно свя-

занная с кругами, имеющими нефтяные интересы в арабском мире, — с группой Д. Рокфеллера.

По сравнению с 1956 годом ситуация в 1967 году изменилась. Вовлеченность США в конфликт, переросший в 1967 году в международный кризис, шла по нарастающей линии, но не имела своим результатом участие американских войск. Вовлеченность США в 1967 году была обозначена прежде всего той ролью, которую сыграли США в вооружении израильской армии. Поставки вооружений из США продолжались высокими темпами и после прекращения «шестидневной войны» — в течение всех тех лет, которые характеризовались кризисной ситуацией на Ближнем Востоке.

Одновременно США активизировались и в политическом плане, стремясь максимально облегчить — при гаранции неприкосновенности своих экономических позиций в районе — условия борьбы для своего израильского союзника. Характерны в этом плане события, связанные с «посреднической инициативой» США в арабо-израильском конфликте, предпринятой в начале 1971 года.

США политически активизировались на Ближнем Востоке, когда Израиль отверг меморандум специального представителя Генерального секретаря ООН Г. Яринга, который предложил сторонам в конфликте свою помощь для выполнения резолюции Совета Безопасности ООН от 22 ноября 1967 г. Обструкционистская политика Израиля стала предметом решительного осуждения со стороны различных кругов мировой общественности, в том числе и тех, которые на первом этапе развития ближневосточного кризиса отличались своими односторонними произраильскими симпатиями. В этой связи многие не предубежденные наблюдатели понимали, что США начали «посредническую миссию» с целью предотвратить международную изоляцию своего израильского союзника, вывести его из-под удара.

Другой целью американской «инициативы» было, очевидно, стремление вынудить Египет согласиться на израильские условия частичного урегулирования; сохранить Суэцкий канал, не отводя войска с оккупированных арабских земель.

Маневр США преследовал также цель активизировать «американских лоббий» в ряде арабских стран. Привозглашая свою «инициативу», Вашингтон пытался создать иллюзию, будто отказывается от произраильской

односторонности в подходе к ближневосточному конфликту. Было очевидно, что таким путем США стремились помочь реакционным элементам в ряде арабских стран взять верх и повести дело фактически к капитуляции арабов перед американо-израильским нажимом.

Наконец, американские политики сделали серьезную ставку на ослабление связей между арабскими странами и СССР.

Активизация американского участия, или, иными словами, рост вовлеченности США в ближневосточный конфликт, что нашло свое конкретное выражение и в американской политике в отношении развития событий на Ближнем Востоке с 1967 года, была непосредственной реакцией на развитие революционного процесса в Египте — самой большой по населению и наиболее развитой в промышленном отношении арабской стране, с наиболее динамичным руководством, оказывающим своими внутренними прогрессивными преобразованиями и антиимпериалистическим курсом во внешней политике серьезное влияние на весь остальной арабский мир. В свое время свержение короля Фарука в Египте еще не рассматривалось Вашингтоном как повод для прямой конфронтации с новым египетским режимом. Более того, в первые годы после переворота в Каире США попытались максимально воспользоваться в своих интересах ослаблением английского и французского влияния в этой стране. Рубежом стал 1955 год, когда Египет смело ликвидировал западную «монополию» на поставки вооружений египетской армии и заключил соглашение о покупке оружия с СССР и Чехословакией.

Антиегипетские действия США можно условно разделить на два этапа. Первый связан с попытками свержения революционного правительства Египта с помощью экономического нажима, организации заговоров, подрывной работы против правительства Г. А. Насера. Когда США убедились в невозможности с помощью таких «традиционных» методов решить в свою пользу вопрос о власти в Египте, когда стало совершенно ясно, что вопреки американской позиции и действиям Египет продолжает идти по пути прогрессивного развития, укрепляя всестороннее сотрудничество с социалистическими государствами и в первую очередь с Советским Союзом, Соединенные Штаты начали второй этап своих антиегипетских действий.

Упор был сделан на борьбу против Каира руками израильской экстремистской группы. Одновременно американские политики ставили своей задачей ликвидировать прогрессивные антиимпериалистические режимы в ряде других арабских стран, главным образом в Сирии. Прямым продолжением таких действий США стала «шестидневная война» 1967 года.

После 1967 года Вашингтон по-прежнему проводил «жесткую» линию поддержки израильских экстремистов, ставя ту же цель изменения характера власти в Египте и некоторых других арабских странах.

Роль ближневосточного конфликта в стратегической схеме американского империализма не в последнюю очередь объяснялась и тем, что США на современном этапе развития их военно-политической доктрины — в рамках доктрины «реалистического сдерживания» все большее внимание уделяют вопросу скоординированности и взаимозависимости своих военно-политических действий, осуществляемых в различных районах мира. «Доктрина Никсона имеет смысл как долгосрочный рецепт и для Южного Вьетнама, и для Ближнего Востока», — писала газета «Вашингтон пост». Широкий фронт активных действий приобрел особое значение для Вашингтона, так как излишняя концентрация «усилий» США на каком-либо отдельном участке снижает, по мнению американских стратегов, маневренность их политики. Отвечая сторонникам деэскалации на Ближнем Востоке, один из известных американских военных исследователей, Дж. Горовитц, писал, что «для Соединенных Штатов было бы не очень разумным сдавать свои позиции на Ближнем Востоке и тем самым снимать фактор, досаждающий Советскому Союзу, без получения чего-нибудь конкретного взамен»¹³.

Курс США на поддержку израильских экспансионистов определялся и внутриполитическими соображениями. В Соединенных Штатах проживает около 6 млн. лиц еврейского происхождения. Конечно, далеко не все они придерживаются сионистских взглядов. Подтверждением этого является крайне незначительная эмиграция из США в Израиль. (По данным известного французского социолога Жоржа Фридмана, лишь 0,18% евреев, проживающих в Соединенных Штатах, выехали в Израиль¹⁴). Среди еврейского населения США достаточно людей демократического образа мыслей, чуждых националистиче-

ским побуждениям. Многие из них ведут решительную борьбу против американской «грязной войны» в Индокитае. Ряд ученых, писателей, общественных деятелей смело выступают также и против шовинистической, проимпериалистической политики правящих кругов Израиля. Книги проф. Лилиенталя и других сыграли свою роль в разоблачении истинных целей сионистского руководства Израиля. Однако большая часть еврейского населения США, безусловно, попала под влияние сионистской пропаганды или, по меньшей мере, воспринимает события на Ближнем Востоке в свете антиарабских сионистских представлений. Пользуясь этим, многочисленные сионистские организации в США пытаются создать постоянное давление на американскую политику с целью усиления ее израильского характера. Одновременно — это стало особенно ясно в 1970—1972 годах — эти организации усилили прямую антисоветскую деятельность на территории США. Они пытаются осложнить советско-американские отношения, видя в этом важное условие, благоприятствующее израильским экстремистам. Сионистские группы имеют значительное влияние в военно-промышленном комплексе США и в американской печати.

Организационным центром сионистских групп в США — это, безусловно, феномен в дипломатической практике — является посольство Израиля в Вашингтоне. «В двух положениях договора 1952 года о дружбе конкретно сказано, что израильское правительство не имеет права участвовать в политической деятельности в нашей стране. Тем не менее правительство и многие политические деятели полагают, что израильтяне на самом деле все же эффективно контролируют некоторых американских сионистов»¹⁵, — писал Роберт Феллс в газете «Нью-Йорк таймс».

Перспективы урегулирования

Анализ событий на Ближнем Востоке показывает, что ближневосточный конфликт не имеет военного решения, на что упирали американские политики. Обобщая ближневосточный опыт, можно прийти к выводу, что при нынешнем соотношении сил в мире заранее обречены на конечный провал империалистические действия, имеющие своей целью «стабильно» отбросить назад национально-освободительные силы, пользующиеся поддержкой мирового социализма.

Советский Союз исходит из того, как неоднократно заявлялось в официальных документах, что разрешение ближневосточного конфликта не может быть обеспечено за счет поощрения Израиля, совершившего агрессию и удерживающего оккупированные арабские территории. В то же время события на Ближнем Востоке показывают, что выходом из возникающих в мире кризисных ситуаций, фактором, препятствующим их перерастанию в столкновение между великими державами, может быть лишь компромиссное решение с учетом интересов всех народов, населяющих этот район.

Для деэскалации на Ближнем Востоке могут быть максимально использованы возможности Организации Объединенных Наций. Основу для политического урегулирования наметила резолюция Совета Безопасности ООН от 22 ноября 1967 г., которая предусматривает ряд мер со стороны Израиля и арабских стран, чтобы положить конец чрезвычайно опасному развитию событий на Ближнем Востоке и привести дело к миру в этом неспокойном районе. В данной связи СССР выступал и выступает за активизацию миссии, осуществляющей специальным представителем Генерального секретаря ООН с целью претворения в жизнь положений этой резолюции.

Для разрешения ближневосточного кризиса используются и другие формы, в том числе контакты между представителями четырех постоянных членов Совета Безопасности — СССР, США, Франции и Англии.

Свою обструкционистскую позицию в отношении претворения в жизнь положений резолюции Израиль пытается оправдать ссылками на озабоченность проблемой обеспечения «безопасных границ». Этот аргумент совершенно несостоятелен и практически служит целям камуфляжа притязаний на арабские территории, захваченные в июне 1967 года. Действительно, что значит в наши дни создать безопасные границы? Прежде всего — добиться их признания со стороны соседей. Можно ли всерьез думать об обеспечении безопасности границ путем их выдвижения на десятки миль в том случае, если такое изменение не только не сопровождается признанием со стороны соседних государств, но, наоборот, закладывает своего рода долговременную мину под отношения с ними, создает постоянный очаг, грозящий разрасстись в большой пожар?

Опасность представляет сама линия на сохранение ближневосточного кризиса на стадии напряженности, попытки, предпринимаемые Израилем с целью «заморозить ситуацию». Израильские лидеры исходят при этом из того, что время работает якобы в пользу Израиля. Они ссылаются на то, что за годы после агрессии 1967 года Израилю удалось продвинуться в «освоении» некоторых оккупированных территорий, создать ряд еврейских поселений на них, начать поиск контактов с отдельными палестинскими элементами. Но ведь это лишь одна сторона вопроса. Можно ли не замечать другой стороны, которая заключается в том, что Израилю никогда не удастся заставить арабские государства признать факт отторжения от них значительных земель, захваченных в 1967 году, никогда не удастся ликвидировать палестинскую проблему? Если к этому добавить факты несомненного преимущества арабов в людских ресурсах и неизбежное с годами уменьшение имеющегося ныне научно-технического разрыва между Израилем и арабскими странами, то вывод о «времени, работающем на Израиль», будет еще более нереальным.

Советский Союз, как известно, стоял и стоит за справедливое политическое урегулирование ближневосточного конфликта. С целью такого урегулирования на основе резолюции Совета Безопасности СССР предложил ряд мер, которые получили известность как советский план установления прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке.

Каковы особенности этих мер?

Во-первых, они предусматривают конкретное решение, которое приведет к нормализации положения в районе и снимет остроту конфликта. Для этого необходимо увязать воедино два момента, имеющих наибольшее значение для арабских стран и Израиля: вывод израильских войск со всех оккупированных в 1967 году арабских территорий с одновременным прекращением состояния войны и установлением мира между Израилем и арабскими государствами. Следует, очевидно, обратить особое внимание на то, что вплоть до настоящего времени лишь границы Израиля 1947 года имеют международноправовую основу. Причем даже те границы, определившие территорию Израиля в значительно меньших размерах, чем границы на 4 июня 1967 г., не признавались ни одним арабским государством.

Во-вторых, в советском плане урегулирования предусматриваются конкретные меры с указанием сроков их реализации, вывод израильских войск, увязанный с установлением новых мирных условий между Израилем и его арабскими соседями. Предусматривается, что такой вывод может осуществляться в два этапа и уже после первого из них будет объявлено о прекращении состояния войны между арабскими странами и Израилем.

Как известно, пытаясь приблизить политическое решение ближневосточного конфликта, президент АРЕ Анвар Садат заявил в начале 1971 года о готовности его страны пойти на «промежуточное урегулирование», которое дало бы возможность уже при отводе израильских войск на определенное расстояние от Суэцкого канала открыть этот чрезвычайно важный международный морской путь для судоходства. Египетская инициатива и советский план создают основу, на которой можно было бы осуществить такое «промежуточное урегулирование». Но речь не может идти о «самостоятельном соглашении», которое не было бы связано с общим урегулированием, предусматривающим вывод израильских войск с оккупированных земель.

В-третьих, советский план — это не благие пожелания для установления мира, а серьезно продуманная система мер по гарантии безопасности границ всех стран данного района. Для этого можно было бы установить соответствующие демилитаризованные зоны, ввести в ряд пунктов контингенты войск под флагом ООН или наблюдателей Организации Объединенных Наций, предложить соответствующие гарантии со стороны ряда великих держав или Совета Безопасности ООН.

Путь к ликвидации международного кризиса на Ближнем Востоке — нелегкий путь. Но его должно пройти человечество. История ставит Израиль и его покровителей перед выбором: либо пойти по пути политического урегулирования, либо провоцировать новые осложнения на Ближнем Востоке, что в конечном итоге самым негативным образом скажется и на положении во всем мире, и на интересах всех народов этого района.

ИНДО-ПАКИСТАНСКИЙ КОНФЛИКТ 1971 ГОДА

Индо-пакистанский конфликт 1971 года явился по своему масштабу, остроте и последствиям наиболее крупным и значительным из конфликтов, имевших место в послевоенный период между странами «третьего мира». Наряду со многими специфическими особенностями, присущими только ему, он воплотил в себе все типичные черты конфликтов между развивающимися странами.

Главная из этих типичных черт состоит в том, что, сколь бы ни были своеобразны и многообразны «местные» причины конфликтов между странами «третьего мира», центральным фактором, который стимулирует их обострение и перерастание в острые кризисные ситуации, начинающие угрожать миру в обширных районах, является политика империализма. Тот факт, что большинство международных конфликтов вспыхивало в последние 10—15 лет в Азии, Африке и Латинской Америке, использован некоторыми теоретиками Запада для создания концепции «неустойчивой», «зыбкой» зоны «третьего мира» как основного источника международных конфликтов 60—70-х годов.

В действительности же корни многих международных конфликтов уходят в колониальное прошлое молодых развивающихся стран, в политику империалистов, которые, предоставляя им независимость под напором национально-освободительного движения, оставляли позади себя «мины замедленного действия» в виде сознательно обостренных территориальных, национальных религиозных и иных разногласий и споров. Ухудшению отношений между странами «третьего мира» неизменно способствовала проводимая империализмом политика ско-

лачивания военных блоков, поддержки реакционных военных режимов, оказания им военной помощи, что всегда поощряло шовинистические и авантюристические круги. Наконец, на стадиях, предшествующих конфликтам, и в ходе их империалистические державы, стремясь достичь своих целей, проводят политику, нередко ведущую к обострению конфликтов, возникновению опасных кризисов.

Наконец, в индо-пакистанском конфликте особенно отчетливо проявился новый элемент, который постепенно становится присущим многим международным конфликтам, возникающим в зоне «третьего мира». Речь идет о шовинистической политике пекинских лидеров, играющих явно провокационную роль в целом ряде международных конфликтов.

Истоки конфликта

Истоки конфликта лежат прежде всего в колониальном прошлом обеих стран, в проводившейся империализмом политике «разделяй и властвуй». Именно этот принцип был положен в основу осуществленного английским империализмом раздела в 1947 году бывшей Британской Индии на Индию и Пакистан. Тогда и были заложены семена вооруженных конфликтов, вспыхнувших на Индостанском полуострове в 1947—1948, 1965 и 1971 годах.

Как известно, зарождение и развитие национально-освободительного движения в Индии в общем происходило в стороне от религиозных распреяй. Предложение небольшой кучки религиозных фанатиков-мусульман в 30-х годах нашего века, предусматривавшее раздел Индии на два государства по религиозному признаку в случае завоевания независимости, было относительно непопулярно в Индии как среди индусов, так и среди мусульман и фактически никогда не обсуждалось всерьез ни в одной из программ основных политических партий Индии¹.

Вопрос об этом встал после второй мировой войны, когда английский парламент был вынужден принять решение о предоставлении независимости Индии. Срочное назначение вице-королем Индии лорда Маунтбэттена, который и стал впоследствии автором проекта разделения страны, его активная деятельность по раздуванию

противоречий между религиозными общинами в обстановке практически неконтролируемой активности ряда религиозных партий и группировок привели к тому, что во многих районах вспыхнули кровавые столкновения между мусульманами и индусами. Осуществить раздел страны в сложившихся условиях не представляло трудностей, однако именно эти условия, как и сам факт раздела, наложили отпечаток на дальнейшее развитие отношений между обеими странами.

Совершая раздел Индии, английские колонизаторы рассчитывали сохранить ключевые позиции в обеих странах. В качестве одного из средств ослабления борьбы за укрепление независимости обеих стран они надеялись использовать напряженность в отношениях между Индией и Пакистаном.

Обострению напряженности в отношениях между Индией и Пакистаном в огромной степени содействовали США. Вовлекая Пакистан в агрессивные военные блоки СЕАТО и СЕНТО, Соединенные Штаты активно использовали антииндийские настроения его реакционных кругов. Участие в блоках способствовало росту шовинистических агрессивных настроений в Пакистане, направленных главным образом против Индии.

Важным фактором разжигания напряженности в индо-пакистанских отношениях явились поставки Пакистану американского оружия. Бывший американский посол в Индии Ч. Боулс отмечает, например, что еще в 1953 году он неоднократно обращал внимание тогдашнего государственного секретаря США Дж. Даллеса на то, что американские поставки оружия Пакистану ведут к росту напряженности в индийско-пакистанских отношениях². Индийское правительство, представители Индии в ООН неоднократно подчеркивали, что поставки американского оружия стимулируют агрессивные круги Пакистана, способствуют росту непримиримости в отношении мирных предложений и инициатив Индии. Поставки американского оружия подводили своего рода «материальную базу» под воинственную политику определенных пакистанских кругов.

Параллельно с активной поддержкой Пакистана США пытались заигрывать и с Индией, не раз провозглашая ее «главным объектом» американской политики в Южной Азии или даже в Азии в целом. Однако Индия последовательно проводила независимый внешнеполити-

ческий курс, явно не устраивающий американский империализм. Поддержка Пакистана и разжигание индо-пакистанских разногласий призваны были сыграть немаловажную роль в осуществлении курса США в Южной Азии.

На активной антииндийской платформе произошло в 60-х годах сближение между Пакистаном и пекинскими лидерами. Пекин неоднократно организовывал провокации и агрессивные акции против Индии. Пекинские лидеры довели дело до прямого вооруженного столкновения с Индией в 1959 году, а в 1962 году они нанесли удар по Индии, воспользовавшись как предлогом провокационной политикой правых сил в Индии. Тогда на границе между КНР и Индией возник крупный международный конфликт.

В своих антииндийских планах пекинские лидеры рассматривали Пакистан как естественного союзника. Между Пекином и Исламабадом произошло быстрое сближение, развилось политическое, экономическое, а затем и военное сотрудничество. Пекин активно подталкивал своего союзника на активизацию борьбы против Индии.

Военный режим Исламабада — инициатор конфликта

Непосредственной причиной индо-пакистанского конфликта 1971 года послужила шовинистическая политика военно-бюрократического режима Исламабада, учившего кровавую расправу над населением Восточного Пакистана.

На первых в истории Пакистана парламентских выборах в декабре 1970 года большого успеха добилась партия Народная лига во главе с Муджибуром Рахманом. Она получила 288 мест из 310 в провинциальной ассамблее Восточного Пакистана и 167 из 313 мест в национальном собрании Пакистана. В ходе предвыборной борьбы Народная лига выдвинула программу из шести пунктов, содержащую требования предоставления Восточному Пакистану широкой провинциальной автономии, проведения национализации банков и ведущих отраслей промышленности, ограничения крупного помещичьего землевладения и наделения крестьян землей. Программа Народной лиги предусматривала также, что сбор и использование налогов, определение хозяйственной поли-

тиki должны быть переданы в ведение провинциальных властей.

Выдвигая свои требования, Народная лига отмечала, что Восточный Пакистан отстал в своем хозяйственном развитии в результате дискриминационной политики властей Исламабада. Это привело к тому, что жизненный уровень населения здесь был примерно в 4 раза ниже, чем в Западном Пакистане. Кроме того, являясь основным поставщиком экспортной продукции страны (джут и джутовые изделия), Восточный Пакистан практически не получал никакой валюты для закупки необходимых товаров за границей. Народная лига добивалась, чтобы ее требования были закреплены в новой конституции.

Тогдашний президент Пакистана Яхья Хан уклонялся от ответа на требования Народной лиги, лавировал, накапливая силы для удара по бенгальцам. В марте 1971 года Яхья Хан вел в Дакке переговоры с Муджибуром Рахманом по вопросам будущего конституционного устройства страны. 25 марта переговоры были неожиданно прерваны, а Муджибур Рахман и многие из его сторонников арестованы. Переброшенные из Западного Пакистана армейские части развернули карательные операции против местного бенгальского населения с применением танков и авиации. Свыше миллиона бенгальцев были убиты. Около 10 миллионов, спасаясь от репрессий, оставили дома и устремились в Индию. Преследовавшие их части западнопакистанской армии вышли к границам Индии.

Пакистанские войска совершили ряд нарушений индийской границы, принимавших со временем все более серьезный характер. В самом Восточном Пакистане было сформировано правительство Бангладеш (страна бенгальцев), которое призвало население к сопротивлению. Возникли отряды освобождения — «мукти бахини».

Таким образом, в результате действий пакистанской военщины события приняли международный характер. Приток миллионов беженцев в Индию поставил перед ее правительством сложные проблемы, в первую очередь финансовые: только в 1971/72 финансовом году правительству Индии предстояло израсходовать на содержание беженцев до 700 млн. долл. Газета «Вашингтон пост» в этой связи отмечала: «Как только Пакистан обрушил на Индию 10 миллионов беженцев, Индия столкнулась с

provokacijей, которую не могла бы игнорировать ни одна страна»³.

Все это сопровождалось непрекращавшимися провокациями пакистанских военных властей на границах Индии, которые вели к быстрому росту напряженности на индо-пакистанских границах как на востоке, так и на западе. Обстановка еще более обострилась после того, как 23 ноября 1971 г. Яхъя Хан ввел по всей стране чрезвычайное положение и осуществил мобилизацию резервистов. Исламабад тем самым начал непосредственную подготовку к нападению на Индию.

Активная поддержка была оказана Яхъя Хану Вашингтоном и Пекином, что в большой мере способствовало нарастанию международной напряженности на Индостанском полуострове. Специальная делегация Пакистана, в состав которой вошли видные пакистанские военачальники, посетила Пекин. В этот же период в Пакистан из США направлялись очередные партии вооружений, несмотря на заявления государственного департамента и Пентагона о том, что поставки были прекращены⁴. Все это стимулировало агрессивный курс военно-бюрократического режима Исламабада, подталкивало его на осуществление опасных авантюристических акций.

Боевые действия между обеими сторонами начались 3 декабря 1971 г., длились до 17 декабря и были прекращены в результате мирной инициативы Индии, принявшей решение прекратить огонь на границе между Индией и Западным Пакистаном. Военные действия в Восточном Пакистане прекратились несколько раньше. На территории Восточного Пакистана была провозглашена Народная Республика Бангладеш.

Роль Вашингтона и Пекина

Опасный характер конфликта, развязанного военным режимом Пакистана, резко усугублялся в результате действий США и пекинских лидеров, поспешивших на помочь своему союзнику. Опубликованные обозревателем Дж. Андерсоном в газете «Вашингтон пост» секретные документы — протоколы заседаний Вашингтонской группы специальных действий (ВГСД), состоявшихся 3, 4 и 6 декабря 1971 г., вскрывают подоплеку истинных намерений США в период индо-пакистанского конфликта. Суще-

ство американской позиции состояло в том, что при определенных условиях Вашингтон был готов пойти даже на прямую вооруженную поддержку Пакистана.

14 декабря соединение кораблей 7-го флота США вошло в Индийский океан и двинулось в район Бенгальского залива. Первоначальная цель акции Пентагона состояла в том, чтобы оказать давление на Индию. «Мы изучили секретные документы Белого дома, посвященные этой двухнедельной войне,— писал Дж. Андерсон.— Из них явствует, что эта оперативная группа, включая авианосец «Энтерпрайз», самый могущественный корабль военно-морского флота, была послана в индийские воды для „демонстрации силы”»⁵.

Официально посылка группы военных кораблей мотивировалась тем, что они якобы необходимы для «эвакуации» американских граждан из Восточного Пакистана. Однако в действительности «демонстрация силы» в период индо-пакистанского конфликта, как это видно из протоколов ВГСД, предусматривала следующее:

- 1) заставить Индию отвлечь корабли и самолеты для слежения за этой оперативной группой кораблей;
- 2) ослабить военно-морскую блокаду Индией Восточного Пакистана;
- 3) по возможности отвлечь на себя индийский авианосец «Викрант»;
- 4) заставить Индию держать самолеты в состоянии боевой готовности для обеспечения обороны, тем самым ослабив их операции против пакистанских сухопутных сил.

Следовательно, Вашингтон предусматривал и такую возможность, как военное столкновение группы своих кораблей с индийским военно-морским флотом и авиацией. «Возможно,— отмечается в тексте приказа, отданного этой группе кораблей,— создастся ситуация, которая потребует присутствия и использования авианосца, чтобы обеспечить защиту американских интересов в этом районе». Группе кораблей вменялось в обязанность «принимать воздушные и морские операции ВМС по указанию высшей инстанции, чтобы отстаивать американские интересы в районе Индийского океана»⁶.

Военная демонстрация осуществлялась в совокупности с другими мерами нажима на Индию. В частности, была прекращена американская помощь Индии, на нее было оказано дипломатическое давление.

Непрерывное давление оказывал на Индию и Пекин, сыгравший зловещую роль в разжигании конфликта. Пекинские лидеры оказали Яхья Хану помощь оружием в подавлении движения народа Бангладеш. Иностранные печати сообщали, что Китай поставил Пакистану 9 канонерских лодок для действий на реках Восточного Пакистана, в Пакистан шел поток вооружения и боеприпасов из Китая. Все это подталкивало режим Яхья Хана к агрессии против Индии. Пекин обещал ему всемерную поддержку. В частности, как стало известно на заседании ВГСД из донесений разведки Пентагона, во время конфликта Яхья Хан сообщил о заверениях посла КНР в Исламабаде о том, «что в течение 72 часов китайская армия двинется в сторону границы (индийско-китайской. — Авт.)»⁷.

В Организации Объединенных Наций пекинская дипломатия развернула кампанию клеветы и угроз против Индии. На протяжении всех заседаний Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, на которых обсуждался индо-пакистанский конфликт, Пекин по существу выступал совместно с Вашингтоном, пытаясь протащить резолюции, которые поощряли бы агрессивные действия Пакистана и ущемляли права Индии и народа Бангладеш.

Маневры Вашингтона и Пекина, развернутые ими вокруг индо-пакистанского конфликта, завершились провалом. Надежды на успех действий, спровоцированных и начатых режимом Яхья Хана, оказались призрачными. В сложившихся условиях пришлось несколько умерить свой воинственный пыл и тем, кто его поощрял и поддерживал. Однако их роль в индо-пакистанском конфликте, опасные акции, которые грозили превратить его в острейший международно-политический кризис труднобозримых масштабов, привели в конечном счете к дискредитации их курса на разжигание конфликта и ослаблению их позиций в этом районе мира.

Путь к укреплению безопасности в Индостане

С самого начала развития событий на Индостанском полуострове Советский Союз, исходя из принципиальных основ своей внешней политики, направленной на упрочение безопасности и мира между народами, решительно выступил за мирное политическое урегулирование в Во-

сточном Пакистане на основе волеизъявления его народа, выраженного в ходе выборов в декабре 1970 года. Когда же события на субконтиненте переросли в прямое столкновение между Пакистаном и Индией, КПСС и Советское правительство еще раз ясно выразили свое отношение к причинам конфликта. Выступая на VI съезде ПОРП 7 декабря 1971 г., Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежnev подчеркнул, что «события, породившие этот конфликт,— кровавое подавление основных прав и ясно выраженной воли населения Восточного Пакистана»⁸.

Исходя из принципиальных основ своей внешней политики, Советский Союз решительно выступал за прекращение кровопролития, за мирное политическое урегулирование проблем с учетом законных прав народов, за создание условий прочного и справедливого мира в этом районе. Вместе с тем Советский Союз решительно указал на недопустимость вмешательства внешних сил в конфликт, о чем говорилось в заявлении ТАСС 6 декабря и в заявлении МИД СССР 18 декабря 1971 г.⁹ Эти предупреждения, несомненно, сыграли свою позитивную роль.

В Организации Объединенных Наций СССР последовательно добивался ликвидации конфликта на действительно справедливой и эффективной основе. Советский Союз и другие социалистические государства своей принципиальной и конструктивной позицией способствовали прекращению вооруженного конфликта между Индией и Пакистаном. После прекращения огня в Восточном Пакистане и в связи с мирной инициативой Индии, принявшей решение прекратить боевые действия на всем протяжении границы между Индией и Западным Пакистаном и линии прекращения огня в 1965 году в Кашмире, Советский Союз призвал, как указывалось в заявлении МИД СССР, «все страны оказывать всемерное содействие быстрейшему восстановлению мира на Индостанском полуострове и воздерживаться от любых шагов, которые могли бы затруднить там нормализацию обстановки»¹⁰. Принципиальная позиция Советского Союза встретила активную поддержку общественности Индии и Бангладеш.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Характерной чертой современных межимпериалистических отношений, развивающихся в условиях углубляющегося общего кризиса капитализма, является возрастающая многозначность международных конфликтов. Острое столкновение интересов различных государств — как на главных, так и на периферийных участках противоборства двух мировых систем — в наше время оказывает все более сложное воздействие на центростремительные и центробежные силы в лагере империализма.

Усложнение взаимоотношений империалистических держав в связи с международными конфликтами вызывается в современных условиях действием главным образом двух основных факторов. Во-первых, изменением соотношения сил между двумя мировыми системами в пользу социализма, в ущерб империализму и, во-вторых, перераспределением сил внутри империалистического лагеря.

Рост экономического, политического и военного могущества Советского Союза и других стран социалистического содружества привел к принципиально новому военно-политическому балансу сил в мире. Ликвидация ядерной монополии, а затем и стратегической неуязвимости США, как уже отмечалось, в корне подорвала устои американских военно-политических доктрин, служивших стержнем стратегии мирового империализма. Полностью несостоятельной оказалась доктрина «массированного возмездия». Ракетно-ядерная война, на которую агрессивные круги США делали ставку как на средство достижения мирового господства, в новой обстановке могла бы привести лишь к гибели всего капиталистического строя. Вооруженная интервенция, акты прямой агрессии, поли-

тика с «позиции силы» наталкиваются на решительный отпор со стороны социалистического содружества, национально-освободительного движения, всех антиимпериалистических сил. Под воздействием роста сил мира и социализма, с одной стороны, и полного краха мифа о «коммунистической угрозе» — с другой, в межимпериалистических отношениях получила развитие тенденция военно-политического «полицентризма».

Одновременно с этим происходило усиление империалистических партнеров США, прежде всего стран Западной Европы и Японии. Набрав силу, эти державы начали проявлять все большую самостоятельность. Ныне налицо несовпадение позиций США и их основных союзников по таким важным проблемам, как масштабы, интенсивность, характер и формы военного противостояния двух мировых систем. Очевидна неодинаковая степень готовности США и их союзников к участию в разных видах возможных военных конфликтов — от локальных, ограниченных вооруженных столкновений до всеобщей ядерной войны. Несомненно противоречие между «глобальной миссией» американского империализма и ограниченными интересами и возможностями его партнеров. Немало расхождений в империалистическом стане из-за «разделения ответственности» в вопросах военно-политической стратегии, особенно в связи с контролем над ядерным оружием. Серьезные трудности возникают между империалистическими союзниками при распределении расходов по осуществлению общих военных мероприятий.

Общие и специфические интересы империалистических держав

Острие военно-политической стратегии империализма направлено против мирового социализма, против всех прогрессивных сил современности. Основой этой стратегии, угрожающей миру и безопасности народов, является в конечном счете общность классовых интересов монополистической олигархии империалистических держав. При всем разнообразии военно-политических концепций этих держав их объединяет стратегическая линия всего империалистического лагеря, подчиненная целям противодействия любыми средствами — включая и военные — развитию мирового революционного процесса. Единая военно-политическая стратегия мирового империализма в

послевоенный период сложилась под доминирующим воздействием США, которые, располагая подавляющей мощью в капиталистическом мире, создали под своим контролем разветвленную сеть агрессивных военных блоков.

Однако военно-политическое единство империалистических держав никогда не было полным и безусловным. Еще в пору безраздельного господства США над ослабленными войной странами Западной Европы и Японией в недрах империалистического лагеря началось развитие глубинных процессов, подтачивающих его единство. В наши дни существенные расхождения между империалистическими державами в военно-политической сфере их взаимоотношений стали непреложным фактом международной жизни.

США занимают в империалистическом лагере особое место, на которое в современных условиях не может претендовать никто из их партнеров и даже любое их объединение. Независимо от колебаний в соотношении сил между США и другими империалистическими державами неизменным остается то качественное различие, которое существует между положением на международной арене американского империализма и положением его менее могущественных партнеров.

Пользуясь своим положением лидера Североатлантического союза, США все еще определяют его военно-политические установки. Вашингтону пока удается добиваться некоторого укрепления пошатнувшейся структуры НАТО, навязать союзникам принятие своих военных доктрин. Но за фасадом натовского согласия скрываются острые противоречия. Предписанная Вашингтоном стратегическая линия далеко не во всем устраивает союзников США. В ракетно-ядерный век американское «прикрытие» таит в себе смертельную угрозу Западной Европе. В западноевропейских столицах не могут закрывать глаза на то, что это «прикрытие» от несуществующей «угрозы с Востока» позволяет США по-прежнему удерживать Западную Европу в военно-политической системе американского глобального противоборства с мировым социализмом. При этом возросшая экономическая и политическая независимость Западной Европы от заокеанского лидера во многом сводится на нет в военно-политической и военно-стратегической областях «межатлантических» отношений.

В планах американских стратегов Западной Европе по-прежнему отводится подчиненная роль при возникновении и в ходе развития международных конфликтов. Реальная опасность сокрушительного ответного удара непосредственно по жизненным центрам США в случае ядерной войны заставляет их искать возможности «гибкого реагирования» и «множественности выбора». В то же время для западноевропейских союзников Америки далеко не безразлично, как на практике могла бы осуществиться такая стратегия.

«Множественность выбора», если таковая вообще возможна, открылась бы в случае широкого военного конфликта главным образом перед США, а не перед их западноевропейскими союзниками, которые даже вопреки их воле оказались бы втянутыми в водоворот войны. В условиях быстротечного ядерного конфликта принятие решений в соответствии с концепцией «ядерного централизма» в Североатлантическом союзе почти целиком взяли бы на себя США, а Западная Европа была бы лишь поставлена перед свершившимся фактом. При любых условиях ядерная война, затрагивающая Европу, имела бы для нее катастрофические последствия.

В таких условиях вполне естественно развитие в военно-политической стратегии отдельных стран Западной Европы тенденции если не к нейтрализму, то хотя бы к определенной «автономии», способной ослабить автоматизм втягивания их в военный конфликт. Разумеется, при этом западноевропейские партнеры Соединенных Штатов Америки руководствуются не только чисто военными соображениями, но и желанием выйти из-под американской опеки, уменьшить давление, осуществляемое из-за океана на их экономику и политику через систему «межатлантических» отношений, занять более независимые международные позиции.

Подобные тенденции намечаются и в политике Японии. Выйдя на второе место в капиталистическом мире по экономическим показателям, эта империалистическая держава начинает все более настойчиво добиваться расширения самостоятельности в рамках партнерства с Соединенными Штатами.

Международные конфликты сказываются на политике США и на политике стран Западной Европы далеко не одинаково. Различны сила и характер их воздействия. В целом они накладывают больший отпечаток на аме-

риканскую политику, вызывая в ней смещение приоритетов и сфер непосредственного приложения усилий. Политика же главных западноевропейских стран меньше подвержена прямому влиянию событий за пределами Европы и откликается на них главным образом путем реакции на изменения, вызванные ими в американской политике и сказывающиеся на «атлантических» взаимоотношениях. Если для Соединенных Штатов конфликты вне Европы могут приобретать порой первостепенное значение — как это произошло в результате эскалации их агрессивной войны в Индокитае,— то почти для всех стран Западной Европы они практически не выходят из категории «периферийных».

В свою очередь, политика Японии менее чувствительна к международным конфликтам вне зоны Восточной Азии и Тихого океана. Что же касается конфликтов в этой зоне, то после поражения во второй мировой войне Япония, несмотря на тесный военный союз с США, предпочитала воздерживаться от втягивания в них и старалась по возможности извлекать из них косвенные экономические и политические выгоды.

Если в сфере непосредственных межсоюзнических связей с США их основные партнеры не склонны брать на себя большую долю тягот, связанных с военно-политическим противостоянием двух мировых систем, то вне этой сферы они и подавно не заинтересованы в «разделении ответственности» с Соединенными Штатами. Многие из них понимают, что при осуществлении «глобальной миссии» США стремятся добиться своих целей в самых разных районах мира, притом зачастую вопреки интересам партнеров.

Линия на объединение усилий империалистических держав на основе враждебности к социалистической системе, международному рабочему и национально-освободительному движению неоднократно находила свое развитие в их совместных внешнеполитических позициях по коренным проблемам мировой политики. Реакция западноевропейских членов Североатлантического союза на реальную возможность лобового столкновения двух мировых систем свидетельствовала о том, что, несмотря на все «межатлантические» распри, США длительное время в принципе могли рассчитывать на своих основных союзников. В этом же смысле они могли рассчитывать и на Японию.

Однако, как показали события недавнего прошлого, единство империалистического лагеря, достигнутое в условиях «холодной войны», быстро шло на убыль, как только исчезала непосредственная опасность возникновения мировой ядерной войны. Практика современной международной жизни свидетельствует о том, что механизм формирования общей стратегии мирового империализма все труднее приспосабливать для решения специфических задач империализма США в области отношений с его главными партнерами. Хотя сплочение империалистических сил в момент отдельных острейших международно-политических кризисов укрепляет фундамент военно-политических блоков, оно уже не может служить эффективным средством разрешения многообразных и многоплановых экономических, политических и военных проблем, по которым США и их главных партнеров разделяют глубокие разногласия.

Несовпадение позиций США и других империалистических держав, которое иногда отступает на второй план при чрезвычайных обстоятельствах, в обычной обстановке выявляется с особой силой. Но и в процессе назревания, развития и завершения международных конфликтов отношения между США и их партнерами отягощаются противоречиями. При этом глубина межимпериалистических расхождений определяется прежде всего характером и масштабом конфликта, степенью и формой участия в нем США, его местом и значением в системе современных международных отношений и особенно его связью с главной линией борьбы между мировым социализмом и мировым империализмом.

Конфронтация главных мировых сил

Весьма характерные позиции заняли империалистические державы во время острейшего кризиса в районе Карибского моря в октябре 1962 года.

Решение правительства Дж. Кеннеди о военной блокаде Кубы, принятое без предварительной консультации с западноевропейскими союзниками, поставило их перед свершившимся фактом. В создавшейся острой обстановке, чреватой всеобщей ядерной войной, правительства главных государств Западной Европы в принципе поддержали позицию США. Тем не менее такая поддержка

не означала полного единства в Североатлантическом союзе.

Премьер-министр Англии Макмиллан выразил американскому послу Брюсу свое глубокое беспокойство тем, что «ядерное оружие может выйти из-под контроля». Узнав от американского посла Даулинга об опасном положении в районе Карибского моря, канцлер ФРГ Аденауэр не скрывал тревоги. Выслушав приехавшего к нему Д. Ачесона, президент Франции де Голль заявил о своем «понимании» позиции США, но в то же время подчеркнул, что французское правительство предпочитает принимать свои решения вполне независимо¹. Премьер-министр Италии А. Фанфани считал действия США крайне рискованными². Все западноевропейские союзники не упустили случая, чтобы в той или иной форме высказать претензии в адрес Вашингтона по поводу отсутствия предварительных консультаций по острейшему международному вопросу³.

Официальное американское объяснение — необходимость сохранения в глубокой тайне военных приготовлений США в районе Карибского моря — не принималось всерьез в столицах Западной Европы. Дело, конечно, было не только и даже не столько в этом, сколько в том, что в условиях опаснейшего кризиса проявилось несоответствие между односторонней американской интерпретацией общекоммунистических интересов «атлантических» держав и специфическими интересами стран Западной Европы.

Пытаясь свести до минимума отрицательные последствия для американской политики расхождений в Североатлантическом союзе во время карибского кризиса, правительство США подчеркивало главным образом то, что в момент опасности вновь дало себя знать «атлантическое единство». Государственный секретарь Д. Рэск доказывал, что единство в рядах союзников по НАТО существенно укрепило «позицию силы», с которой действовали США в период наибольшей напряженности в районе Карибского моря⁴. У. Ростоу высказал идею, что карибский кризис сплотил Североатлантический союз не только потому, что был пущен в ход традиционный механизм «атлантической солидарности», но и ввиду того, что западноевропейские союзники сами осознали решающий характер лобовой конфронтации США — СССР⁵. Принимавший самое активное участие в заседаниях исполни-

тельного комитета Совета национальной безопасности в дни карибского кризиса Роберт Кеннеди впоследствии писал, что поддержка союзников существенно подкрепила позицию американского правительства⁶.

В то же время в Вашингтоне не скрывали разочарования некоторыми итогами испытания на практике межсоюзнических обязательств в Североатлантическом блоке. Заместитель государственного секретаря Дж. Болл, выступая на конференции парламентариев стран НАТО в Париже 16 ноября 1962 г., говорил о том, что «атлантическое» сотрудничество могло бы быть еще теснее, если бы заблаговременно были намечены направления единых действий в условиях международно-политических кризисов. Указывая на трудности, с которыми связаны консультации в скоротечные моменты наивысшей напряженности, Дж. Болл предлагал заранее договориться о главных пунктах «единого атлантического ответа» на случай подобных кризисов в будущем⁷. Не удивительно, что этот призыв не встретил отклика у союзников США, заинтересованных не в усилении жесткости «атлантических уз», а в расширении возможности для более свободного маневрирования в условиях международных кризисов и конфликтов.

В попытке закрепить хотя бы в некоторой мере то «атлантическое единство», которое возникло в момент напряженности в районе Карибского моря, руководители американской политики попытались искусственно продлить действие «эффекта чрезвычайности». Из Вашингтона предприняли прямой нажим на западноевропейских союзников, чтобы заставить их занять в отношении Кубы позицию враждебности, аналогичную американской, и в качестве первого непременного шага в этом направлении порвать с ней все, даже самые несущественные, экономические связи.

Хотя Англия, Франция и некоторые другие западноевропейские страны поддерживали с Кубой весьма скромные и спорадические торговые отношения, президент Л. Джонсон решил придать этому незначительному вопросу большое принципиальное значение с точки зрения авторитета США как лидера Североатлантического союза и эффективности их политики «атлантизма». По указанию президента государственный секретарь и его заместитель подвергли западноевропейских союзников усиленному давлению. Д. Раск заявил, что союзники долж-

ны прекратить всякую торговлю с Кубой, поскольку эта страна является средоточием «наибольшей угрозы». «Мы не можем принять ту точку зрения, в соответствии с которой торговля с Кубой может быть приравнена к обычной торговле с любой коммунистической страной»⁸, — сказал он. Дж. Болл на одном из совещаний в Совете НАТО говорил: «Продолжение торговли важными товарами с Кубой, санкционированной и даже гарантированной правительствами стран Союза, вызовет возрастающее раздражение и недовольство в моей стране... Это представляется мне соображением крайне серьезным, затрагивающим самую суть дела — нашу способность строить прочный и действенный Союз»⁹.

Соединенным Штатам не удалось заставить западноевропейские страны отказаться от торговли с Кубой, а американский нажим породил лишь дополнительные трудности в «атлантическом» мире. В этой связи обозреватель «Вашингтон пост» Мэррей Мардер отмечал: «Соединенные Штаты убеждаются в том, что, несмотря, а по существу даже вследствие их ядерного прикрытия.., они никак не могут подчинить своей воле формирование стратегии Запада»¹⁰.

«Ограниченнная» война американского империализма

Еще более серьезным испытанием подвергла военно-политическое единство западных стран война в Индокитае, которую эскалация американской агрессии довела до размеров самого крупного военного конфликта со временем второй мировой войны. Хотя империалистические круги США квалифицировали эту войну как «ограниченную», они связывали с ней значительно более широкие замыслы.

Избрав в качестве объекта агрессии социалистическое государство — Демократическую Республику Вьетнам и другие страны Индокитая, американские политики и стратеги рассчитывали не только закрепить за США плацдарм для дальнейшей экспансии в Азии, но и консолидировать свои глобальные внешнеполитические позиции. Решение вьетнамской проблемы военными средствами, как полагали в Вашингтоне, позволило бы Соединенным Штатам в дальнейшем эффективнее использовать фактор силы в отношениях с социалистическими странами.

ми, расширить борьбу против национально-освободительного движения, усилить давление на молодые суверенные государства, еще активнее действовать в роли «мирового жандарма». Одновременно с этим американская агрессия во Вьетнаме была призвана способствовать консолидации сил всего империалистического лагеря вокруг США, упрочить их доминирующую роль в формировании единой внешнеполитической стратегии империализма.

Расчеты эти не оправдались. Широкая вооруженная интервенция США в Южном Вьетнаме и их агрессивные действия против ДРВ, Камбоджи и Лаоса натолкнулись на решительный отпор со стороны вьетнамского и других народов Индокитая, всех антиимпериалистических сил. СССР и другие социалистические страны оказали действенную и всестороннюю поддержку народам Индокитая в их справедливой борьбе. Во всем мире развернулось широкое движение протesta против агрессивных действий американского империализма. В самих США невиданный размах получили выступления широчайших слоев общественности за прекращение войны в Индокитае.

Не добившись в итоге военной авантюры упрочения своих позиций в противоборстве с социалистическими государствами и национально-освободительными движениями, США не получили преимуществ и по отношению к своим империалистическим партнерам. Хотя монополистическая буржуазия всего империалистического лагеря связана общей заинтересованностью в противодействии мировому революционному процессу, по вопросу о средствах и способах достижения этой цели в индокитайском конфликте между США и их основными союзниками возникли расхождения.

Решение правительства Л. Джонсона о широкой вооруженной интервенции США во Вьетнаме сопровождалось нажимом на западноевропейских союзников с целью добиться от них активной поддержки американской агрессии. На сессии Совета НАТО в декабре 1965 года Д. Раск и Р. Макнамара убеждали западноевропейских членов этого военно-политического блока, что в их собственных интересах «присоединиться к американским усилиям в Юго-Восточной Азии»¹¹. С каждой новой ступенью эскалации конфликта американская дипломатия усилившала давление на союзников по НАТО.

Однако с самого начала вооруженной интервенции США в Юго-Восточной Азии стало ясно, что страны За-

падной Европы не хотят принимать непосредственное участие в ней. В конце 1965 года «Нью-Йорк таймс» отмечала: «Тот факт, что Вашингтон искренне и твердо верит, что интересы европейских стран сейчас поставлены на карту, еще не служит гарантией, что европейские правительства будут видеть войну во Вьетнаме в том же свете, в каком ее видят американцы. Они не убеждены, что это их война»¹².

В руководящих кругах США поэтому не могли рассчитывать на прямую военную помощь западноевропейских союзников во вьетнамской войне, а надеялись получить от них хотя бы возможно большую финансовую и морально-политическую поддержку. Дж. Болл в интервью французской газете «Монд» подчеркивал, что США заинтересованы в оказании Западной Европой финансовой помощи Сайгону¹³, а Р. Макнамара в беседе с корреспондентом итальянской газеты «Темпо» заявил, что Вашингтон хотел бы, чтобы западноевропейские союзники «взяли на себя большие обязательства во Вьетнаме» в любой приемлемой для них форме, имея целью «продемонстрировать единство целей Запада в отношении войны в Юго-Восточной Азии»¹⁴. Внутри НАТО усилились требования США к союзникам увеличить размер их «взноса» в общие военные мероприятия Североатлантического блока и тем самым облегчить американской военной машине задачу ведения войны в Азии.

Нельзя сказать, что все эти усилия руководящих кругов США были совсем безрезультатными. Частичную политическую поддержку своей агрессии в Юго-Восточной Азии американское правительство все же получило в Североатлантическом союзе. В этом сказались некоторая общность империалистических интересов отдельных его членов с США и желание каждого из них добиться для себя определенных выгод, пользуясь тем, что трудности американского империализма во Вьетнаме повышают его заинтересованность в поддержке со стороны союзников. Однако, когда речь зашла о практическом объединении усилий США и стран Западной Европы, последние уклонились от прямого участия во вьетнамской войне, как это сделала и Япония. Они не взяли на себя дополнительных тягот, связанных с военно-политическим противостоянием двух мировых систем в Юго-Восточной Азии, предоставив вести «грязную войну» по существу одним Соединенным Штатам. Несмотря на призывы из Вашингтона, ни

один из главных империалистических партнеров США не оказал им непосредственной военной поддержки, хотя бы в тех масштабах, какие имели место во время корейской войны. Более того, некоторые из них, в частности Франция, отмежевались от неприкрыто агрессивной политики лидера империалистического лагеря.

Откровенно агрессивная сущность американских военных акций в Юго-Восточной Азии не могла не вызвать беспокойства в широких общественных кругах Западной Европы и Японии. Возникновение большой войны в Азии грозило перерастанием ее во всеобщий конфликт. И при этом страны Западной Европы и Япония имели весьма незначительные возможности, чтобы влиять на принятие Соединенными Штатами военно-политических решений.

Вызванное вьетнамской войной разобщение в империалистическом лагере и падение престижа США в качестве его лидера и гаранта ослабили эффективность американской внешней политики в отношении союзников и партнеров. Глубоко втянувшись в безнадежную военную авантюру в Юго-Восточной Азии, Соединенные Штаты невольно облегчили другим империалистическим державам внешнеполитическое маневрирование, нередко идущее вразрез с американскими интересами. Многие американские политики отмечают, что переключение внимания США с Европы на Азию в немалой степени способствовало принятию Францией решения ликвидировать американские военные базы на своей территории и вывести французские войска из подчинения командованию НАТО. Занятостью Соединенных Штатов войной в Индокитае воспользовались ФРГ и Япония для изменения в свою пользу условий империалистического партнерства с США.

Представители значительной части американских правящих кругов резко осуждали «дезертирство» союзников во время войны США во Вьетнаме. Особенно активную «антиевропейскую» кампанию вели многие члены конгресса. Неудачи американских агрессоров во Вьетнаме и усиление морально-политической изоляции США лишь ожесточали критиков европейских партнеров, что, в свою очередь, подогревало антиамериканские настроения в Западной Европе. Председатель сенатской комиссии по делам вооруженных сил Р. Расселл (демократ от штата Джорджия), говоря об отношении западноевропейских союзников к вьетнамской войне, заявил: «Я не удовлет-

ворен их вкладом, и я надеюсь, что наш государственный департамент будет более решительно нажимать на них... Они, видимо, предоставляют дяде делать все самому — «дядя» в данном случае дядя Сэм»¹⁵.

Все это неизбежно вело к углублению расхождений между США и их империалистическими партнерами. В конкретной ситуации индокитайского конфликта разъединяющие тенденции в политике союзников оказались сильнее объединяющих тенденций. Американский империализм попал в самую серьезную морально-политическую изоляцию за всю историю своего существования. Война в Индокитае показала, что в случае возникновения подобных периферийных конфликтов в будущем США едва ли смогут полагаться на своих основных союзников.

Признание этого факта породило в весьма влиятельных кругах США пессимистические взгляды на возможность осуществления «глобальной миссии» американского империализма в непомерно широких масштабах и фактически в одиночку. В этой связи «Уолл-стрит джорнэл» писала еще осенью 1966 года: «Потрясающее отсутствие поддержки Соединенных Штатов во всем мире в их усилиях во Вьетнаме недвусмысленно показывает, что даже дружественные страны очень не хотели бы оказаться втянутыми в какой-либо новый конфликт. Нельзя требовать, чтобы американцы согласились с перспективой, когда Соединенные Штаты в полном одиночестве завязли бы в новых вьетнамах»¹⁶.

Опыт межимпериалистических отношений в связи с индокитайским конфликтом заставил военно-политического теоретика Г. Киссинджера еще до назначения его специальным помощником президента Р. Никсона по вопросам национальной безопасности прийти к заключению, что США вообще не могут рассчитывать на безоговорочное участие главных своих союзников в «партнерстве с глобальными задачами»¹⁷. Бывший министр обороны Р. Макнамара также констатировал неудачу попыток США сплотить в ходе войны во Вьетнаме основные империалистические силы¹⁸.

На фоне военного конфликта в Индокитае отчетливо обозначились пределы приложения на практике общей стратегии современного империализма. Главные империалистические союзники США не захотели подчинять свои специфические интересы общим интересам империализма

в том виде, в каком их формулируют американские руководящие круги. Для них ясно, что США преследуют в Юго-Восточной Азии не только общеимпериалистические, сколько свои собственные интересы и идут притом на значительно больший риск расширения войны, чем это устраивает большинство стран империалистического лагеря.

Прямое вмешательство США

Осложнения в межимпериалистические отношения вносили и последствия прямого вмешательства американского империализма в дела других стран и народов.

Интервенция в Доминиканской Республике, предпринятая США в 1965 году, создала новые затруднения для всей американской внешней политики. Высадка американской морской пехоты на территории независимого государства и провозглашение президентом Л. Джонсоном исключительного «права» США по своему усмотрению вмешиваться во внутренние дела стран Латинской Америки для устранения как внешней, так и внутренней «коммунистической опасности» поставили американский империализм в положение, при котором даже многие из его ближайших партнеров сочли необходимым отмежеваться от его откровенно агрессивных акций.

Вооруженная интервенция против малой латиноамериканской страны и «доктрина Джонсона», возводившая одностороннее вмешательство США в дела любого государства Западного полушария в принцип американской политики, вызвали возмущение общественного мнения во всем мире, в том числе и в странах Западной Европы. С этим не могли не считаться правительства западноевропейских стран — членов НАТО. Кроме того, занимая позицию хотя бы формального неодобрения грубых интервенционистских актов американского империализма, некоторые западноевропейские политики рассчитывали на получение благоприятного морально-политического эффекта в глазах молодых развивающихся государств. Западноевропейские союзники США определенно надеялись также получить выигрыш от дальнейшего падения престижа лидера Североатлантического блока и расширить поле для своих независимых внешнеполитических действий.

Резко осудило американскую интервенцию в Доминиканской Республике правительство Франции, а за ним в той или иной форме свое неодобрение выразили руководящие круги многих других стран Западной Европы. На сессии Совета НАТО в мае 1965 года в Лондоне помимо делегатов Франции против интервенции США высказались также представители Норвегии, Голландии, Италии, Дании, Бельгии и других стран Североатлантического союза¹⁹. В коммюнике лондонской сессии не удалось сформулировать никакой общей «атлантической» позиции в отношении Доминиканской Республики²⁰.

События в Конго послужили еще одним примером, показывающим непрочность «атлантического единства» в периферийных районах. Правящие круги США и стран Западной Европы объединяет в конечном счете общность интересов перед лицом национально-освободительного, антиимпериалистического движения народов Африки. Однако одного этого на практике оказалось недостаточно, чтобы во всех случаях обеспечить единство действий империалистических держав в этой африканской стране, особенно в периоды обострения там конфликта.

Еще в 1961 году наметились существенные противоречия США с Бельгией и Англией в ходе соперничества за сферы влияния в Конго. Правительство США добивалось сохранения единства страны в надежде на включение ее целиком в орбиту своей неоколониалистской политики, а Бельгия и Англия делали ставку на закрепление своего контроля над отделившейся от Конго провинцией Катанга²¹.

В 1967 году «межатлантические» трения возникли в связи со срочной эвакуацией европейцев и американцев из Конго. Западноевропейские страны уклонились от участия в операции по эвакуации, переложив всю ответственность за вмешательство и все расходы на США. Воспользовавшись этим фактом, члены конгресса и американская печать обвинили западноевропейских партнеров в стремлении «эксплуатировать дядю Сэма» и заботиться лишь о своих собственных интересах²².

Конфликты без непосредственного вмешательства США

Отсутствие полного согласия между США и их основными империалистическими партнерами выявилось в связи с ближневосточным конфликтом 1967 года, вызван-

ным агрессией Израиля против арабских стран. Хотя конфликт произошел в непосредственной близости от Западной Европы и более непосредственно затронул ее интересы, чем война в Юго-Восточной Азии, и в этом случае руководителям политики США не удалось добиться единых и активных действий стран Североатлантического блока, которые в полной мере отвечали бы американским интересам.

В период тех фаз развития конфликта, которые предшествовали вооруженному столкновению, правительство США тщетно пыталось убедить Англию и Францию подтвердить американо-англо-французскую декларацию 1950 года по Ближнему Востоку, предусматривавшую возможность совместных действий трех держав, вплоть до вооруженной интервенции. Ни в Париже, ни в Лондоне американские демарши не встретили благоприятного отклика²³. Не имели успеха и попытки США совместно с Англией создать специальные международные военно-морские силы для ввода в Акабский пролив и оказания давления на Египет и другие арабские страны²⁴. Как признал впоследствии заместитель государственного секретаря по политическим делам Юджин Ростоу, Соединенным Штатам Америки не удалось склонить своих западноевропейских союзников к «коллективным акциям» на Ближнем Востоке²⁵.

В такой обстановке в Вашингтоне не скрывали опасений, что в случае вооруженной интервенции США на Ближнем Востоке им вряд ли можно было бы рассчитывать на поддержку союзников по Североатлантическому блоку. Сенаторы М. Мэнсфилд, Дж. У. Фулбрайт, Р. Кеннеди и другие предупреждали, что односторонние действия США могут превратить ближневосточный конфликт в еще одну «американскую войну», и требовали от правительства Л. Джонсона, чтобы оно заранее заручилось поддержкой западноевропейских союзников²⁶. Однако, как заявил корреспондентам «Ю. С. Ньюс энд Уорлд репорт» один из членов специальной группы при правительстве Л. Джонсона, следившей за развитием событий на Ближнем Востоке, к июню 1967 года стало совершенно очевидным, что Западная Европа не пойдет с США на принятие совместных мер и что «было уже слишком поздно», чтобы изменить это положение²⁷. «Если Америка даже и вмешается,— сообщал из Вашингтона осведомленный обозреватель «Уолл-стрит джорнэл» Генри Джем-

милл,— ей придется сделать это таким путем, какого она больше всего хотела бы избежать,— в одиночку»²⁸.

В июньской войне 1967 года на Ближнем Востоке политика США, несмотря на провозглашенный ими «нейтралитет», была связана с надеждой на быструю победу Израиля и фактически поддерживала его агрессию против арабских стран. Одновременно американская дипломатия попыталась склонить к такой же позиции западноевропейских союзников. Для этой цели была использована проходившая 13—14 июня 1967 г. в Люксембурге сессия Совета НАТО. С Соединенными Штатами в целом солидаризировались Англия и Западная Германия. Но выработать единую платформу по ближневосточной проблеме помешала оппозиция Франции, к которой в той или иной форме примкнули Италия, Бельгия, Голландия, Дания, Люксембург и другие страны Североатлантического союза²⁹.

Новые расхождения в «атлантическом» стане, возникшие в ходе бурных событий на Ближнем Востоке, лишний раз продемонстрировали несовпадение американского «глобализма» и западноевропейского «европоцентризма». В отличие от США, страны Западной Европы не располагают военно-политическими возможностями для активного воздействия на положение на Ближнем Востоке. После провала суэцкой авантюры 1956 года Англия и Франция, по существу, отказались от таких вариантов своей политики в этом районе, которые предусматривали бы их прямое вооруженное вмешательство. В то же время США, опирающиеся на свою военную силу в Западной Европе и на Средиземном море, особенно на 6-й флот, являются единственной империалистической державой, способной осуществить вооруженную интервенцию на Ближнем Востоке.

В этой связи некоторые американские политики накануне войны на Ближнем Востоке пытались представить дело таким образом, что Западная Европа заинтересована в американской интервенции и обеспокоена лишь тем, смогут ли США пойти на нее ввиду своей занятости вьетнамской войной. Не подлежит сомнению, что война во Вьетнаме в некоторой мере сковывала свободу действий США на Ближнем Востоке. Однако главным сдерживающим фактором была решительная поддержка арабских государств со стороны СССР и других социалистических стран. В таких условиях страны Западной Европы опа-

сались не того, что США не вмешаются в ближневосточный конфликт, а как раз этого крайне опасного вмешательства.

В столицах Западной Европы видели, какими серьезными последствиями могло быть чревато американское вмешательство в конфликт на стороне израильских агрессоров. Опасность большой войны, которая могла бы разгореться в результате расширения конфликта, была тем более осязаемой для стран Западной Европы, что США планировали использовать их территории в качестве опорных баз своей возможной интервенции на Ближнем Востоке. Американская печать не делала секрета из намерений Пентагона по существу включить возможный театр военных действий американских вооруженных сил на Ближнем Востоке в стратегическую систему НАТО³⁰.

Не последнюю роль в противоречиях между США и западноевропейскими странами в связи с конфликтом на Ближнем Востоке играли экономические соображения. Если американские нефтяные монополии мало пострадали от закрытия Сuezского канала, то прекращение поставок через него нефти с Ближнего Востока в Западную Европу оказалось весьма ощутимым для экономики многих ее стран.

Следует, конечно, отметить, что ближневосточный кризис 1967 года ознаменовался для США не только новыми трудностями в отношениях со странами Западной Европы, хотя именно такими были главные последствия его в «атлантическом» мире. Воспользовавшись напряженностью на Ближнем Востоке, созданной израильской агрессией при поддержке со стороны США, руководители американской политики подняли в НАТО вопрос об укреплении ее «южного фланга». Постоянный представитель США в Совете НАТО Х. Кливленд сразу же после июньской агрессии Израиля подчеркнул, что Североатлантический союз, хотя его сфера деятельности прямо не распространяется на Ближний Восток, «должен учитывать реальность потрясений, происходящих в непосредственной близости от его собственного района»³¹.

По американской инициативе сессия Совета НАТО в декабре 1967 года зафиксировала мнение 14 стран — членов Североатлантического блока (Франция по этому, как и по другим военно-политическим вопросам, заняла свою особую позицию) о необходимости укрепления «южного фланга»³². Впоследствии руководящие круги США раз-

вернули широкие мероприятия по усилению своего «военного присутствия» в восточной части Средиземноморья, а также по более активному вовлечению в эти военные приготовления таких членов НАТО, как Италия, Греция и Турция, втягиванию в «атлантическую» орбиту Кипра и вообще по использованию положения на Ближнем Востоке в качестве постоянного повода для активизации деятельности всего Североатлантического блока.

Непрекращающаяся напряженность на Ближнем Востоке, вызванная израильской агрессией, последствия которой не ликвидированы, создала весьма сложную международную ситуацию. С одной стороны, перед США и странами Западной Европы открылись определенные возможности для вмешательства в дела государств Ближнего Востока. Но, с другой стороны, твердая позиция Советского Союза в поддержку справедливого дела арабских народов сковывала действия империалистических держав. Поэтому обострение положения на Ближнем Востоке оказывается во многом неблагоприятным даже с точки зрения политики империалистических государств. Выгоды, которые они смогли бы извлечь для себя из конфликта, начинают перевешиваться опасностью, чреватой бесконтрольной эскалацией. В таких условиях угрозы одностороннего вооруженного вмешательства США на Ближнем Востоке, которые несколько раз исходили из определенных американских кругов, не могут не настораживать западноевропейских союзников, не могут не осложнить межсоюзнических отношений на Западе.

Несовпадение позиций империалистических держав вновь дало себя знать и на фоне конфликта на Индостанском полуострове в декабре 1971 года.

Односторонняя поддержка Соединенными Штатами военного режима Пакистана, обрушившего кровавые репрессии на участников освободительного движения Бангладеш, и откровенно враждебное отношение к Индии не только вели к разжиганию конфликта, но и вызывали трения внутри империалистического лагеря. Как и во многих подобных ситуациях в прошлом, руководители американской политики предпочли предпринимать свои акции без консультации с союзниками. Более того, как явствует из ставших достоянием гласности секретных протоколов заседаний Вашингтонской группы специальных действий, в Белом доме обсуждались такие варианты «жестких мер» против Индии и оказания военной под-

держки Пакистану, которые шли бы в обход союзников, в частности по блоку СЕАТО³³. Подобный маневр американской политики объяснялся тем, что далеко не все из партнеров США были готовы оказаться вместе с ними в таком крайне невыгодном положении на Индостанском полуострове, при котором они ориентировались бы только на военный режим Пакистана и восстановили бы против себя Индию и Бангладеш.

Во время обсуждения в ООН вопроса об индо-пакистанском конфликте проекты американских резолюций, призванных по существу оказать поддержку военному режиму Яхья Хана, не встретили одобрения ряда западных стран. В Совете Безопасности и на Генеральной Ассамблее при голосовании этих резолюций воздержались делегации Англии и Франции. В то же время выявилось совпадение позиций по индостанскому вопросу между США и КНР.

Беспокойство у союзников США вызвала посылка оперативной группы 7-го флота в Бенгальский залив якобы для эвакуации американских граждан из осажденной Дакки. Не было никакого сомнения в том, что эта оперативная группа послана в индийские воды для «демонстрации силы». Провокационное развертывание военно-морских сил США, призванное облегчить пакистанским войскам ведение военных действий, заключало в себе опасность прямого американского вмешательства в индостанский конфликт со всеми вытекающими из этого серьезнейшими последствиями. Снова американская политика «глобализма» создавала напряженность не только на всей международной арене, но и во взаимоотношениях в империалистическом лагере.

Руководители политики и стратегии США не отказываются от планов использования сил союзников в самых разных возможных международных конфликтах. Более того, «доктрина Никсона» делает особый упор на необходимость в 70-х годах «более справедливого распределения бремени» военных мероприятий империалистического лагеря³⁴. Такое же требование содержится и в доктрине «реалистического сдерживания», которая, по определению министра обороны США М. Лэйрда, предусматривает слияние всех союзнических сил в совокупную, «тотальную силу»³⁵. Однако глубокие противоречия между США и их империалистическими партнерами не могут не углубляться, а новые международные конфлик-

ты, если они будут разжигаться ими, способны послужить своего рода катализаторами этого процесса.

Из всего сказанного, конечно, не следует, что эрозия общей военно-политической стратегии империализма в конфликтных ситуациях уже достигла критической стадии. При всех намечающихся сдвигах в сторону возникновения новых центров притяжения сил в капиталистическом мире США и их главные партнеры продолжают составлять один империалистический блок. Но пути к выработке общей линии этого блока в различных конфликтах пролегают через все более запутанные лабиринты межимпериалистических противоречий. Возрастающая дифференциация подхода разных империалистических держав к общим стратегическим целям затрудняет объединение империалистических сил, а развитие мирового революционного процесса и твердый отпор политике агрессии и войны способствуют углублению противоречий в военно-политической сфере империализма.

ДВА ПОДХОДА К МЕЖДУНАРОДНЫМ КОНФЛИКТАМ

Глава IX

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНОПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

При рассмотрении современных международных конфликтов и кризисов особое значение приобретает вопрос о способах их предупреждения, мирного разрешения, а также восстановлении нарушенного мира. В данной связи в первую очередь заслуживают анализа следующие проблемы, касающиеся современных международноправовых способов урегулирования: об арсенале традиционных средств мирного разрешения межгосударственных споров, о роли и возможностях международной организации безопасности по мирному урегулированию споров и конфликтов, а также по восстановлению международного мира.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу конкретных способов урегулирования, надо сказать, что диаметрально противоположный подход двух мировых сил к международным конфликтам в целом в полной мере проявляется и в их отношении к современным способам мирного урегулирования.

СССР и другие социалистические страны последовательно и неуклонно выступают за то, чтобы все межгосударственные разногласия и споры разрешались исключительно мирным путем, а существующие способы мирного урегулирования применялись на основе свободного и добровольного выбора наиболее приемлемой в каждом конкретном случае для сторон процедуры по взаимному

согласованию между ними и в интересах скорейшего и справедливого урегулирования.

Империалистические державы нередко даже средства мирного урегулирования стремятся поставить на службу целям своей политики с «позиции силы». Они зачастую используют их не как инструмент поисков взаимоприемлемого и справедливого решения, а как способ оказания давления, как средство маскировки своего нежелания искать справедливое решение конфликта, навязывают односторонне выгодную для себя процедуру, извращая таким образом саму сущность мирных средств урегулирования.

Традиционные средства мирного разрешения конфликтов

Практике международных отношений издавна известен ряд способов урегулирования межгосударственных споров и разногласий, чреватых вооруженными конфликтами или уже вызвавших такой конфликт. В современном международном праве такие способы продолжают по традиции именоваться «мирными средствами». Это название закрепилось за ними еще в тот период, когда война также считалась правомерным средством разрешения споров.

Однако еще в период между первой и второй мировыми войнами широкое признание в международном праве получил принцип запрещения агрессивной войны как средства разрешения споров. Наиболее известным актом этого времени явился Парижский договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики от 27 августа 1928 г. (так называемый пакт Бриана — Келлога)¹.

Устав Организации Объединенных Наций, разработанный при самом активном участии СССР, в целом ряде своих положений зафиксировал принцип запрещения агрессивной войны, в том числе в п. 1 ст. 1, пп. 3 и 4 ст. 2, ст. 33, 37, 39, 41, 43, 51, 53, 106 и 107. Более того, принятие Устава ООН знаменовало собой объявление вне закона не только агрессивной войны, но и угрозы применения силы в международных отношениях. В единодушно принятой на XXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества меж-

ду государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, от 24 октября 1970 г.² в развитие положений Устава было провозглашено, что «агрессивная война является преступлением против мира, которое влечет ответственность по международному праву». Подтвердив один из основополагающих принципов ООН об обязанности всех членов Организации разрешать свои международные споры исключительно мирными средствами, содержащийся, в частности, в п. 3 ст. 2 и ст. 33 Устава, Декларация о принципах международного права провозгласила обязанность государств «стремиться к скорейшему и справедливому разрешению своих международных споров» и разрешать их «на основе суверенного равенства государств и в соответствии с принципом свободного выбора средств мирного разрешения споров».

Современное международное право знает широкий спектр основных видов средств мирного разрешения разногласий и конфликтов между государствами. К числу традиционных средств относятся непосредственные дипломатические переговоры, примирительная процедура, третейское разбирательство и судебное разбирательство. Все эти виды, кроме судебного разбирательства, сложились и получили значительное распространение еще до начала XX века, а некоторые из них берут свое начало в глубокой древности. Именно потому, что применение этих средств освящено старой традицией, их и считают традиционными в противовес таким относительно новым средствам, как всеобщая организация безопасности и региональные органы и организации. Наиболее подробная регламентация традиционных средств мирного решения конфликтов содержится в Конвенции о мирном решении международных столкновений, принятой на I Гаагской конференции мира в 1889 году и подтвержденной на II Гаагской конференции мира 1907 года³.

Переговоры занимают особое место среди мирных средств, поскольку они практически предшествуют мирному урегулированию. Дипломатические переговоры — это наиболее доступный, гибкий, эффективный, а потому и наиболее распространенный способ. На переговоры как средство мирного урегулирования прежде всего указывают и Гаагская конвенция 1907 года, и Устав ООН (п. 1 ст. 33), и практически все другие международные договоры и соглашения, затрагивающие вопрос о мирном разрешении разногласий, споров и конфликтов.

Не существует какой-либо регламентации способа ведения переговоров. В каждом конкретном случае сами стороны избирают наиболее предпочтительную для них процедуру и способ проведения переговоров. Они могут вестись не только посредством встреч представителей государств, но и письменно — посредством обмена нотами, заявлениями, памятными записками, меморандумами и т. п. В случае недостижения соглашения путем переговоров стороны обязаны обратиться к другим средствам мирного урегулирования.

Число участников переговоров не обязательно зависит от числа вовлеченных в спор или конфликт сторон. Для проведения переговоров по мирному урегулированию с участием более двух сторон обычно созываются международные конференции или совещания. Так, например, в целях восстановления мира в Индокитае в 1954 году было созвано Женевское совещание, в котором приняли участие представители Камбоджи, Южного Вьетнама, США, Франции, Лаоса, ДРВ, КНР, Великобритании и СССР⁴; в 1961—1962 годах в Женеве проходило Международное совещание по урегулированию лаосского вопроса с участием 14 стран, завершившееся принятием Декларации о нейтралитете Лаоса и протокола к ней⁵.

Стороны на переговорах должны добросовестно стремиться к достижению соглашения, искать реальные пути мирного урегулирования международного спора или конфликта. Добросовестное ведение переговоров несовместимо с попытками осуществления диктата и принуждения. Тем не менее в практике империалистических держав эти непременные условия зачастую грубо попираются. Ярким примером этого являются попытки США затянуть Парижские четырехсторонние мирные переговоры по вьетнамскому вопросу, продолжающиеся с января 1969 года, чтобы отвлечь внимание мирового общественного мнения вместо полного прекращения агрессии и добросовестных поисков путей восстановления мира в этом районе.

Весьма тесно к переговорам примыкают так называемые *консультации*. Они осуществляются в соответствии с заранее обусловленным обязательством проведения переговоров между сторонами по мере возникновения необходимости или в точно определенные промежутки времени с целью предупреждения возникновения разногласий либо для изыскания путей и способов мирного

урегулирования возникших расхождений. Целый ряд современных многосторонних международных договоров содержит положения о консультациях. Широкое распространение положения о консультациях получили и в договорной практике СССР⁶.

Простота, доступность и эффективность — все это делает переговоры наиболее распространенным средством мирного урегулирования конфликтов и споров.

Примириительная процедура включает добрые услуги, посредничество, следственные и согласительные комиссии. Эта процедура отличается от непосредственных дипломатических переговоров обязательным участием третьей стороны, посторонней для данного конфликта или спора. Существо ее состоит в оказании помощи сторонам в споре или конфликте в поисках взаимоприемлемого решения. В зависимости от роли третьей стороны различаются конкретные мирные средства, входящие в примириительную процедуру. Первые два средства — добрые услуги и посредничество — известны с давних пор практике межгосударственных отношений; они имели значительное распространение уже в средние века. Два последних средства — более позднего происхождения; они сформировались и получили признание в конце XIX — начале XX века.

Добрые услуги (*bons offices*) и *посредничество* (*mediation*), несмотря на различие в названиях, — весьма близкие по значению понятия. Гаагская конвенция 1907 года, которая в разделе II (ст. ст. II—VIII) содержит подробную регламентацию порядка осуществления добрых услуг и посредничества, различия между ними не проводит. Попытки разграничения этих мирных средств предпринимались лишь в теории⁷. В частности, различие это усматривается в том, что при оказании добрых услуг третья сторона выступает лишь инициатором начала переговоров между заинтересованными сторонами или служит своеобразной передаточной инстанцией, тогда как при посредничестве третья сторона участвует в переговорах и предлагает сторонам в конфликте или споре конкретные условия его разрешения. На практике такое различие, как правило, не проводится.

Инициатива осуществления добрых услуг или посредничества может исходить как от обеих сторон в споре или конфликте либо от одной из них, так и от третьей стороны. При этом ст. III Гаагской конвенции 1907 года специальн-

но подчеркивает, что подобное предложение добрых услуг или посредничества третьей стороной не должно расцениваться сторонами в конфликте как недружелюбное действие.

Задача посредника состоит в согласовании противоположных притязаний, а также в смягчении враждебности, возникшей между сторонами в споре или конфликте. Конкретное решение спора, предлагаемое третьей стороной при осуществлении добрых услуг или посредничества, имеет исключительно значение совета и не является обязательным для сторон. Гаагская конвенция 1907 года в ст. VIII предусматривает особую процедуру посредничества, при которой каждая из сторон избирает себе государство-посредника и поручает ему войти в сношение с посредником, избранным другой стороной, для поисков взаимоприемлемого решения, а сами полностью устраниются от переговоров о предмете спора.

Действующий в отношениях между американскими государствами Американский договор о мирном разрешении споров (Боготинский пакт) от 30 апреля 1948 г.⁸ допускает избрание сторонами в качестве посредника не только из числа американских государств, но и «одного или нескольких видных граждан любого американского государства, которые не заинтересованы в споре» (ст. IX). Боготинский пакт проводит также различие между добрыми услугами (ст. X) и посредничеством (ст. ст. XI и XII).

На африканском континенте действует Протокол Комиссии по посредничеству, примирению и арбитражу Организации африканского единства (ОАЕ)⁹. Протокол не упоминает о добрых услугах; посредничество же в соответствии с его условиями осуществляется одним или более членами упомянутой комиссии, которая избирается из граждан всех членов ОАЕ (по одному от каждого государства).

Добрые услуги и посредничество широко применяются в практике современных международных отношений и нередко приводят к положительным результатам. Ярким примером этого может служить акция Председателя Совета Министров СССР, выступившего с инициативой и оказавшего содействие в организации и проведении переговоров между премьер-министром Индии и президентом Пакистана в 1965 году¹⁰, которые завершились принятием известной Ташкентской декларации¹¹, определившей

основные условия урегулирования вооруженного конфликта и наметившей пути нормализации отношений между этими странами.

Обследование — еще одно средство мирного урегулирования, входящее в примирительную процедуру. К нему могут прибегать в тех случаях, когда конфликтующие стороны расходятся в оценке фактических обстоятельств, самих фактов, вызывающих или приведших к спору или конфликту.

При обследовании для объективного и беспристрастного выяснения фактов стороны создают на паритетных началах международную следственную комиссию, иногда во главе с представителем третьего государства. Результаты работы комиссии фиксируются в докладе, который должен ограничиваться лишь установлением фактов. За сторонами сохраняется полная свобода воспользоваться выводами следственной комиссии по своему усмотрению. Обследование как средство мирного разрешения споров носит сугубо вспомогательный характер, хотя и может явиться существенным вкладом в мирное урегулирование.

Примирение (согласительная процедура) как средство мирного урегулирования в отличие от обследования включает не только выяснение фактических обстоятельств, но и выработку конкретных рекомендаций сторонам. При применении согласительной процедуры стороны аналогично обследованию образуют на паритетных началах международную согласительную комиссию (иногда во главе с представителем третьего государства), которая и вырабатывает свои рекомендации.

Выводы комиссии, как и при обследовании, не имеют обязательного характера для сторон, участвующих в конфликте.

Многие международные договоры, как многосторонние, так и двусторонние, предусматривают обращение к обследованию и примирению. Первым опытом регламентации в многостороннем договоре порядка образования и работы следственных комиссий явилась Гаагская конвенция 1907 года, в которой этим вопросам посвящен III раздел (ст. ст. IX—XXVI). В 1928 году в рамках Лиги наций был подготовлен Общий акт о мирном разрешении споров, который в 1949 году с незначительными редакционными поправками был подтвержден Генеральной Ассамблейей ООН¹². Боготинский пакт 1948 года посвящает

главу III процедуре обследования и примирения, но различия между ними не проводит. Протокол Комиссии по посредничеству, примирению и арбитражу ОАЕ говорит только о примирении. Различия в регламентации этими актами вопросов относительно смешанных комиссий (следственных и согласительных) касаются только деталей. Они затрагивают вопрос о том, кто образует такие комиссии, их численный состав, норму представительства от сторон и т. д.

Применение смешанных комиссий в практике международных отношений имеет более ограниченный характер по сравнению с переговорами, добрыми услугами и посредничеством. Относительно большее распространение смешанные комиссии получили в практике взаимоотношений государств американского континента.

Широкое признание получил такой частный случай создания согласительных комиссий, как институт пограничных комиссаров, предназначенный для урегулирования пограничных инцидентов. Он был введен в международную практику по инициативе Советского государства.

Из послевоенных многосторонних договоров следует упомянуть четыре Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 г., предусматривающие создание в определенных случаях следственных комиссий¹³.

Третейское разбирательство, или **международный арбитраж**, представляет собой добровольно согласованную сторонами передачу своего спора для разбирательства третьей стороной, решение которой является обязательным для сторон в споре. Обязательность выносимого решения — главное, что отличает арбитраж от всех перечисленных выше средств мирного урегулирования споров или конфликтов. Это качество арбитража определяет и главные принципы его применения, к которым относятся: строгая добровольность обращения к третейскому разбирательству и полное равноправие сторон наряду с беспристрастностью и справедливостью рассмотрения спора.

В качестве третьей стороны могут выступать единичный арбитр (обязательно посторонний для государств в споре), группа арбитров из трех государств, группа арбитров на паритетных началах от государств, участвующих в споре или конфликте, при нейтральном председателе — суперарбитре. Арбитры при осуществлении третейского разбирательства руководствуются обще-

признанными нормами международного права, а также нормами договоров, в которых участвуют обе стороны. Соглашение об арбитраже может предусматривать возможность решения споров и на основе принципа *ex aequo et bono* (по справедливости).

Арбитраж может быть *ad hoc*, то есть созданным сторонами специально для данного конкретного случая и прекращающим свое существование после вынесения решения; он именуется изолированным третейским разбирательством. Арбитраж может иметь институциональный характер. В этом случае стороны заранее принимают на себя обязательство передавать споры определенной категории или все возникающие между ними споры на третейское разбирательство. Изолированный арбитраж имеет место на основе специального соглашения сторон — компромисса, или третейской записи, в которой они определяют предмет спора, состав арбитража, процедуру его работы, источники подлежащих применению норм права и обязательство подчиниться вынесенному решению. Институциональный арбитраж может быть установлен в различных формах — включением в многосторонний или двусторонний договор положения об обращении к третейскому разбирательству в некоторых или во всех случаях возникновения споров по поводу толкования или применения данного договора либо посредством заключения специального договора о постоянном арбитраже.

Третейское разбирательство известно международной практике с древнейших времен. К арбитражу нередко прибегали, например, русские князья. Еще в XIII—XIV веках при помощи арбитража решались споры между итальянскими городами-республиками. Особо большое распространение получил арбитраж с развитием капиталистических отношений.

Гаагская конвенция 1899 года в главе второй IV раздела (ст. ст. 51—85) впервые зафиксировала положение о постоянном арбитраже — Постоянной палате третейского суда, учрежденной в 1900 году. В соответствии с конвенцией местопребыванием палаты является Гаага. Собственно, функционирует постоянно только бюро — канцелярия палаты, — наблюдение за которым осуществляется Постоянный распорядительный совет в составе дипломатических представителей при правительстве Нидерландов из числа государств — участников конвенции во главе с министром иностранных дел Нидерландов. Каждое из

участвующих в конвенции государств (их в настоящее время более 50) назначает четырех компетентных лиц из числа своих граждан в качестве членов палаты (арбитров). Из общего списка членов палаты, составляемого бюро, стороны в споре и выбирают арбитров. Обычно каждая из сторон выбирает по два арбитра, один из которых является ее гражданином, и четверо арбитров выбирают пятого — суперарбитра. Третейское разбирательство распадается на две стадии — письменную и устную. Решение должно быть мотивировано и выносится большинством голосов. Оно является окончательным и обязательным для сторон. Пересмотр его возможен лишь при обнаружении новых обстоятельств, которые не были известны ранее сторонам и арбитражу.

Постоянная палата третейского суда формально существует до сих пор. За это время она рассмотрела 24 дела, из них 18 падают на период до 1922 года. Последнее дело было прекращено в 1956 году. Фактически ее деятельность в настоящее время замерла.

Идею арбитража усиленно пропагандировали руководящие деятели Лиги наций, которые изображали арбитраж чуть ли не как панацею от всех зол и включали его в качестве составной части триединой формулы: «безопасность, разоружение, арбитраж». На деле, как свидетельствует исторический опыт 20—30-х годов, этот лозунг маскировал неспособность руководителей Лиги наций противостоять подготовке и развязыванию фашистскими агрессорами второй мировой войны.

Обращение к арбитражу предусматривают Общий акт о мирном разрешении споров от 28 сентября 1928 г., Боготинский пакт 1948 года, Протокол Комиссии по посредничеству, примирению и арбитражу ОАЕ и многие другие международные договоры. Процедура и организация арбитража по этим договорам в основе своей аналогичны положениям Гаагской конвенции.

Комиссия международного права ООН на своей X сессии приняла Образцовые правила арбитражного процесса¹⁴, которые Генеральная Ассамблея ООН 14 ноября 1958 г. рекомендовала иметь в виду государствам-членам и, когда это необходимо, пользоваться ими при разработке договора об арбитраже или составлении компромиссов¹⁵.

Традиционной сферой обращения к арбитражу являются, как правило, споры юридического характера. Одна-

ко это не является обязательным правилом. Так, Боготинский пакт 1948 года предусматривает в ст. XXXVIII по соглашению сторон возможность передачи на арбитражное рассмотрение любых споров, «независимо от того, носят они юридический характер или нет». Протокол ОАЕ вообще не проводит разграничения споров и, очевидно, также предусматривает третейское разбирательство любых споров между государствами-членами.

Несмотря на значительное распространение арбитража, в практике международных отношений он особого успеха не имел и не имеет. Наиболее серьезные споры государства предпочитают разрешать посредством прямых дипломатических переговоров или с использованием добрых услуг и посредничества. На долю же третейского разбирательства падают в основном второстепенные (если не третьестепенные) проблемы. Международная практика убедительно свидетельствует о том, что государства явно опасаются вверять споры первой важности арбитражам, которые могут оказаться орудием одной из сторон в споре.

Судебное разбирательство в основе своей почти идентично третейскому. Собственно, любой международный арбитраж — это суд. Различия между арбитражем и международным судом — главным образом в способе образования и касаются преимущественно порядка формирования, численного состава и т. п.

Возникновение постоянного международного судебного органа явились результатом развития арбитража¹⁶. Первым постоянным международным судом стала Постоянная палата международного правосудия, статут которой был принят Собранием Лиги наций в 1920 году и вошел в силу 1 сентября 1921 г. Палата функционировала с января 1922 года по февраль 1940 года, официально прекратив свое существование 18 апреля 1946 г. За это время она рассмотрела 65 дел, затрагивавших интересы 30 государств. Из общего числа дел 37 были собственно спорами между государствами и 28 — консультативными заключениями в ответ на запрос Совета Лиги наций. Подавляющее большинство дел, рассмотренных палатой, были малозначительными.

После окончания второй мировой войны был учрежден Международный Суд ООН¹⁷. Он является главным судебным органом ООН¹⁸, а его Статут представляет собой неотъемлемую часть Устава ООН, поэтому все чле-

ны Организации *ipso facto* (в силу самого факта) состоят участниками Статута.

Суд состоит из 15 членов, избираемых Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности сроком на девять лет из числа признанных специалистов в области международного права; состав его в целом должен обеспечивать «представительство главнейших форм цивилизации и основных правовых систем мира» (ст. 9 Статута).

Суд рассматривает споры между государствами только с добровольного согласия всех участвующих сторон, а выносимые им решения обязательны лишь для сторон и исключительно по данному конкретному делу. При разборе дел Суд использует международные конвенции, определенно признанные спорящими государствами, международноправовые обычай и общие принципы права, а в качестве вспомогательных средств — судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по международному праву; по соглашению сторон возможно решение дела на основе принципа *ex aequo et bono*. Кворум для заседания Суда составляет 9 членов. Разбирательство Судом дел состоит из двух стадий — письменной и устной. Решения выносятся большинством голосов.

Деятельность Международного Суда ООН, так же как и его предшественниц — Постоянной палаты международного правосудия и Постоянной палаты третейского суда, не получила широкого международного признания. Об этом свидетельствует тот факт, что за время своего существования с 1946 года Суд рассмотрел всего лишь 38 споров между государствами¹⁹. Большинство из рассмотренных дел касалось второстепенных споров, и лишь в отдельных случаях затрагивались более важные проблемы.

Значительный ущерб делу мира и урон престижу самого Суда нанесли несправедливые решения, принятые под давлением проимпериалистического большинства его состава, в частности три решения в 1948—1949 годах о возложении ответственности на Албанию за подрыв на минах в ее территориальных водах (в проливе Корфу) двух английских контринонсцев и об уплате Англии соответствующих убытков, решение 1952 года по французско-американскому спору о правах в Марокко граждан США, за которыми Суд признал привилегии режима капитуляций, и по некоторым другим делам.

Особенно большое возмущение во всем мире вызвало решение Суда от 18 июля 1968 г., которое было принято в ответ на просьбу двух африканских государств — Эфиопии и Либерии — признать нарушение ЮАР ее международных обязательств в отношении Намибии (тогда именовавшейся Юго-Западная Африка). После почти шестилетнего разбирательства и вопреки действующему международному праву Суд на чисто формальном основании решающим голосом председателя (австралийца П. Спендера) отверг просьбу Эфиопии и Либерии. Хотя по существу самого дела Суд не принял решения, своим отказом он продемонстрировал покровительство южноафриканским расистам, что вызвало бурю справедливых протестов всей международной общественности и возмущение правительств подавляющего большинства государств мира. Только консультативное заключение от 21 июня 1971 г., вынесенное существенно обновленным составом Суда в ответ на запрос Совета Безопасности по поводу «юридических последствий для государств, вызываемых продолжающимся присутствием Южной Африки в Намибии», в котором Суд подтвердил обязанность ЮАР немедленно вывести всю свою администрацию из Намибии и положить конец своей незаконной оккупации этой территории, явилось частичным возмещением ущерба от предыдущего позорного решения по вопросу о Намибии²⁰.

Возвращаясь к отличиям судебного разбирательства от арбитража, заметим, что они касаются в основном частностей. Так, если определение состава третейского суда во многом зависит от воли сторон, то состав постоянного судебного органа определен заранее. То же самое относится и к вопросам компетенции: при арбитраже компетенцию третейского суда могут устанавливать сами стороны, компетенция же международного судебного органа фиксируется в стабильном акте — его statute.

Таковы основные традиционные средства мирного разрешения споров. Некоторые из них, в частности переговоры, добрые услуги и посредничество, могут использоваться сторонами в любой стадии, или фазе, развития спора, включая фазу вооруженного конфликта. При этом следует подчеркнуть, что современное международное право настоятельно требует разрешения всех споров между государствами исключительно мирными средствами, запрещая обращение не только к использованию силы, но и к угрозе силой.

Международная организация и мирное разрешение конфликтов

Современные способы мирного урегулирования конфликтов не ограничиваются арсеналом традиционных средств. В наше время важным элементом системы международных отношений стали международные организации, в особенности всеобщая организация безопасности, какой является Организация Объединенных Наций²¹.

Создание ООН не заменило и не исключило как существования традиционных форм контактов между государствами, так и возникновения новых форм и институтов межгосударственного сотрудничества. ООН явилась необходимым дополнением к старой структуре межгосударственных связей и стала новым важным инструментом осуществления, защиты и согласования национальных интересов отдельных государств-членов и их групп.

Необходимость международной организации, объединяющей все многообразие государств современного мира, как подтверждает опыт послевоенных лет, имеет объективный характер в условиях, когда

— в мире существуют государства с противоположным социально-экономическим устройством;

— на арену мировой политики вышли многие новые участники — народы, достигшие национальной государственности, и на этой базе небывало расширилась сфера международных отношений;

— началась научно-техническая революция, уже приведшая к невиданной ранее интенсификации связей между государствами в самых различных сферах;

— появилось оружие, угрожающее в случае его применения самому существованию целых народов и государств, и продолжает сохраняться противостояние военных блоков и союзов.

Все эти факторы привели к тому, что ООН заняла прочное место в современном мире и стала важным элементом системы международных отношений, объединяя в своих рядах 132 государства (на 1 января 1972 г.).

Первой и основной задачей ООН является поддержание международного мира и безопасности. Поэтому вполне естественно, что ООН призвана играть важную роль в мирном урегулировании международных конфликтов и споров. И действительно, около 20% статей Устава ООН

посвящены вопросам мирного урегулирования межгосударственных споров. 20 статей из общего числа 111 прямо говорят о мирном разрешении споров и конфликтов, многие другие связаны с этим в той или иной степени.

Можно выделить несколько направлений, по которым ООН оказывает влияние на мирное разрешение споров и конфликтов.

Прежде всего следует указать на те обязательства, которые принимают на себя государства по Уставу, становясь членами Организации. Провозглашение в Уставе главной целью ООН поддержания международного мира имеет императивный характер для всех членов Организации, накладывает на них определенные обязательства, строгое соблюдение которых всеми ими призвано обеспечить мир во всем мире.

Важнейшее значение среди этих обязательств принадлежит категорическому запрету применять силу и угрозу использования силы в международных отношениях любым членом ООН, зафиксированному в п. 4 ст. 2. Это обязательство дополняется принципом мирного разрешения всех межгосударственных споров. Пункт 3 ст. 2 Устава обязывает всех членов ООН разрешать «свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость». Постановления п. 1 ст. 33 детализируют пути и средства мирного разрешения споров между государствами: «Стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны прежде всего стараться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору». Существенным подкреплением приведенных обязательств служит постановление п. 2 ст. 2 об обязанности всех членов ООН добросовестно выполнять принятые на себя по Уставу обязательства. Более того, ст. 103 предусматривает, что обязательства государств-членов по Уставу имеют преимущественную силу перед обязательствами по любому другому международному соглашению или договору в случае противоречия между ними.

Такова совокупность базисных обязательств государств-членов по Уставу ООН, направленных на содействие

вие разрешению всех межгосударственных споров и конфликтов исключительно мирными средствами.

Особое значение для успешного функционирования Организации Объединенных Наций, для выполнения ею своей центральной задачи имеет соблюдение принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности, или право вето, положенного в основу работы Совета. Принцип единогласия подчеркивает особую роль великих держав в рамках Совета, возлагая на них главную ответственность за эффективность деятельности Организации в вопросах поддержания международного мира и безопасности, и выражает требование поисков согласованных решений, в первую очередь от великих держав, что является разумным признанием реальностей современного мира. В то же время принцип единогласия означает юридическое признание равноправия государств противоположных систем и служит достаточной гарантией против превращения ООН в орудие господства государств одной системы над государствами другой.

ООН является в современных условиях единственным местом, где регулярно встречаются ответственные представители подавляющего большинства государств мира. И это уже само по себе важно и ценно, поскольку дает большие возможности для проведения как двусторонних, так и многосторонних переговоров, консультаций и обмена мнениями по самым разнообразным вопросам межгосударственных отношений, представляющим взаимный интерес. Практика деятельности ООН свидетельствует, что государства широко используют эти возможности. Подобные встречи и контакты способствуют не только лучшему взаимопониманию, но и могут содействовать предупреждению возникновения разногласий и споров, а также их урегулированию.

Ежегодные сессии Генеральной Ассамблеи, сессии других представительных органов ООН, а также многочисленные международные конференции, проводимые под эгидой Организации, являются уникальным международным форумом для обсуждения важнейших мировых проблем, провозглашения внешнеполитических концепций и т. п. Все государства-члены пользуются этим форумом. СССР и другие социалистические страны всегда придавали и придают большое значение трибуне ООН, используя ее для защиты всех угнетенных народов, для разоблачения политики агрессии, в целях мобилизации мирового об-

щественного мнения против сил реакции. История ООН знает много случаев, когда такие выступления СССР способствовали урегулированию сложных проблем и ситуаций, угрожавших сохранению международного мира и безопасности.

ООН предоставляет также своим членам готовый аппарат для выработки и провозглашения документов общего характера, имеющих принципиальное значение для поддержания и развития мирных и дружественных отношений между всеми государствами, по широкому кругу международных проблем, в первую очередь по вопросам мира и безопасности. Широко известны такие принятые в ООН документы, как Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, резолюции о всеобщем и полном разоружении, Декларация о невмешательстве во внутренние дела, а также группа документов, принятых на XXV, юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи,— Декларация об укреплении международной безопасности, Программа действий в целях полного осуществления Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, Декларация по случаю двадцать пятой годовщины ООН. Перечисленные документы, многие из которых были разработаны и приняты по инициативе СССР, составляют важный актив Организации и оказывают определенное влияние на развитие мировых процессов.

Собственно, вся позитивная деятельность ООН оказывает благотворное влияние на состояние международных отношений, но специально следует отметить еще один важный ее аспект, особенно отчетливо выявившийся в последние годы и связанный с результатами развертывания научно-технической революции. Речь идет о разработке в рамках Организации международных договоров и конвенций универсального характера, направленных на правовое урегулирование новых сфер межгосударственных отношений, таких как, например, отношения в связи с исследованием и использованием космического пространства, а также ресурсов Мирового океана, включая дно морей и океанов за пределами национальных границ. Согласованная правовая регламентация отношений государств в этих сферах является существенным вкладом в

предупреждение возникновения между ними разногласий, споров и конфликтов.

Однако перечисленными направлениями не исчерпывается воздействие ООН на мирное урегулирование споров между государствами. Устав наделяет Организацию и специальными полномочиями в этой области, предоставляя ей права по разрешению мирными средствами конкретных споров и конфликтов между государствами. Этому посвящена особая глава Устава, так и называющаяся: «Мирное разрешение споров».

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных полномочий ООН в области мирного разрешения споров и конфликтов, следует сказать несколько слов о значении, которое вкладывается Уставом в понятие «спор». Хотя только в одном своем положении (п. 3 ст. 2) Устав употребляет термин «международный спор», а во всех других случаях просто «спор» или синонимы этого слова без определения «международный», логическое, систематическое, грамматическое и историческое толкование Устава, безусловно, свидетельствует о том, что во всех случаях имеются в виду именно международные споры. В п. 3 ст. 36 Устав упоминает споры юридического характера, которые рекомендует сторонам, как общее правило, передавать на разрешение Международного Суда ООН. Выше уже отмечалось, что споры юридического характера — преимущественная сфера арбитража и судебного разбирательства. Нельзя не отметить, что вообще-то деление споров на политические и юридические, хотя оно и довольно широко распространено в доктрине (особенно западной), весьма условно. Любой спор между государствами имеет политический характер и обычно оформляется юридическими аргументами и доказательствами. Практически можно говорить лишь о превалировании политических или юридических моментов в том или ином споре.

Устав не упоминает термина «конфликт», но по существу термин «спор» употребляется как его синоним и в своих различных значениях называет разные фазы, или стадии, развития конфликта. Можно выделить следующие основные стадии конфликта, прямо упоминаемые или подразумеваемые Уставом: 1) спор, который еще не угрожает поддержанию международного мира; 2) спор, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира; 3) угроза миру; 4) нарушение мира; 5) акт агрессии. Устав не содержит определения ка-

ких-либо точных отличительных признаков каждой из стадий. Определение характера конкретного спора или ситуации — это право и обязанность Совета Безопасности. Первые две стадии конфликта предполагают использование мирных средств их урегулирования и подпадают под действие гл. VI Устава, последние три предполагают применение принудительных мер, что регламентируется гл. VII Устава.

Полномочиями по мирному урегулированию споров и конфликтов между государствами Устав наделяет три из шести главных органов ООН, а именно: Совет Безопасности, Генеральную Ассамблею и Международный Суд. О полномочиях и условиях использования государствами Международного Суда говорилось выше. Из двух других главных органов Устав отдает явный приоритет в области мирного разрешения споров Совету Безопасности как органу, на который в соответствии с п. 1 ст. 24 возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности.

В соответствии с принципом главной ответственности Совета Безопасности за поддержание международного мира Устав уполномочивает его расследовать любой спор или ситуацию для определения, не может ли продолжение такого спора или ситуации угрожать поддержанию международного мира и безопасности. Определяя характер спора или ситуации, Совет действует как специфическая следственная комиссия с той существенной разницей, что перед ним стоит задача выяснения не только фактических обстоятельств, но и характера спора с точки зрения его опасности для международного мира. При выполнении этих функций Совет может опираться на помощь других главных органов ООН и своих вспомогательных органов. Так, в практике Совета Безопасности неоднократно встречались случаи направления сформированных им или по его поручению специальных миссий на места с целью выяснения фактических обстоятельств и представления об этом доклада Совету.

Рассмотрение международных споров Советом может иметь место по его собственной инициативе (ст. 34), в ответ на обращение любого члена ООН безотносительно к тому, является он стороной в споре или нет (п. 1 ст. 35), по просьбе Генеральной Ассамблеи (п. 3 ст. 11) и по информации Генерального секретаря (ст. 99), а также по просьбе любого государства — стороны в споре, которое

не является членом Организации, но заранее примет на себя в отношении этого спора обязательства по мирному разрешению, предусмотренные в Уставе (п. 2 ст. 35).

Совет Безопасности может, когда сочтет это необходимым, требовать от сторон разрешения их спора при помощи традиционных средств мирного урегулирования, перечисленных в п. 1 ст. 33, может в любой стадии спора сам рекомендовать сторонам надлежащую процедуру или методы урегулирования (п. 1 ст. 36), может принять во внимание любую процедуру разрешения спора, которая уже была принята сторонами (п. 2 ст. 36), может в случаях, когда продолжение спора в действительности чревато угрозой международному миру, рекомендовать такие условия разрешения спора, какие найдет подходящими, то есть предложить условия разрешения спора по существу (п. 2 ст. 37). Наконец, Совету Безопасности предоставлено право делать рекомендации в отношении любого спора, а не только чреватого угрозой международному миру, если все стороны, участвующие в споре, попросят его об этом (ст. 38).

Любое государство — сторона в споре (как член, так и нечлен ООН), если оно не является членом Совета, имеет право принять участие в рассмотрении Советом Безопасности данного спора, но без права голосовать. Все решения Совета в отношении мирного урегулирования споров по гл. VI Устава принимаются квалифицированным большинством в девять голосов (из 15 членов Совета), включая совпадающие голоса пяти постоянных членов Совета, причем сторона в споре должна воздержаться от голосования в таких случаях. Решения Совета Безопасности на основании гл. VI Устава являются рекомендациями и не имеют юридически обязательного характера для государств-членов. Однако за такими решениями стоит сила морального авторитета Совета Безопасности как главного органа по поддержанию международного мира и всей Организации, Устав которой обязывает каждого члена разрешать любые международные споры исключительно мирными средствами.

Осуществляя свои полномочия по мирному разрешению споров и конфликтов, Совет выступает в различных ролях, варьируя функции инициатора добрых услуг, выступая в роли своеобразного коллективного посредника, действуя как специфическая следственная и согласительная комиссия, но в целом его роль выходит за рамки тра-

диционных средств мирного урегулирования конфликтов, представляя собой новое явление — результат развития института мирных средств в современных условиях.

За время существования и деятельности ООН предметом рассмотрения Советом Безопасности было большое число международных споров и конфликтов. По вине империалистических держав Совет, к сожалению, далеко не всегда оказывался в состоянии играть предназначенному ему Уставом эффективную роль. Однако в целом ряде случаев благодаря активным усилиям СССР и других миролюбивых государств Совет Безопасности внес полезный вклад в урегулирование сложных и острых международных конфликтов или, по крайней мере, содействовал прекращению огня²².

В практике работы Совета Безопасности получили признание такие специфические акции, направленные на содействие мирному урегулированию опасных вооруженных конфликтов, как посылка групп наблюдателей в район конфликта и назначение посредников или специальных представителей ООН. Функции групп наблюдателей состоят в осуществлении контроля за соблюдением сторонами условий прекращения огня и информации Совета Безопасности о положении в районе конфликта. Такие группы направлялись ООН, например, на индийско-пакистанскую границу, в район израильско-арабского конфликта и др. Специальные посредники ООН назначались, например, на Ближний Восток в 1948 году и на Кипр в 1964 году для оказания помощи участникам конфликта в изыскании путей мирного урегулирования. В 1967 году Совет Безопасности, одобрав в резолюции от 22 ноября 1967 г. основы мирного урегулирования ближневосточного конфликта, поручил также Генеральному секретарю ООН назначить специального представителя «для установления и поддержания контактов с заинтересованными государствами в целях содействия достижению соглашения и поддержки усилий, направленных на достижение мирного и приемлемого урегулирования» в соответствии с положениями и принципами принятой резолюции²³. Эти функции были поручены шведскому дипломату Г. Яррингу, миссия которого все еще остается невыполненной из-за противодействия израильских экспансионистов. Применительно к последнему по времени ближневосточному кризису, возникшему в результате израильской агрессии 1967 года против арабских государств, по-

явились такая новая форма в работе Совета Безопасности, как консультации четырех постоянных членов Совета по вопросу о мирном политическом урегулировании на Ближнем Востоке, не приведшая пока, к сожалению, к позитивным результатам в значительной степени из-за позиций, занятой США.

Существенными, хотя и более ограниченными по сравнению с Советом Безопасности, конкретными полномочиями по мирному разрешению споров располагает и Генеральная Ассамблея ООН²⁴.

В соответствии со ст. 14 Устава «Генеральная Ассамблея уполномочивается рекомендовать меры мирного улаживания любой ситуации, независимо от ее происхождения, которая, по мнению Ассамблеи, могла бы нарушить общее благополучие или дружественные отношения между нациями, включая ситуации, возникающие в результате нарушения положений настоящего Устава, излагающих Цели и Принципы Объединенных Наций». Как и Совет Безопасности, Ассамблея может рассматривать споры и конфликты одна, несколько или все стороны в которых не являются членами ООН, но примут на себя заранее в отношении данного спора обязательства его мирного разрешения (п. 2 ст. 35).

Решения Генеральной Ассамблеи по вопросам мирного урегулирования международных споров и конфликтов, как и соответствующие решения Совета Безопасности, имеют характер рекомендаций и не являются юридически обязательными для государств-членов. Однако за ними стоит моральный и политический авторитет самого представительного органа ООН, поскольку членами Ассамблеи являются все государства — члены ООН.

Однако Устав ООН предусматривает два существенных ограничения полномочий Ассамблеи в этой сфере. В тех случаях, когда Совет Безопасности осуществляет свои функции в отношении какого-либо спора или ситуации, Ассамблея не имеет права делать какие-либо рекомендации, касающиеся данного спора, если Совет прямо не запросит ее об этом (ст. 12). Другое ограничение касается тех случаев, когда вопрос, поставленный перед Ассамблей, требует предпринять действие. Любой такой вопрос Ассамблея обязана передать Совету Безопасности до или после обсуждения (п. 2 ст. 11).

Приведенные ограничения полномочий Генеральной Ассамблеи в рассматриваемой сфере прямо вытекают из

особого положения, которое занимает Совет Безопасности в системе других органов ООН, неся главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности.

Свое главное воздействие на мирное урегулирование споров Ассамблея за время деятельности ООН оказала не столько посредством вынесения рекомендаций в отношении конкретных споров, сколько посредством публичных дебатов и принятия документов общего характера, направленных на предупреждение возникновения споров и конфликтов, хотя в целом ряде случаев Ассамблея внесла определенный вклад и в урегулирование конкретных международных конфликтов. Можно назвать в этой связи вклад Генеральной Ассамблеи в прекращение тройственной империалистической агрессии против Египта в 1956 году, содействие выводу американских и английских войск из Ливана и Иордании, мирному освобождению Западного Ириана от голландских колонизаторов.

Вместе с тем именно эта сфера деятельности Генеральной Ассамблеи, особенно в период засилья проимпериалистического большинства и основанной на нем «машины голосования», подверглась многочисленным попыткам искажения и извращения в целях подрыва основополагающих принципов Устава ООН, и прежде всего права вето²⁵. Империалистические державы во главе с США приложили немало усилий для незаконного закрепления за Ассамблей исключительных полномочий Совета Безопасности, в особенности полномочия использовать вооруженные силы под флагом ООН. Именно на это была, в частности, направлена печально известная резолюция V сессии Ассамблеи под демагогическим названием «Единство в пользу мира», принятая в 1950 году под давлением США.

Подобные акции империалистических держав по узурпации исключительных полномочий Совета Безопасности в пользу Ассамблеи под видом «развития» ее функций по мирному урегулированию конфликтов явились и одной из причин беспрецедентного политического кризиса в ООН в середине 60-х годов, известного под названием «финансового кризиса», когда империалистические державы, в первую очередь США, развернули широкую кампанию против СССР и других государств, отказавшихся оплачивать расходы на колониальные авантюры под флагом ООН. Настаивая на оплате Советским Союзом и дру-

гими странами расходов на незаконные операции войск под флагом ООН, Соединенные Штаты добивались тем самым получения одобрения своих колониальных авантюристов в прошлом и закрепления подобной опасной практики на будущее. Они не остановились перед прямыми угрозами лишить «должников» права голосовать в Генеральной Ассамблее. Все усилия США, как известно, кончились полным провалом²⁶. Однако последствия этого кризиса до сих пор еще сказываются в деятельности ООН.

Весь опыт ООН свидетельствует о том, что только на пути строгого соблюдения императивных постановлений Устава ООН возможно успешное осуществление Организацией ее функций по поддержанию международного мира, в частности по мирному разрешению споров и конфликтов.

Помимо всемирной организации безопасности, какой является ООН, функции по мирному разрешению споров могут осуществлять также и региональные организации²⁷.

Обращение к региональным органам и соглашениям упоминается в п. 1 ст. 33 Устава ООН среди мирных средств разрешения споров. Более того, в ст. 52 Устав ООН предписывает государствам-членам, являющимся участниками региональных организаций, прилагать все свои усилия для достижения мирного разрешения местных споров при помощи таких организаций до передачи этих споров в Совет Безопасности, а на Совет Безопасности возлагает обязанность поощрять развитие применения мирного разрешения местных споров при помощи региональных организаций как по инициативе заинтересованных государств, так и по своей собственной инициативе.

В настоящее время общепризнанными региональными организациями являются Организация африканского единства (ОАЕ) и Лига арабских государств (ЛАГ). Что касается третьей организации — Организации американских государств (ОАГ), то ряд ее конституционных основ противоречит общепризнанным принципам регионализма²⁸.

Наиболее эффективной организацией является ОАЕ, успешно способствовавшая мирному урегулированию ряда конфликтов на африканском континенте²⁹. ЛАГ в последние годы функционирует менее активно. В отношении ОАГ следует отметить, что эта организация, в кото-

рой США занимают доминирующее положение, нередко использовалась реакционными кругами США для прикрытия откровенного вмешательства во внутренние дела латиноамериканских государств.

Конкретные способы мирного урегулирования посредством региональных организаций включают обращение к арсеналу традиционных мирных средств, о чем уже говорилось выше, а также рассмотрение в политических органах, процедура в которых в основе своей аналогична соответствующей процедуре в органах ООН.

Значение полномочий ООН по восстановлению международного мира для урегулирования межгосударственных конфликтов

Функции ООН в отношении международных споров и конфликтов не ограничиваются применением арсенала мирных средств. В необходимых случаях Устав предусматривает применение Организацией целой системы мер, включая принудительные меры, в частности и посредством действий вооруженными силами³⁰. Осуществление полномочий по принятию решений о применении этих мер составляет исключительную компетенцию Совета Безопасности и регламентируется главой VII Устава под названием: «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии».

Меры, предусматриваемые главой VII Устава, подразделяются на четыре основных категории: рекомендации, временные меры, действия, не связанные с использованием вооруженных сил, и действия вооруженными силами. Условием применения мер по главе VII является определение Советом существования любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии.

Упоминание Уставом ООН в ст. 39 о праве Совета делать рекомендации указывает на то, что даже в таких стадиях развития конфликта, как угроза миру, нарушение мира и акт агрессии, Совет может рекомендовать условия разрешения спора по существу, но только рекомендовать, а не навязывать их принудительно. Надо заметить, правда, что вынесением рекомендаций Совет может ограничиться лишь в стадии угрозы миру и, возможно, в некоторых случаях в стадии нарушения мира. Применительно же к стадии совершения акта агрессии на

Сан-Францисской конференции 1945 года при разработке Устава ООН было прямо оговорено в докладе Комитета III/3, что «в случае явной агрессии, угрожающей существованию какого-либо члена Организации, должны быть приняты принудительные меры без какого-либо промедления и во всей полноте, требуемой обстоятельствами»³¹.

Однако и при применении принудительных мер Совет может выносить рекомендации по мирному урегулированию спора. При этом принудительные меры имеют обязательный характер, а рекомендации сторонам, как относительно процедуры урегулирования, так и относительно условий разрешения спора по существу, сохраняют facultativeный характер. Иными словами, рекомендации по ст. 39 — это рекомендации в значении главы VI Устава с той разницей, что они выносятся в иной стадии развития конфликта и могут сопровождаться применением принудительных мер.

В случаях угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии Совет Безопасности может до вынесения рекомендаций или решения о применении принудительных мер потребовать от сторон в соответствии со ст. 40 выполнения временных мер. Такие временные меры направлены на предотвращение ухудшения ситуации, то есть дальнейшего обострения конфликта, и не должны наносить ущерба правам, притязаниям или положению заинтересованных сторон. Временные меры могут состоять, например, в требовании к сторонам прекратить вооруженные действия, отвести войска на определенные рубежи, а также прибегнуть к той или иной процедуре мирного урегулирования, включая вступление в непосредственные переговоры, обращение к арбитражу и т. п.³² Таким образом, временные меры по существу своему являются мирными мерами и ни в коей степени не носят характера принудительных.

Характерными чертами временных мер является то, что Совет требует их осуществления до вынесения рекомендаций или принятия решения о применении принудительных мер, требование их осуществления обращено непосредственно к сторонам в конфликте, а их выполнение сторонами не должно наносить ущерба позиции каждой из них по существу спора. Осуществление временных мер не является юридически обязательным для сторон, но Совет Безопасности в соответствии с Уставом «должным

образом учитывает невыполнение этих временных мер» (ст. 40).

Принудительные меры подразделяются на меры, не связанные с использованием вооруженных сил, и на действия вооруженными силами; им посвящены ст. ст. 41 и 42 Устава ООН.

Определяющей особенностью принудительных мер по ст. 41 является то, что они не связаны с использованием вооруженных сил. В соответствии с Уставом такие меры могут включать полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио и других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений. Перечень не является исчерпывающим, поэтому могут быть предусмотрены и другие мероприятия.

В тех случаях, когда указанные меры по ст. 41 могут оказаться или уже оказались недостаточными, Совет на основе ст. 42 имеет право предпринимать такие действия воздушными, морскими или сухопутными силами государств — членов ООН, включая демонстрации, блокаду и другие операции, какие окажутся необходимыми для поддержания международного мира и безопасности.

О применении обоих видов принудительных мер Совет принимает решения, которые в соответствии со ст. 25 обязательны для всех членов Организации. Такие решения адресуются не столько сторонам в конфликте, сколько государствам-членам. Цель применения принудительных мер — не разрешение спора по существу, а поддержание или восстановление международного мира.

Для осуществления действий вооруженными силами Совет Безопасности получает в свое распоряжение от государств-членов необходимые воинские подразделения, помочь и соответствующие средства обслуживания, включая право прохода. Следует подчеркнуть, что Устав не предусматривает создания каких-либо постоянных войск или армии ООН. Представляемые контингенты продолжают сохранять свой национальный характер и должны оставаться непосредственно в распоряжении Совета Безопасности лишь на период проведения конкретной акции по поддержанию или восстановлению международного мира.

Устав ООН предусматривает в ст. 43, что предоставление государствами-членами национальных контингентов в распоряжение Совета может осуществляться только

на основе специальных соглашений, заключаемых между Советом и членами или группами членов. В таких соглашениях определяются численность и род войск, степень их готовности и их общее расположение и характер предоставляемых средств обслуживания и помощи. Члены ООН, предоставившие свои вооруженные силы в распоряжение Совета для осуществления действий по ст. 42, приглашаются принять участие в вынесении решения Совета Безопасности относительно использования их национальных контингентов.

Совет Безопасности в своей деятельности по использованию и командованию предоставляемыми в его распоряжение национальными контингентами опирается на помощь Военно-Штабного комитета (ВШК), состоящего из начальников штабов постоянных членов Совета Безопасности или их представителей.

Применение Советом Безопасности принудительных мер — это крайнее, но весьма эффективное средство. Как уже отмечалось, цель их осуществления состоит не в разрешении спора по существу, а в поддержании или восстановлении международного мира. Иными словами, применяя принудительные меры, Совет Безопасности добивается перехода конфликта в иную, менее опасную стадию, на которой данный конфликт перестает нарушать международный мир или создавать угрозу его нарушения. Параллельно с осуществлением принудительных мер Совет Безопасности может предпринимать усилия и по разрешению самого спора, рекомендая сторонам конкретные условия его урегулирования по существу или обращение к определенной процедуре его урегулирования.

В практике работы Совета Безопасности принудительные меры до сих пор применялись крайне редко. Но это происходило отнюдь не потому, что за период существования ООН в мире было мало опасных международных конфликтов и кризисов. Вина за это целиком падает на империалистические державы, которые своей политикой всемерно препятствовали эффективному осуществлению Советом Безопасности его главной роли в вопросах поддержания международного мира.

За всю свою историю Совет Безопасности принял два решения о применении мер, не связанных с использованием вооруженных сил, по ст. 41. Оба эти решения были направлены против незаконного режима белого меньшинства в Южной Родезии, который своей политикой ра-

сового угнетения в отношении подавляющей массы населения создал угрозу международному миру. Первая резолюция была принята Советом 16 декабря 1966 г. и предусматривала осуществление выборочных экономических санкций³³. Вторая резолюция была принята 29 мая 1968 г. и предусматривает полный экономический бойкот незаконного режима Я. Смита³⁴. К сожалению, обе акции были предприняты Советом тогда, когда предусмотренные ими меры были явно недостаточными. К тому же ряд стран — членов ООН из числа империалистических государств, в первую очередь Англия и США, не соблюдают сами и попустительствуют нарушениям отдельными частными компаниями и фирмами положений резолюции о полном экономическом бойкоте расистов Южной Родезии³⁵.

В марте 1970 года после провозглашения южнородезскими расистами «республики» Совет Безопасности, собравшийся на срочное заседание, оказался не в состоянии принять резолюцию, проект которой был предложен пятью африканскими и азиатскими государствами, из-за беспрецедентного двойного вето Англии и США. Внесенный на рассмотрение Совета проект содержал осуждение отказа Англии использовать силу для подавления мятежа расистов, предусматривал решение о разрыве всех отношений, включая транспортное сообщение, радио и почтовую связь, а также распространение экономических санкций на Португалию и ЮАР за помощь незаконному режиму Я. Смита, и осуждение империалистических держав, оказывающих такую помощь. Принятая Советом Безопасности 18 марта 1970 г. существенно ослабленная компромиссная резолюция содержит лишь осуждение незаконного провозглашения «республиканского статуса» и предусматривает продление прежних экономических санкций с добавлением требования ко всем государствам порвать всякие отношения с незаконным режимом южнородезских расистов и прекратить всякое существующее транспортное сообщение с территорией Южной Родезии³⁶.

Возможность принятия Советом Безопасности решений о действиях вооруженными силами была в значительной степени подорвана политикой империалистических держав во главе с США. Именно по их вине не были заключены соглашения по ст. 43 о предоставлении национальных контингентов в распоряжение Совета, а так-

же бездействующими оказались положения ст. ст. 45—47 Устава, касающиеся функций ВШК. Все имевшие на практике место случаи создания так называемых вооруженных сил ООН были связаны с определенными и в большинстве своем грубыми нарушениями Устава ООН³⁷.

Советский Союз неизменно выступал и выступает за повышение эффективности ООН в вопросах поддержания международного мира и безопасности, включая усиление способности Совета Безопасности служить надежным инструментом поддержания всеобщего мира³⁸. Непременным условием реального повышения эффективности ООН в важнейшей сфере ее деятельности является строгое соблюдение основополагающих принципов и положений Устава Организации. Реальная и конструктивная программа в этой области была, в частности, сформулирована в Декларации об укреплении международной безопасности, принятой по инициативе СССР 16 декабря 1970 г. на XXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН³⁹.

Возможности совершенствования способов разрешения международных конфликтов

Существующий арсенал современных средств мирного урегулирования является результатом длительного исторического развития, в ходе которого под влиянием сил прогресса в международной практике получили признание и закрепление лишь наиболее эффективные и демократические способы. Громадное воздействие на демократизацию арсенала средств мирного урегулирования оказала и продолжает оказывать политика Советского государства, в особенности его борьба за запрещение агрессивных войн, за осуществление всеобщего и полного разоружения, за выработку общепризнанного определения агрессии, за строгое соблюдение всеми государствами общепризнанных принципов и норм современного международного права, составляющих основу для обеспечения международного мира и развития мирных и добрососедских отношений между всеми странами, и в первую очередь между государствами с различным социально-экономическим строем.

Рассмотренные выше современные общепризнанные средства и способы урегулирования международных конфликтов предоставляют государствам большие возмож-

ности для разрешения всех возникающих между ними споров исключительно мирным путем. Невольно возникает вопрос, какие из существующих средств наиболее эффективны и результативны. Разумеется, на него нельзя дать однозначный ответ. Все зависит от характера определенного спора или конфликта, от его существа, от числа и состава его участников, национальных и исторических традиций вовлеченных в конфликт сторон, от наличия или отсутствия договорных связей и других отношений между ними и т. д. и т. п.

Так, например, по широко распространенному мнению многих признанных специалистов в области международного права, наиболее эффективным средством являются непосредственные дипломатические переговоры⁴⁰. И это действительно справедливое утверждение. Переговоры — наиболее гибкое, наименее формальное, демократическое средство. Вместе с тем в практике бывают случаи, когда прямые непосредственные переговоры в силу конкретных обстоятельств могут оказаться неприемлемыми или затруднительными для одной или нескольких сторон в конфликте. Тогда более подходящими оказываются другие средства. В качестве примера можно сослаться на нынешний этап арабо-израильского конфликта.

Являясь результатом длительного развития, институт мирных средств продолжает изменяться и в современных условиях. Наиболее важным пополнением арсенала мирных средств стало учреждение всеобщей международной организации безопасности в лице ООН и наделение ее существенными полномочиями по мирному урегулированию международных конфликтов. Выше приводились примеры и других модификаций отдельных мирных средств. Такое развитие — закономерный процесс, отвечающий потребностям современного мира, а формирующиеся в результате такого развития средства и способы отражают реальности современной эпохи.

Вместе с тем в западных странах значительное распространение получил ряд проектов и планов, которые как раз игнорируют существенные черты современной эпохи, в первую очередь факт существования государств с различным общественно-экономическим строем. Безотносительно к субъективным намерениям их авторов и сторонников такие планы объективно имеют реакционный характер.

К числу таких планов относятся разнообразные проекты, направленные на создание в той или иной форме мирового государства или правительства. Один из проектов, основанных на подобных теориях, изложен в получившей широкую известность работе двух американских исследователей Г. Кларка и Л. Сона «Всеобщий мир посредством мирового права», вышедшей уже тремя изданиями на многих языках. Основная идея их плана сводится к осуществлению такой реформы ООН, которая позволила бы превратить эту организацию в суверенных государств в учреждение с существенными наднациональными полномочиями в важнейших сферах межгосударственных отношений. Помимо реформированной Генеральной Ассамблеи, превращенной в мировой парламент с широкими законодательными полномочиями, и Исполнительного Совета, представляющего некий субститут Совета Безопасности с полномочиями мирового правительства, авторы предлагают учредить в дополнение к Международному Суду «Мировой трибунал справедливости», с тем чтобы в зависимости от характера (правовой или политический) любой спор принудительно рассматривался этими судебными учреждениями и по нему выносилось бы строго обязательное для сторон решение⁴¹.

Другим распространенным течением в западной литературе является движение за наделение Международного Суда ООН принудительной компетенцией по разрешению всех межгосударственных споров⁴². За более широкое обращение к Международному Суду ООН ратуют и многие государственные деятели западных держав, в частности государственный секретарь США У. Роджерс⁴³. Подобные проекты по существу направлены на подрыв одного из важнейших принципов современного международного права — принципа свободного выбора мирных средств урегулирования международных споров. Выдавая обращение к Международному Суду за панaceaю от всех зол, авторы и сторонники подобных проектов к тому же игнорируют реальную действительность. По состоянию на сентябрь 1971 года 47 государств признали обязательным для себя обращение к Суду по ряду категорий споров⁴⁴, однако это не привело к росту его популярности и, как указывалось выше, деятельность Международного Суда до сих пор отнюдь не явила сущесвтвенным вкладом в урегулирование сколько-нибудь серьезных конфликтов.

Большое число проектов и планов по совершенствованию способов разрешения международных конфликтов касается изменений в ООН⁴⁵. Одно из центральных мест в таких планах последних лет отводится проектам создания вооруженных сил ООН и проведению с их участием так называемых операций ООН по поддержанию мира⁴⁶. Выше уже отмечалось, что Устав ООН не предусматривает создания каких-либо постоянных сил Организации и относит принятие решений об использовании вооруженных сил от имени ООН к исключительной компетенции Совета Безопасности. Применение вооруженной силы — крайняя мера, которая должна осуществляться в целях борьбы против агрессии, угрожающей международному миру. Между тем в современных западных планах операциям ООН с использованием вооруженных сил отводится роль некоего нового «средства мирного разрешения споров». При этом правом принимать решения о проведении таких операций предлагается наделить Генеральную Ассамблею. По существу, указанные планы направлены на подрыв основополагающих принципов Устава ООН, на обход такой важнейшей основы деятельности ООН, как право вето.

Аналогичные цели преследуют и многочисленные предложения западных держав по «совершенствованию» способностей ООН служить инструментом по стимулированию применения арсенала традиционных мирных средств⁴⁷. Их главная направленность состоит в подрыве исключительных полномочий Совета Безопасности, в попытках перераспределить такие полномочия в пользу Генеральной Ассамблеи и других органов, которые инициаторы подобных планов надеются использовать в своих узкокорыстных целях. Высказываются и многие предложения по поводу «совершенствования» современного арсенала мирных средств, вплоть до учреждения особого арбитража в составе ученых для разбора споров и вынесения решений по существу.

Однако реальный путь повышения эффективности применения мирных средств разрешения споров лежит в совершенно иной плоскости. Это прежде всего прогресс на пути к решению коренных проблем упрочения международной безопасности — прогресса в области сокращения вооружений и разоружения, создания систем коллективной безопасности в Европе и Азии, безъядерных зон в различных районах мира, ликвидации иностранных во-

енных баз на чужих территориях и др. Важным вкладом в повышение эффективности применения мирных средств явилось бы скорейшее завершение выработки определения агрессии.

Советский Союз, другие социалистические страны, многие миролюбивые государства последовательно выступают за осуществление такой программы позитивных мероприятий в мире и в отдельных районах мира, реализация которой явилась бы реальным весомым вкладом в обеспечение международного мира и безопасности.

«КРИЗИСНАЯ ДИПЛОМАТИЯ» ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ

Природа «кризисной дипломатии»

«Кризисная дипломатия» крупнейших империалистических держав является неотъемлемой частью их послевоенного внешнеполитического курса. К «кризисной дипломатии» часто прибегали и прибегают до сих пор различные буржуазные государства. Конечно, в разные периоды методы «кризисной дипломатии» не оставались неизменными, усилиями буржуазных политиков и дипломатов они отрабатывались и развивались, нередко приобретая форму действий, тщательно замаскированных под «акции мира».

В то же время, когда во главе правительств отдельных капиталистических стран оказывались более или менее дальновидные руководители, осознававшие отрицательные последствия «холодной войны» и агрессивных акций для своих стран, они в той или иной мере отходили от методов «кризисной дипломатии», становились на путь мирного существования.

Таким образом, в период углубления общего кризиса капитализма после окончания второй мировой войны в политике капиталистических государств можно отметить две тенденции. Первая — главная и превалирующая — связана с разжиганием международных конфликтов и кризисов, поддержанием международной напряженности. Вторая тенденция, определяющаяся осознанием существенного изменения реального соотношения сил между социализмом и капитализмом на международной арене, отражает заинтересованность части буржуазии в том, чтобы избежать таких столкновений, конфликтов и кризисов, которые поставили бы под угрозу само существование капиталистических государств.

Роль главного застрельщика послевоенных международных конфликтов взял на себя американский империализм. В этом ему в большей или меньшей степени способствовали другие ведущие капиталистические государства.

В 40-х и 50-х годах силы империализма, порождавшие международные конфликты, нередко перераставшие в вооруженные столкновения и войны, действовали в подавляющем большинстве случаев единым фронтом. Опасные акции американской дипломатии не только не встречали какого-либо противодействия западноевропейских государств, но и получали с их стороны всяческую поддержку. В свою очередь, американская дипломатия способствовала действиям английских и французских правящих кругов по разжиганию ряда конфликтов. Объединенным фронтом западные державы выступали, в частности, против восточноевропейских социалистических стран, пытаясь подорвать их сплоченность и создать в этих странах кризисные ситуации.

Опасную роль в 50-х годах играла в европейских делах западногерманская дипломатия аденauerовского духа. Вплоть до конца 60-х годов она проводила линию на поддержание постоянной напряженности в центре Европы. В ее основе лежал реваншизм и поддержка действий американской дипломатии. Западногерманская дипломатия наряду с американской в течение многих лет выступала за отказ от признания территориальных изменений, произошедших в Европе в результате второй мировой войны, и тормозила любой поворот к оздоровлению обстановки в Европе.

В 60-х годах во внешней политике ряда капиталистических стран начинают все более явно проступать реалистические черты, выразившиеся в частичном отходе многих стран — союзниц США от поддержки американских внешнеполитических авантюров. В руководящих кругах этих государств стали все яснее осознавать, что стратегическая линия США в мировых делах слишком часто вырабатывается без учета интересов союзников и возможных для них последствий. Однако правительство США стремилось, чтобы и в 60-х годах западноевропейские государства активно втягивались во многие конфликтные ситуации, порождаемые их агрессивными акциями. Особенно ярко это проявилось в попытках американской дипломатии вовлечь своих союзников по НАТО

во вьетнамский конфликт, все больше выливавшийся в острое военное столкновение.

Каковы же специфические особенности «кризисной дипломатии» образца 60-х годов? Чем она отличается от методов, к которым ведущие империалистические державы прибегали в прошлом, когда не существовало мировой социалистической системы?

Конечно, «кризисная дипломатия» 60-х годов во многом отлична от методов, например, английской дипломатии XIX века. Но есть между ними и немало общего в подходе буржуазных политиков к международным отношениям.

Общее, во-первых, состоит в том, что как в XIX, так и в XX веке дипломатические акции ведущих империалистических держав часто основывались на военном могуществе, силе, а не на стремлении к поискам разумных компромиссов в случае возникновения спорных вопросов. Согласно неписанным правилам буржуазной дипломатии, «разумным» в отношениях между государствами, когда решаются международные проблемы, считается то, что соответствует соотношению сил в данный момент. Во-вторых, сегодня, как и в XIX веке, буржуазная дипломатия стремится с течением времени изменить итоги борьбы в том или ином историческом конфликте. Упование на «силу» остается заметной чертой буржуазной дипломатии, а это, в свою очередь, создает плодотворную почву для возникновения на международной арене остройших международных конфликтов.

В «кризисной дипломатии» существуют, однако, и заметные отличия от классической буржуазной дипломатии XIX века.

Во-первых, «кризисная дипломатия» наших дней действует не в однородной системе эксплуататорских государств и прежде всего направлена своим острием против стран лагеря социализма и развивающихся государств. Это качественное отличие, и свидетельствует оно об усилении реакционного характера буржуазной дипломатии.

Во-вторых, сегодня «кризисная дипломатия» уже не может принести тем, кто на нее упирается, каких-либо ощущимых положительных результатов. Не выдерживает проверки временем (хотя и может порой привести к времененному успеху) сама основа «кризисной дипломатии» — военная сила. Ее применение становится все более

опасным для самих сторонников «кризисной дипломатии», так как империалистической политике в настоящее время на международной арене противостоит мощь стран социализма, в первую очередь СССР, пользующихся поддержкой всех прогрессивных сил современности.

Эта мощь существенно ограничивает возможности империализма и империалистической дипломатии.

Многие ее представители начинают призывать свои правительства встать на путь переговоров с СССР и другими социалистическими странами. Эта позитивная тенденция усилилась и в США.

В свое время В. И. Ленин отметил, что буржуазная дипломатия призвана подводить итог военным действиям, составляя счета и упражняясь в «честном маклерстве»¹. Действительно, в XIX веке, провозглашенном буржуазными международниками «золотым веком классической дипломатии», мир, в особенности Европа, был свидетелем множества больших и малых войн. Исходом этих войн каждый раз спешили воспользоваться правящие классы победившего государства, в то время как побежденная сторона пыталась с помощью дипломатии выторговать наименее тяжелые условия мира. Одновременно она вынашивала планы новых комбинаций политических и военных союзов, для того чтобы попытаться взять у конкурента-победителя реванш при следующем столкновении.

Признание неудач «кризисной дипломатии»

Политика и дипломатия с «позиции силы» долгое время давали классу американской буржуазии лишь одни политические и экономические дивиденды. Это способствовало образованию в США своеобразного ложного чувства «врожденного превосходства» над другими странами и народами, укрепило у правящей элиты США уверенность в том, что и впредь опора «на силу», использование методов «кризисной дипломатии» — наиболее подходящий путь в международной политике.

После второй мировой войны американская дипломатия всецело оказалась на службе политики с «позиции силы», на которую делали упор все послевоенные правительства США. Однако в настоящее время правящим кругам США все труднее оправдывать свои милитаристские концепции, поскольку неудачи американского внешнеполитического курса становятся все более очевидны-

ми. Ярким примером тому служит провал авантюры во Вьетнаме. В этих условиях некоторые представители правящих кругов начинают ставить под сомнение саму основу «кризисной дипломатии» — политику с «позиции силы».

Характерно и показательно признание бывшего заместителя государственного секретаря США Джорджа Болла, который констатирует, что после второй мировой войны на международной арене произошло нарушение «баланса сил», причем не в пользу капитализма. Он сетует на то, что в последние годы США «пытались использовать свою силу чрезмерно»², и подвергает критике стремление США заполнять «вакуумы силы» американской военной мощью, экономическим и политическим влиянием³. Дж. Болл по существу признает, что политика с «позиции силы» потерпела провал.

Другой представитель американской правящей верхушки, бывший министр обороны Кларк Клиффорд, поставил под сомнение возможность для США силой решить вьетнамскую проблему. «Международная ситуация, — пишет он, — драматически изменилась. В связи с этим американское вмешательство во Вьетнаме может и должно измениться». К. Клиффорд далее отмечает, что во Вьетнаме «военный курс, который мы преследуем, является... бесполезным»⁴.

Привлекает также внимание изданная в США в 1969 году работа известного американского теоретика международных отношений Ганса Моргентау под симптоматичным названием «Новая внешняя политика для Соединенных Штатов». Автор ее, представитель буржуазной школы «реалистов», в прошлом ратовавший за дипломатию, основанную на силе, на этот раз приходит к выводу, что правительство США в своей внешней политике должно исходить из двух непреложных истин, следовать которым вынуждают обстоятельства: во-первых, прекратить гонку ядерных вооружений и, во-вторых, обеспечить нераспространение ядерного оружия. Г. Моргентай подчеркивает полную несовместимость использования ядерного оружия в политических целях с «нормальным применением национальной мощи»⁵.

Таковы лишь некоторые высказывания влиятельных политиков и специалистов, открыто ставящих вопрос о необходимости пересмотра многих аспектов военно-политической стратегии США.

Однако политика с «позиции силы» столь долго являлась постоянным элементом внешней политики США, что наложила глубокий отпечаток как на саму американскую дипломатию и характер ее деятельности, так и на соответствующие теоретические разработки американских исследователей.

Позитивная реалистическая дипломатия призвана быть средством мирного решения международных проблем, улучшения отношений между всеми государствами, в том числе государствами с различными общественными системами. Но такой функции дипломатии в США долгое время уделялось явно недостаточное внимание. Вместо этого шел поиск средств и совершенствование методов давления на контрагентов для достижения империалистических внешнеполитических целей.

Многие послевоенные теоретические исследования проблем дипломатии пошли в США и других западных странах в направлении отрицания по существу дипломатии как искусства поисков соглашений и выработки взаимоприемлемых решений.

В этом смысле характерной является позиция, занятая в годы «холодной войны» известным английским международником Гарольдом Никольсоном. Признавая, что после победы социалистической революции в России коренным образом изменилась система международных отношений, что старые формы и методы дипломатической практики дискредитировали себя, он вместе с тем утверждает, что вообще исчезла какая-либо основа для доверия между различными по своему социально-общественному строю государствами⁶. Г. Никольсон возводит на пьедестал «кризисную дипломатию», утверждая, что если бы не атомная бомба, то мир давно уже был бы ввергнут в третью мировую войну. Он призывает буржуазные правительства исходить из того, что «главные решения в мире принимаются теми, кто обладает силой и готов ее применить»⁷. Точку зрения Г. Никольсона в 50-х и 60-х годах разделяли многие западные международники.

«Новая» и «кризисная дипломатия» Вашингтона

В 50-х и 60-х годах на Западе, и особенно в США, все больше внимания уделялось исследованию так называемой «новой дипломатии»⁸. Следует прежде всего отметить, что этот термин был изобретен за океаном с вполне

определенной целью — закамуфлировать экспансионистскую сущность американской внешней политики.

«Новая дипломатия» — понятие более широкое, чем «кризисная дипломатия». Она, по мнению американских теоретиков, призвана содействовать осуществлению самых широких внешнеполитических целей США. Включая в себя и опору на силу, «новая дипломатия» вместе с тем предполагает использование более широкого спектра средств давления (военных, политических, экономических, идеологических), с помощью которых правительство США связывало установление рапа *americana* — мира на американских условиях.

Термин «новая дипломатия», безусловно, не означал какого-то коренного изменения американской дипломатии. В. И. Ленин, характеризуя буржуазную дипломатию, подчеркивал, что «старый мир имеет свою старую дипломатию»⁹. В самом деле, у капиталистического общества, этого старого мира, на смену которому пришел новый мир, мир социализма, не может сегодня быть какой-то принципиально новой дипломатии. Такая дипломатия нового типа могла возникнуть только с появлением на мировой арене нового общественного строя — социализма.

Введенный в свое время в оборот американскими учеными-международниками термин «новая дипломатия» отражает не какие-то принципиальные изменения в характере и содержании дипломатической деятельности, а прежде всего расширение экспансионистской активности США на международной арене.

В круговорот повседневной деятельности внешнеполитического ведомства США вовлекалось все большее число людей, весьма далеких от дипломатии: крупных бизнесменов, военных, разведчиков и т. д. Для осуществления своих далеко идущих империалистических целей Вашингтон все более упорно использовал на международной арене экономические, военные и пропагандистские рычаги. Задачи проведения в жизнь «новой дипломатии» возлагались уже не только на государственный департамент, но и на многие другие государственные органы США. Госдепартаменту же чаще всего отводится лишь роль координатора этой деятельности, которой занимаются в настоящее время около 20 министерств и других государственных органов¹⁰.

Поскольку составным элементом «новой дипломатии» стало прежде всего стремление к укреплению военно-по-

литических позиций США на международной арене за счет ослабления безопасности других государств, от нее вскоре как бы отпочковалось новое направление — «кризисная дипломатия». Ее апологеты среди американских ученых занялись выведением формул применения в международных отношениях тех или иных «доз военной силы» и других форм давления на противников и конкурентов США.

«Кризисная дипломатия» отражала утрату в годы «холодной войны» какого-либо устойчивого позитивного начала в дипломатической деятельности капиталистических государств, особенно США.

«Кризисная дипломатия» развивалась на всем протяжении послевоенного периода, являясь составной частью комплекса средств, с помощью которых осуществлялась американская внешнеполитическая стратегия. Если «новая дипломатия» была призвана обслуживать цели глобальной борьбы империализма с социализмом, то «кризисная дипломатия», сохраняя в принципе аналогичные цели, прежде всего была направлена на то, чтобы попытаться выиграть для Вашингтона битвы на отдельных, иногда особенно острых, участках.

Практика «кризисной дипломатии» обостряла и без того сложные международные проблемы, возникавшие из-за опасных, авантюристических акций Вашингтона. Бывший постоянный представитель США в НАТО Харлан Кливленд свидетельствует: «В высших сферах нашего правительства, особенно на уровне президента и группы его ближайших советников, проведение внешней политики представляется постоянным переходом из одного кризисного состояния в другое. Президент, государственный секретарь, министр обороны, руководитель ЦРУ и несколько десятков других людей тратят очень большую часть своего времени на разрешение возникающих в данный момент кризисов»¹¹.

Характерным для «кризисной дипломатии» США Х. Кливленд считает ограничение целей, определение масштабов использования силы для их достижения, выбор наиболее приемлемой формы использования силы, которая могла бы дать «нужный эффект». Все эти черты составляют концепцию «постепенного наращивания», или, другими словами, «эскалации применения военной силы».

Особое внимание уделяется «масштабам использова-

ния силы» для достижения «ограниченных целей». Х. Кливленд формулирует это положение следующим образом: «...Американский президент, столкнувшись с международным политическим кризисом, должен принять и другое решение: как далеко он зайдет в вопросе использования силы, насколько он готов будет ее применить, если ситуация изменится от плохого к худшему. Частично такое решение основывается на позиции союзников — кто из них пойдет за США с самого начала и кто в последнюю очередь? Но самое главное в этом процессе принятия решения состоит в том, готов ли он (т. е. президент. — Авт.), положа руку на сердце, без промедления отдать приказ американским войскам выступить в поддержку выработанной политики и если да, то в каком масштабе»¹².

Далее тщательно отбираются наиболее приемлемые формы применения силы, которые могли бы дать «нужный эффект». При этом не скрывается, что подобный подход преследует цель избавить США от риска преждевременной военной эскалации, поскольку легко начать эскалацию, но значительно труднее перейти к деэскалации. Это — уроки, извлеченные правительством США, в частности из карибского кризиса и войны во Вьетнаме.

Следует отметить, что в США длительное время разрабатывалась целая теория «постепенного наращивания», или эскалации, применения военной силы для достижения «ограниченных целей». К методам эскалации относятся перемещение значительных контингентов вооруженных сил (чаще всего военно-морских) в целях «устрашения» (например, использование 6-го и 7-го флотов в Средиземном море и у берегов ДРВ, маневрирование танками летом 1961 г. в Западном Берлине); передислокация больших военных наземных соединений в район, откуда они могут быстро вмешаться в ситуацию, возникшую в «кризисной точке» (например, в 1962 г. во время лаосского кризиса США расположили свои войска на границе Таиланда с Лаосом, демонстрируя свою готовность вмешаться); вторжение наземными силами в «кризисный район» (например, высадка морской пехоты США в Ливане в 1958 г., интервенция Вашингтона в Доминиканскую Республику в 1965 г.); использование политических каналов, в том числе и дипломатических, для осуществления тактики так называемого «политического шантажа».

В 1965 году государственный секретарь США Д. Рэйс сформулировал фальшивую концепцию, в соответствии с которой «агрессор не может рассчитывать на безопасность своих баз, с которых осуществляется нападение». На словах все в ней было правильно. Однако эту концепцию «удара по базам» он адресовал ДРВ, хотя агрессором были сами Соединенные Штаты. Эта концепция широко рекламировалась американской пропагандой в 1965 году за несколько недель до начала жестоких бомбардировок ДРВ. Ставка делалась на психологический эффект. Но Вашингтон не добился своей основной цели: героический народ Вьетнама запугать и сломить не удалось.

Аналогичный прием и с тем же результатом был использован республиканской администрацией при осуществлении американо-сайгонской агрессии в 1970—1971 годах против народов Камбоджи и Лаоса.

Как уже отмечалось выше, важная особенность «кризисной дипломатии» Вашингтона — стремление к «втягиванию в ситуацию» на своей стороне как можно большего числа союзников. Тот же Х. Кливленд сравнивает дипломатию, рассчитанную только на силы своей страны, со «старомодной кавалерией». Он пишет: «Даже если решение использовать силу в основном является нашим собственным решением, чрезвычайно важно расширение числа заинтересованных сторон, с тем чтобы получить санкцию на необходимый «следующий шаг» со стороны возможно большего числа членов международного сообщества»¹³.

В качестве примеров подобной тактики правительства США можно привести втягивание американской дипломатией под флагом ООН 14 государств в корейскую авантюру. США постарались быстро «интернационализировать» свою агрессию и в Доминиканской Республике, прибегнув к помощи ОАГ. В течение нескольких дней после вторжения США сколотили из 5 латиноамериканских стран, включая Бразилию, «силы по поддержанию мира».

Стремление Вашингтона втянуть в свои авантюры союзников, тактика «интернационализации» развязанных им военных конфликтов дали осечку во Вьетнаме. Все усилия американской дипломатии, предпринимавшиеся как по открытым, так и по закрытым каналам, с целью втянуть в омут вьетнамской авантюры своих европейских союзников в основном провалились. США, по существу,

в одиночку ведут борьбу против вьетнамского народа. Им помогали лишь несколько сателлитов, вроде южнокорейского режима, и символические контингенты из Австралии и Новой Зеландии.

Перечисленные приемы «кризисной дипломатии» использовались правительством США то более, то менее активно. «Использование силы в опасном мире требует приверженности к доктрине осторожности», — предупреждает даже Х. Кливленд. «Нужно спокойное и целенаправленное манипулирование силой, — отмечает он далее, — для целей коллективной безопасности, а также применение сложной комбинации дипломатических средств, которые не подменяют силу, но действуют с нею в одном направлении»¹⁴.

Характерной чертой дипломатии США в 50-е и 60-е годы стало широкое вторжение военных в сферу ее деятельности. Столь значительного влияния военщины на внешнюю политику и дипломатию, как в США, нет ни в какой другой капиталистической стране. Несмотря на неоднократные заверения президентов, что главная роль в координации внешней политики и во всей заграничной службе принадлежит госдепартаменту и американским послам, дипломатические работники, по сообщению «Нью-Йорк таймс», обеспокоены тенденцией дальнейшего уменьшения полномочий госдепартамента¹⁵.

Дальнейшее срашивание деятельности госдепартамента с Пентагоном и ЦРУ нашло практическое отражение в усилении роли Совета национальной безопасности как центра согласования и координации действий военных, дипломатических и разведывательных служб США. При этом, как отмечается в американской печати, в Совете национальной безопасности влияние представителей военных кругов зачастую сильнее, чем представителей дипломатической верхушки.

Нынешний советник президента Р. Никсона по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджер буквально накануне своего назначения на этот пост писал о неэффективности американской дипломатии при урегулировании конфликтов политическими средствами, что при решении сложных международных проблем она отмечена печатью «жесткости» и зачастую не умеет находить общий язык с противоположной стороной. Многие члены американского правительства, по мнению Г. Киссинджера, мыслят исключительно военными категориями, в ча-

стности не стремятся искать путей урегулирования военного конфликта во Вьетнаме политическими средствами¹⁶.

Все более широкое признание в США завоевывает мнение, что влияние военщины и ЦРУ на американскую внешнюю политику не только снижает ее эффективность, но и чревато опасными последствиями. Характерна в этой связи позиция известного обозревателя Стюарта Олсона. Он писал, что «в большинстве крупных кризисов 60-х годов и связанных с ними решений... служащие госдепартамента играли ограниченную роль или вообще не играли никакой роли». С. Олсон считает, что с госдепартаментом серьезно не советовались ни во время авантюры в заливе Кочинос, ни во время карибского кризиса 1962 года. «Что касается Вьетнама, — замечает он, — то президент Джонсон, так же как и президент Кеннеди во время событий в заливе Кочинос, почти не утруждал себя консультациями с госдепартаментом, когда принимал военные решения»¹⁷. Даже С. Олсону такое положение дел кажется ненормальным. С. Олсон тут не одинок. Многие в США призывают правительство ограничить влияние военных.

Гипертрофированное влияние Пентагона на современную американскую дипломатию — весьма характерное явление. Разумеется, это не означает, что госдепартамент как правительственный орган, ответственный за проведение внешней политики, списан со счета. Достаточно сказать, что численность американской дипломатической службы сильно возросла. Так, если в 1946 году госдепартамент США насчитывал 7623 служащих, то к началу 70-х годов в его системе уже работало 27 тыс. человек. В результате активизации военно-политической стратегии США, процесса взаимопроникновения и все более тесного переплетения военного и разведывательного ведомств с американским дипломатическим аппаратом происходит его дальнейшее разбухание.

В обоснование «жесткой» линии во внешней политике США, практики «кризисной дипломатии» выдвигаются разные, но в равной степени неосновательные аргументы. Без всякого на то основания утверждается, например, что идея мирного сосуществования является всего лишь «тактическим шагом» советской внешней политики. Порой в качестве предварительного условия взаимоприемлемого сотрудничества по широкому кругу

проблем выдвигаются абсурдные требования о внесении изменений в общественный строй СССР. Нередко в угоду кажущимся тактическим «преимуществам» американские руководители были готовы пожертвовать перспективой долгосрочного международного политического и экономического сотрудничества с социалистическими странами. В США имеет хождение и та версия, будто политики и дипломаты, придерживающиеся противоположных идеологических взглядов, не могут понять друг друга и действовать разрешению международных проблем. Соглашения, достигнутые в мае 1972 года в Москве во время переговоров советских руководителей с президентом США, показали всю несостоятельность такого надуманного подхода.

Кризис «кризисной дипломатии»

Важные международные соглашения, в выработке которых участвовали как СССР, так и США, например Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах, Договор о нераспространении ядерного оружия, соглашение о нормализации положения в Западном Берлине, подписание в Москве документа об основах взаимоотношений между СССР и США, соглашения об ограничении стратегических вооружений, договоренность по ряду других проблем сводят на нет доводы тех политиков и теоретиков, которые пытаются закрыть дорогу совместным поискам мирного решения международных проблем.

Миру капитализма противостоят сегодня могучие силы социализма, национально-освободительного движения, международного рабочего класса. Именно они ограничивают возможности «кризисной дипломатии».

В результате «кризисная дипломатия» переживает явный кризис. Правительства целого ряда западноевропейских государств, реально оценивая соотношение сил на мировой арене, приходят к выводу о неприемлемости для себя наиболее опасных и авантюристичных методов «кризисной дипломатии». Сегодня, например, в Европе «кризисная дипломатия» явно не в почете. Только в США еще остаются влиятельные круги, выступающие за сохранение на вооружении «кризисной дипломатии», считая ее «эффективной» и неотъемлемой чертой международной политики.

Вместе с тем, как уже отмечалось выше, на мировой арене и в самих США сегодня действует ряд факторов, которые ведут к известному расслоению в американских политических кругах и оказывают самое непосредственное влияние на внешнюю политику США. Значение расхождений в политической верхушке капиталистических стран отмечал еще В. И. Ленин: «Расхождения между Черчиллями и Ллойд Джорджами — эти политические типы есть во *всех* странах, с ничтожными национальными различиями, — с одной стороны; затем, между Гендерсонами и Ллойд Джорджами, с другой, совершенно неважны и мелки с точки зрения чистого, т. е. абстрактного, т. е. недозревшего еще до практического, массового, политического действия, коммунизма. Но с точки зрения этого практического действия масс, эти различия крайне, крайне важны»¹⁸. Разумеется, политическая физиономия группировок, среди которых в США наблюдаются расхождения по ряду проблем внешней политики, отличается от той, о которой в свое время писал В. И. Ленин. Но принципиальное значение ленинских положений полностью подтверждается в ходе современной внутриполитической борьбы в США.

В указаниях советской делегации на Генуэзской конференции В. И. Ленин отмечал: «...Нам не безразлично, имеем ли мы дело с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к военному решению вопроса, или с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к пацифизму, будь он хотя самый плохенький и, с точки зрения коммунизма, не выдерживающий и тени критики»¹⁹. Эти положения служат основой для анализа процессов расслоения в буржуазном лагере США, где наряду с агрессивными группировками заметное место занимают влиятельные круги в обеих политических партиях, выступающие за прекращение авантюры в Юго-Восточной Азии, за поиски договоренности с Советским Союзом по ряду важных международных проблем.

Выступая на Международном совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в июне 1969 года, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев следующим образом оценил тенденции, наблюдающиеся в правящих кругах капиталистических стран по проблемам войны и мира: «Мы хорошо знаем, что на формирование внешней политики крупных капиталистических госу-

дарств зачастую влияют крайне агрессивные круги. Чтобы обуздать их активность, необходима твердость, разоблачение их интриг и провокаций, постоянная готовность к решительному отпору агрессивным поползновениям. Именно такую внешнюю политику проводит КПСС, Советский Союз.

Мы различаем в капиталистическом лагере и более умеренное крыло. Оставаясь нашими классовыми, идеиними противниками, его представители достаточно трезво оценивают нынешнее соотношение сил в мире и склонны искать взаимоприемлемые решения спорных международных вопросов. Наше государство при проведении своей внешней политики учитывает такие тенденции»²⁰.

Принципы мирного сосуществования государств с различным социальным строем предполагают, что спорные проблемы, возникающие между странами, должны решаться не силой оружия, а мирным путем и мирными средствами. Такого решения международных проблем можно добиться только в непримиримой борьбе с практикой «кризисной дипломатии».

О РОЛИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В БОРЬБЕ ЗА ЛИКВИДАЦИЮ ОЧАГОВ ВОЙНЫ, ЗА УКРЕПЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

После Великой Октябрьской социалистической революции и образования первого социалистического государства борьба за мир, против агрессивных и захватнических войн впервые в истории человечества приобретает форму принципиальной и последовательной государственной политики. Начиная с ленинского Декрета о мире борьба Советского государства за мир между народами и за предотвращение войн, развязываемых империализмом, становится одним из основополагающих принципов советской внешнеполитической программы.

Вскоре после Октябрьской революции В. И. Ленин писал, что «самые глубокие корни и внутренней, и внешней политики нашего государства определяются экономическими интересами, экономическим положением господствующих классов нашего государства. Эти положения, которые являются основой всего миросозерцания марксистов и которые подтверждены для нас, русских революционеров, великим опытом обеих русских революций,— эти положения не следует ни на минуту упускать из виду»¹. Формулируя генеральную линию внешней политики Советского государства, В. И. Ленин в проекте резолюции VII Всероссийского съезда Советов предложил указать: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика желает жить в мире со всеми народами и направить все свои силы на внутреннее строительство»². В соответствии с этими коренными положениями КПСС и Советское правительство на протяжении всей истории существования СССР проводят внешнюю политику, направленную на обеспечение благоприятных внешних условий для строительства социализма в СССР, защиту социализма и свободы народов, политику борьбы против агрессивных действий империалистических сил,

борьбы за мир, за торжество ленинского принципа мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

Как указывал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежnev в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, «вот уже более 25 лет наш народ живет в условиях мира. В этом мы видим величайшее достижение внешней политики нашей партии. Вот уже четверть века человечество избавлено от мировой войны. Советская страна, ее внешняя политика внесли немалый вклад и в это историческое завоевание народов. Однако силы агрессии и милитаризма хотя и потеснены, но не обезврежены. За послевоенные годы они развязали более 30 войн и вооруженных конфликтов разных масштабов. Нельзя считать полностью устранившейся и угрозу новой мировой войны. Не допустить, чтобы эта угроза стала реальностью,— кровное дело всех миролюбивых государств, всех народов»³. Советский Союз ведет неустанную и последовательную борьбу против этой угрозы.

СССР в целях общего оздоровления международной обстановки неоднократно выступал с предложениями, которые способствовали бы укреплению международной безопасности. Внешнеполитическая деятельность Советского государства уже привела к реализации некоторых из них. Только в последние годы достигнут ряд существенных сдвигов. Так, в 1963 году был подписан Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, в 1967 году — Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, наряду с прочим запретивший вывод в космическое пространство объектов с ядерным оружием или другими видами оружия массового уничтожения, в 1968 году — Договор о нераспространении ядерного оружия, в 1971 году подписан Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, в 1972 году — Договор об ограничении систем противоракетной обороны и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений между СССР и США. Советское государство неустанно совершенствует свою программу борьбы за мир и воплощает ее в конкретных внешнеполитических акциях.

Новым, исключительно важным этапом в развитии деятельности Советского Союза, направленной на укрепление мира и международной безопасности, явилась программа мира, принятая XXIV съездом КПСС в качестве основы внешнеполитической деятельности СССР. Отмечая значение этой программы, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежnev подчеркнул: «*В области внешней политики* линия партии — это линия мира и международной безопасности, укрепления братства стран социализма и союза с освободительными антиимпериалистическими силами во всем мире. Уже сейчас можно сказать, что выдвинутая XXIV съездом программа борьбы за мир, свободу и независимость народов нашла самый широкий отклик на всех континентах земли»⁴. Последующее развитие событий полностью подтвердило этот вывод.

Выдвинутая КПСС программа предполагает не отдельные и разрозненные меры, а четко определенную, продуманную, логически увязанную систему действий. Она охватывает все главные задачи сохранения мира — от ликвидации существующих военных очагов и предотвращения новых столкновений между государствами до претворения в жизнь принципов коллективной безопасности, от мер по обеспечению военной разрядки в районах наиболее опасного противостояния до запрещения всех видов оружия массового уничтожения и прекращения гонки вооружений всех видов, а также сокращения военных расходов, от ликвидации иностранных военных баз до мер по предотвращению случайного возникновения войны, от завершения ликвидации колониализма и расизма до развертывания взаимовыгодного сотрудничества государств в решении крупнейших экономических и научно-технических проблем.

Этот общий подход Советского Союза к решению современных международных проблем определяет и советскую линию в отношении международных конфликтов. СССР исходит из того, что общие меры по оздоровлению международной обстановки и укреплению международной безопасности создают условия, в которых агрессивным силам становится все труднее разжигать новые очаги конфликтов. В современном мире, в условиях неуклонного изменения расстановки сил в пользу социализма и мира созданы благодаря настойчивой деятельности СССР, других стран социалистического содружества, всех про-

грессивных сил реальные условия для предупреждения и предотвращения международных конфликтов.

Советский Союз придает этой задаче первостепенное значение. Не случайно она сформулирована в первом же пункте программы мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС:

«— Ликвидировать военные очаги в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке и содействовать политическому урегулированию в этих районах на основе уважения законных прав государств и народов, подвергшихся агрессии.

— Давать немедленный и твердый отпор любым актам агрессии и международного произвола. Для этого должны в полной мере использоваться и возможности Организации Объединенных Наций.

— Отказ от применения силы и угрозы ее применения для решения спорных вопросов должен стать законом международной жизни»⁵.

Придавая первостепенное значение мерам по предупреждению межгосударственных конфликтов и такому оздоровлению обстановки в мире, которое бы вело к их устранению из международной жизни, Советский Союз не может не считаться с тем, что силы агрессии и войны продолжают действовать. Они стремятся помешать политическому урегулированию в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке, могут пуститься на новые опасные авантюры.

Советский Союз, другие страны социалистического содружества, все прогрессивные силы стоят на пути агрессоров. СССР активно выступает против организаторов агрессивных акций и оказывает всемерную помощь жертвам агрессии. Поддержка стран и народов, ставших объектом агрессии, является неизменным принципом подхода СССР к международным конфликтам.

Исходя из принципов пролетарского интернационализма и борьбы против агрессивных, захватнических войн, СССР оказывает многостороннюю политическую, экономическую и военную помощь героическому вьетнамскому народу. Как указывается в этой связи в совместном советско-вьетнамском заявлении, сделанном во время визита члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного в ДРВ в октябре 1971 года, «Партия трудящихся Вьетнама, правительство Демократической Республики Вьетнам

и вьетнамский народ постоянно помнят, что как раньше в ходе войны сопротивления против французских колонизаторов, так и теперь в антиамериканской войне за спасение родины и в строительстве социализма Коммунистическая партия Советского Союза, правительство СССР и братский советский народ оказывают вьетнамскому народу мощную поддержку, огромную, многостороннюю и эффективную помощь»⁶. Руководство НФО Южного Вьетнама и Временное революционное правительство РЮВ неоднократно подчеркивали, что успехи народа Южного Вьетнама неотделимы от решительной помощи и поддержки со стороны Советского Союза.

На помощь и поддержку Советского Союза опираются арабские народы в их борьбе против агрессии Израиля, за справедливое урегулирование ближневосточного конфликта. «Президент А. Садат,— отмечается в совместном советско-египетском коммюнике от 13 октября 1971 г.,— от имени правительства и народа Арабской Республики Египет выразил искреннюю благодарность Советскому Союзу за оказываемую Египту большую помощь и постоянную поддержку, которая является надежной опорой в его борьбе против Израиля и поддерживающих его империалистических сил»⁷. Об огромном значении поддержки Советского Союза борьбы арабских стран неоднократно говорили многие лидеры государств Арабского Востока.

Ярким примером справедливого и принципиального подхода Советского Союза к международным конфликтам служит его позиция в отношении индо-пакистанского конфликта 1971 года. В своем первом публичном выступлении в аэропорту Дакки после возвращения на родину Муджибур Рахман от имени народа и правительства Бангладеш выразил чувства искренней признательности и благодарности Советскому Союзу⁸. Это выступление было горячо поддержано самыми широкими кругами общественности молодого независимого государства.

Всемерно поддерживая жертву агрессии, Советский Союз одновременно использует все соответствующие обстановке средства и способы для того, чтобы положить конец агрессии, прекратить расширение конфликта. СССР всегда отстаивает такое решение о прекращении военных действий, которое одновременно закладывало бы реальные основы для справедливого политического урегулирования, не давало бы возможности агрессору

воспользоваться результатами своих неправомерных действий.

Предлагая в 1967 году решение о прекращении огня на Ближнем Востоке, Советский Союз твердо и последовательно увязывал его с выводом израильских войск со всех оккупированных арабских территорий. Все последующие годы СССР настойчиво добивался, чтобы любое решение ближневосточной проблемы предусматривало вывод израильских войск с захваченных арабских территорий. Такова твердая и принципиальная позиция Советского Союза.

Неуклонно борется Советский Союз за прекращение агрессии США против народов Индокитая и вывод американских войск из Индокитая. «Есть только один путь к решению вьетнамской проблемы, — подчеркнул в Отчетном докладе ЦК КПСС на XXIV съезде партии Л. И. Брежnev.— Он ясно указан в предложениях правительства ДРВ и Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам, в предложениях, которые мы твердо поддерживаем»⁹. В Обращении съезда «Свободу и мир народам Индокитая!» указывается. «Пусть ширится и крепнет всемирное движение за прекращение империалистической агрессии в Индокитае, за вывод оттуда всех войск США и их союзников, за осуществление законного права народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи быть хозяевами на своей земле!»¹⁰. С требованием о выводе из Индокитая войск США и их союзников активно выступают государства — участники Варшавского Договора, все прогрессивные силы.

Во время индийско-пакистанского конфликта 1971 года СССР решительно выступил за прекращение кровопролития, за мирное политическое урегулирование возникших проблем с учетом законных прав народа Восточного Пакистана, за создание условий прочного и справедливого мира в этом районе. Поддерживая проект резолюции, предложенный Совету Безопасности ООН представителем ПНР, советский представитель подчеркивал, что прекращение огня необходимо сочетать с вопросами политического урегулирования в Восточном Пакистане¹¹. Советский Союз и другие социалистические государства своей принципиальной и конструктивной позицией способствовали прекращению вооруженного конфликта.

Позиция Советского Союза сочетает последовательность и твердость в организации отпора агрессорам и

и инициаторам международных конфликтов с гибкостью и конструктивностью в поисках наилучших форм мирного урегулирования на основе соблюдения законных прав государств и народов, подвергшихся агрессии. СССР активно поддержал многочисленные предложения правительства ДРВ и РЮВ, направленные на политическое урегулирование во Вьетнаме и прекращение американской агрессии, справедливую и конструктивную позицию делегаций ДРВ и РЮВ на Парижских переговорах с представителями США и сайгонской администрации. Советские предложения об урегулировании на Ближнем Востоке, о которых подробно говорилось выше, представляют собой реальную программу установления прочного и стабильного мира в этом районе. СССР неоднократно выступал с конструктивными предложениями об урегулировании международных конфликтов в других районах мира.

Существенное значение придает Советский Союз Организации Объединенных Наций как важному инструменту укрепления мира и обеспечения безопасности народов, предупреждения и урегулирования международных конфликтов. СССР последовательно выступает в ООН за радикальное улучшение международной обстановки. Так, в 1970 году по предложению СССР и на основе проекта резолюции, предложенного группой социалистических стран, XXV сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла Декларацию об укреплении международной безопасности. Были приняты также имеющие большое значение для укрепления международной безопасности Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества государств в соответствии с Уставом ООН, и Декларация по случаю двадцать пятой годовщины Организации Объединенных Наций. В следующем, 1971 году Советский Союз выступил в Организации Объединенных Наций с инициативой о созыве Всемирной конференции по разоружению. Во всей своей повседневной практической деятельности в ООН Советский Союз целеустремленно отстаивает принципы укрепления мира, борьбы против агрессивных сил, неизменно добивается скорейшего мирного урегулирования международных конфликтов.

Последовательно выступая за политическое урегулирование международных конфликтов на основе уважения законных прав государств и народов, ставших жерт-

вой агрессии, СССР неизменно демонстрирует свою твердую поддержку этих законных прав. Наглядным свидетельством этого явились, в частности, договоры, подписанные СССР в 1971 году с Египтом и Индией. Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Египтом от 27 мая 1971 г. закрепил основные принципы прочных и незыблемых отношений, сложившихся между двумя государствами в мирное время, в дни военных испытаний и в последующей борьбе за политическое урегулирование конфликта. Договор о мире, дружбе и сотрудничестве между СССР и Республикой Индией, подписанный 9 августа в Дели, подтвердил прочную основу отношений между двумя государствами и их взаимопонимание по международным проблемам. «Большое значение для укрепления мира и международной безопасности имеют договоры между СССР и Египтом, СССР и Индией»¹², — отмечалось в этой связи в Постановлении ноябрьского (1971 г.) Пленума ЦК КПСС.

Интернациональный характер внешней политики стран социализма проявляется в постоянном стремлении к упрочению мира и безопасности народов, в последовательной поддержке революционных сил и прогрессивных движений в интересах свободы и независимости всех народов. Особенno большое значение в борьбе за укрепление международной безопасности имеет координация внешнеполитической деятельности СССР и других стран социалистического содружества, их совместная активная борьба против сил агрессии и войны. Как подчеркивалось на XXIV съезде КПСС, в деле координации внешнеполитической деятельности братских партий и государств достигнуты серьезные успехи. Наиболее крупные международные проблемы и события коллективно рассматриваются представителями социалистических стран на разных уровнях.

Социалистическим государствам, входящим в Организацию Варшавского Договора, принадлежит инициатива выдвижения развернутой программы укрепления мира в Европе. Активная и последовательная поддержка со стороны СССР и других социалистических государств играет жизненно важную роль в борьбе народов Вьетнама и других стран Индокитая против империалистических интервентов. На Ближнем Востоке шаги, предпринятые социалистическими государствами, стали одним из решающих факторов, помешавших осуществле-

нию империалистических планов свержения прогрессивных режимов в арабских странах. В ООН и других международных организациях социалистические страны, действуя совместно, выдвинули много предложений, имеющих ключевое значение в международной жизни. Эти предложения оказались в центре внимания мировой общественности.

Таков далеко не полный перечень шагов совместной внешнеполитической деятельности СССР и других социалистических государств на мировой арене, направленной на укрепление международной безопасности. Эта деятельность продолжает и дальше успешно развиваться.

Ряд важных мер по укреплению международной безопасности был осуществлен в результате равноправных конструктивных переговоров с западными державами в 1972 году. К их числу следует отнести серию соглашений, подписанных в Москве в мае 1972 года в ходе советско-американских переговоров на высшем уровне, вступившие в силу летом этого года договоры между СССР и ФРГ, ПНР и ФРГ, четырехстороннее соглашение по вопросам, относящимся к Западному Берлину, и др. Они убедительно продемонстрировали, что в современном мире существуют неизменно растущие возможности для упрочения в отношениях между государствами с различным социальным строем принципа мирного сосуществования.

Одна из важных тенденций развития современных международных отношений состоит в том, что ряды сторонников укрепления международного мира и безопасности неуклонно растут. Общий баланс сил в мире изменяется в пользу социализма. Рост могущества Советского Союза и других социалистических стран, всех революционных сил современности создает все более прочную основу для успешной борьбы за укрепление международной безопасности. Изменение глобальной расстановки сил, активная борьба СССР, других социалистических стран, большинства государств «третьего мира» за оздоровление международной обстановки воздействуют на позицию реалистически мыслящих кругов в империалистическом лагере, сознающих огромную опасность политики агрессии, развязывания международных конфликтов. Таким образом, в современном мире неизменно увеличиваются возможности обуздания сил агрессии и войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

- ¹ См. "The Department of State Bulletin", March 9, 1970, pp. 280—282.
- ² См. «The Pentagon Papers as Published by "The New York Times"», Toronto—New York—London, 1971, pp. 435, 571, 575, 581 (далее: "The Pentagon Papers").
- ³ S. Hoffmann, The Gulliver's Troubles or the Setting of American Foreign Policy, N. Y., 1968, p. 259.

Глава II

- ¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 223.
- ² «Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г.», Политиздат, 1969, стр. 286.
- ³ W. Fox, A. Fox, International Politics. "International Encyclopedia of the Social Science", N. Y., 1968.
- ⁴ S. Hoffmann, The American Style: Our Past and Our Principles, "Foreign Affairs", 1968, No 2, vol. 46, p. 365.
- ⁵ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 417—418.
- ⁶ Там же, стр. 269.
- ⁷ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 52.
- ⁸ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 49, стр. 369—370.
- ⁹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 85.
- ¹⁰ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 282.
- ¹¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 99.
- ¹² В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 134.
- ¹³ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 67.
- ¹⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 497.
- ¹⁵ См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 145.
- ¹⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 417.
- ¹⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 271.
- ¹⁸ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 15, стр. 276.
- ¹⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 144.
- ²⁰ "Figaro", 30 septembre, 1971.
- ²¹ «Правда», 2 ноября 1971 г.
- ²² В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 59.

- ²³ «Международное совещание коммунистических и рабочих партий», стр. 290.
- ²⁴ См. H. Kahn, On Escalation: Metaphors and Scenarios, Baltimore, 1968.

Глава III

- ¹ Bericht des amerikanischen Verteidigungsministers Melvin R. Laird vom 9. März 1971, "Europa-Archiv", 13/1971, S. D-304 (далее: „Bericht...”).
- ² "Brassey's Annual", L., 1970, p. 33.
- ³ I b i d., p. 34.
- ⁴ "Bericht...", S. D-314.
- ⁵ I b i d., S. D-315.
- ⁶ См. "NATO Letter", 1969, January, p. 12.
- ⁷ I b i d.
- ⁸ См. „NATO Letter”, 1969, June, p. 21.
- ⁹ "Bericht...", S. D-316.
- ¹⁰ I b i d.
- ¹¹ I b i d.
- ¹² I b i d., S. D-318.
- ¹³ "Программа Коммунистической партии Советского Союза", Политиздат, 1971, стр. 35.

Глава IV

- ¹ См. R. F. Kennedy, Thirteen Days. A Memoir of the Cuban Crisis, N. Y., 1969; A. M. Schlesinger, 1000 Days. John F. Kennedy in the White House, Boston, 1965; T. h. Sorenson, Kennedy, N. Y., 1965.
- ² См. «Внешняя политика СССР», Политиздат, 1968, стр. 230.
- ³ См. Statement by President Kennedy, September 4, 1962, "The Department of State Bulletin", September 24, 1962, p. 450.
- ⁴ «Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов. 1962 год», изд-во «Международные отношения», 1963, стр. 362.
- ⁵ Statement by the President, September 13, 1962, "The Department of State Bulletin", October 1, 1962, pp. 481—482.
- ⁶ I b i d., p. 482.
- ⁷ Communiqué of the Informal Meeting of American Foreign Ministers and Special Representatives. Washington, October 2—3, „The Department of State Bulletin”, October 3, 1962, p. 598.
- ⁸ I b i d., p. 600.
- ⁹ Joint Resolution of the U. S. Congress: "Public Law", 87—733 approved, October 3, 1962.
- ¹⁰ "Foreign Policy in the Sixties. The Issues and the Instruments", Baltimore, 1965, p. 128.
- ¹¹ I b i d.
- ¹² См. A. M. Schlesinger, op. cit., p. 80.
- ¹³ См. R. F. Kennedy, op. cit., p. 31.
- ¹⁴ См. M. Halperin, Contemporary Military Strategy, L., 1968, pp. 41—42.

- ¹⁵ См. А. М. Schlesinger, op. cit., p. 803.
- ¹⁶ "Documents on American Foreign Relations. 1962", N. Y., 1963, pp. 373—374.
- ¹⁷ См. А. М. Schlesinger, op. cit., p. 802.
- ¹⁸ См. Th. Sorensen, op. cit., p. 675; A. M. Schlesinger, op. cit., p. 804.
- ¹⁹ R. F. Kennedy, op. cit., p. 31.
- ²⁰ См. Th. Sorensen, op. cit., p. 683.
- ²¹ Ibid., p. 688.
- ²² Архив внешней политики СССР (далее: АВП), ф. 59, оп. 46, п. 56, д. 277, лл. 206—207.
- ²³ Там же, лл. 207—208.
- ²⁴ Там же, л. 208.
- ²⁵ Там же, л. 209.
- ²⁶ Там же, л. 210.
- ²⁷ Там же, лл. 211—212.
- ²⁸ Там же, л. 212.
- ²⁹ Там же, лл. 213—214.
- ³⁰ В книге Р. Кеннеди «Тринадцать дней» дается крайне тенденциозная трактовка данной беседы президента США с министром иностранных дел Советского Союза. Как отмечал впоследствии Т. Соренсен, «Роберт Кеннеди лично продиктовал эту рукопись осенью 1967 года на основе личных дневников и воспоминаний» (из краткого вступления Соренсена к рукописи Р. Кеннеди, опубликованной в ноябрьском номере журнала "Mc. Call's" за 1967 г.). Воспоминания Р. Кеннеди об этой беседе расплывчаты и неточны. Он утверждает, например, будто бы «в начале беседы Громыко заявил, что Соединенные Штаты должны перестать угрожать Кубе» (R. F. Kennedy, op. cit., p. 40). На самом деле беседа началась с обсуждения европейских проблем. Это, кстати, признают в своих мемуарах Шлезингер и Соренсен. Далее Р. Кеннеди пишет, что после того, как в ходе беседы президент зачитал свое заявление от 4 сентября 1962 г., в котором указывалось «на серьезные последствия, могущие возникнуть, если Советский Союз разместит на Кубе ракеты или другое наступательное оружие...», Громыко заверил его, что этого никогда не произойдет и что Соединенные Штаты не должны тревожиться (ibid., p. 40). Такое изложение беседы Р. Кеннеди совершенно не соответствует действительности. Президент действительно зачитал в конце беседы свое заявление от 4 сентября. Но он же сам после беседы сказал Соренсену, что А. А. Громыко «не реагировал на прочитанное мною заявление» (см. Th. Sorensen, op. cit., 69). Следовательно, версия Р. Кеннеди, на которую наложила отпечаток пропагандистская антисоветская кампания, развернутая в США в период карибского кризиса и после него, не выдерживает критики.
- ³¹ A. M. Schlesinger, op. cit., p. 806.
- ³² Ibid.
- ³³ R. F. Kennedy, op. cit., p. 38.
- ³⁴ См. A. M. Schlesinger, op. cit., p. 807.
- ³⁵ R. F. Kennedy, op. cit., p. 36.
- ³⁶ Ibid., p. 38.
- ³⁷ Ibid., p. 48.
- ³⁸ См. Th. Sorensen, op. cit., p. 695.

- ³⁹ См. A. M. Schlesinger, op. cit., p. 812; Th. Sorensen, op. cit., p. 702.
- ⁴⁰ В книге Р. Кеннеди выборочно излагается ряд мест из переписки между президентом США и главой Советского правительства, которая имела место между 22 и 26 октября (R. F. Kennedy, op. cit., pp. 79—81).
- ⁴¹ АВП, ф. 59, оп. 46, п. 20, д. 94, л. 390.
- ⁴² См. "Documents on American Foreign Relations. 1962", pp. 374—380.
- ⁴³ См. J. G. Stoessinger, The Might of Nations. World Politics in Our Time, N. Y., 1969, p. 166.
- ⁴⁴ См. "Documents on American Foreign Relations, 1962", pp. 380—383.
- ⁴⁵ Ibid., pp. 383—384.
- ⁴⁶ Это заявление Р. Кеннеди не соответствовало действительности. Он явился в советское посольство по прямому поручению президента Дж. Кеннеди, чтобы установить контакт с советской стороной и еще раз попытаться объяснить акции правительства США. Об этом Р. Кеннеди рассказал лишь в 1968 г. (см. R. F. Kennedy, op. cit., p. 63).
- ⁴⁷ АВП, ф. 59, оп. 46, п. 20, д. 95, лл. 6—7.
- ⁴⁸ «Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов. 1962 год», стр. 399—405.
- ⁴⁹ См. АВП, ф. 59, оп. 46, п. 89, д. 437, л. 14.
- ⁵⁰ Там же, л. 27.
- ⁵¹ Там же, л. 30.
- ⁵² Там же, л. 31.
- ⁵³ АВП, ф. 59, оп. 46, п. 20, д. 95, лл. 20—21.
- ⁵⁴ «Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов. 1962 год», стр. 410—411.
- ⁵⁵ Там же, стр. 412.
- ⁵⁶ Th. Sorensen, op. cit., p. 710.
- ⁵⁷ "Documents on American Foreign Relations. 1962", p. 391.
- ⁵⁸ Ibid.
- ⁵⁹ АВП, ф. 59, оп. 46, п. 20, д. 94, л. 401.
- ⁶⁰ R. F. Kennedy, op. cit., p. 71.
- ⁶¹ См. АВП, ф. 59, оп. 46, п. 89, д. 437, л. 25.
- ⁶² Там же, л. 46.
- ⁶³ Там же, лл. 49—50.
- ⁶⁴ Там же, л. 51.
- ⁶⁵ См. R. F. Kennedy, op. cit., pp. 86—91.
- ⁶⁶ Ibid., p. 90.
- ⁶⁷ "Documents on American Foreign Relations. 1962", p. 404.
- ⁶⁸ Ibid., p. 405.
- ⁶⁹ Ibid., pp. 405—406.
- ⁷⁰ См. АВП, ф. 59, оп. 46, п. 20, д. 95, лл. 48—51.
- ⁷¹ R. F. Kennedy, op. cit., pp. 108—109.
- ⁷² См. АВП, ф. 59, оп. 46, п. 19, д. 88, л. 10.
- ⁷³ См. «Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов. 1962 год», стр. 416.
- ⁷⁴ См. R. F. Kennedy, op. cit., pp. 101—102.
- ⁷⁵ См. "Documents on American Foreign Relations. 1962", p. 396.
- ⁷⁶ J. G. Stoessinger, The Might of Nations, pp. 167—168.
- ⁷⁷ См. «Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов. 1962 год», стр. 418.

- ⁷⁸ R. F. Kennedy, op. cit., p. 119.
- ⁷⁹ См. «Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов. 1962 год», стр. 420—424.
- ⁸⁰ "Documents on American Foreign Relations. 1962", p. 402.
- ⁸¹ См. АВП, ф. 59, оп. 46, п. 20, д. 95, л. 236.
- ⁸² См. «Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов. 1962 год», стр. 427.
- ⁸³ АВП, ф. 59, оп. 46, п. 20, д. 95, лл. 337—338.
- ⁸⁴ UN Doc. S/5227.
- ⁸⁵ "Documents on American Foreign Relations, 1963", N. Y., 1964, p. 370.

Глава V

- ¹ См. А. И. Полторак, Л. И. Савинский, Преступная война, изд-во «Наука», 1968, стр. 28.
- ² Р. Ель, Mémoires: L'Indochine dans la tourmente, P., 1964, p. 65 (цит. по A. Fontaine, History of the Cold War, N. Y., 1969, p. 92).
- ³ См. "The New York Times", May 23, 1954.
- ⁴ См. "The Saturday Evening Post", February 24, 1968, p. 24.
- ⁵ "Vingt années d'intervention et d'agression américaine au Vietnam", Hanoi, 1965, pp. 23—24.
- ⁶ См. "The Pentagon Papers".
- ⁷ См. "Le monde et les incidents du golfe du Ton Kine", Hanoi, 1964, pp. 124—129.
- ⁸ См. "Hearing before the Committee on Foreign Relations. U. S. Senate. Ninetieth Congress", Wash., February 20, 1968, p. 60.
- ⁹ Ibid., p. 86.
- ¹⁰ См. "Pentagon Papers", pp. 249, 286.
- ¹¹ «Лао Итсала» была создана во время оккупации Лаоса Японией и включала представителей средней и мелкой буржуазии, интеллигенции, патриотически настроенных помещиков и лиц из высшей лаосской аристократии. Эта организация вместе с группой «Лао Пен Лао» («Лаос для лаосцев») подготовила и провела антияпонское вооруженное восстание.
- ¹² После подавления Францией лаосских националистических сил весной 1946 года народно-освободительная армия Лаоса сумела сохранить свое ядро и закрепилась в восточной части страны, где был создан первый освобожденный от колонизаторов район.
- ¹³ Цит. по Г. П. Попов, За независимый и нейтральный Лаос, Госполитиздат, 1961, стр. 50—51.
- ¹⁴ Как писал американский исследователь А. Доммен, примерно первые сто дней администрации Дж. Кеннеди мучительно размышляла над дилеммой, «посыпать или не посыпать американские войска в джунгли Индокитая, и если посыпать, то в каком количестве, каким способом и в какой район» (A. Dommen, Conflict in Laos. The Politics of Neutralization, N. Y., 1965, p. 188).
- ¹⁵ О масштабах этих столкновений можно судить по следующим фактам; только в 1963 г. лишь сайгонские власти 91 раз нарушили сухопутную границу, 99 раз — воздушное пространство и 19 раз — территориальные воды Камбоджи (см. "Dossier des agressions des forces américano-sud-vietnamiennes à Chantrea,

province de Svayrieng (Cambodge) le 19 mars 1964, soumis au Conseil de sécurité de L'ONU", Phnom-Penh, 1964, pp. 48—78).

¹⁶ Об этом, например, свидетельствует бывший посол США в Индии Честер Боулс в письме корреспонденту «Нью-Йорк таймс» Сайрусу Сульцбергеру: «В 1968 году военные усиленно добивались решения о вторжении в Камбоджу... Тем не менее ряд ведущих деятелей государственного департамента (как и я сам) считали, что проведение подобной операции было бы серьезной ошибкой» ("The New York Times", January 17, 1971).

¹⁷ G. Ball, Slogans and Realities, "Foreign Affairs", vol. 47, 1969, N. 4 (July), p. 633.

¹⁸ «Материалы XXIV съезда КПСС», Политиздат, 1971, стр. 23.

Глава VI

¹ Цит. по O. K. Rabinowicz, A Jewish Cyprus Project, N. Y., 1962, p. 17.

² "United States: Foreign Relations of the U. S., Near East and Africa", vol. IV, Wash., 1964, pp. 776—777.

³ "Israeli Government Yearbook. 1951—1952", pp. 63—65.

⁴ Цит. по S. Hadawi, Palestine in Focus, Beirut, 1968, p. 95.

⁵ "The New York Times", November 8, 1956.

⁶ P. Knightley, C. Simpson, The Secret Lives of Lawrence of Arabia, L., 1969, p. 104.

⁷ См. "United States Interests in the Middle East", Wash., 1968.

⁸ "The Wall Street Journal", July 2, 1969.

⁹ См. "Business Week", December 27, 1969, p. 84.

¹⁰ См. "Petroleum Press Service", 1970, March, p. 82.

¹¹ "Washington Post", December 25, 1969.

¹² "Soviet-American Rivalry in the Middle East", N. Y., 1969, p. 60.

¹³ J. C. Hurewitz, Middle East Politics: The Military Dimension, N. Y., 1969, pp. 496—497.

¹⁴ G. Friedman, The End of the Jewish People? N. Y., 1968, pp. 233—234.

¹⁵ "The New York Times", April 6, 1970.

Глава VII

¹ См., например, «Экономика и история Индии и Пакистана», изд-во «Наука», 1966, стр. 115 и след.

² См. "Saturday Review", November 6, 1971, p. 29.

³ "Washington Post", January 6, 1972.

⁴ См. "Saturday Review", November 6, 1971, p. 30.

⁵ "Washington Post", December 31, 1971.

⁶ I b i d.

⁷ I b i d.

⁸ «Правда», 8 декабря 1971 г.

⁹ См. «Известия», 6 декабря 1971 г.; «Известия», 18 декабря 1971 г.

¹⁰ «Известия», 18 декабря 1971 г.

- ¹ См. E. Abel, *The Missile Crisis*, N. Y., 1966, pp. 111—113; Edward E. Weintal, C. Bartlett, *Facing the Brink*, N. Y., 1967, pp. 54—69.
- ² См. "Time", November 2, 1962.
- ³ См. R. F. Kennedy, *To Seek a Newer World*, N. Y., 1967, p. 138.
- ⁴ См. "The Department of State Bulletin", December 17, 1962, p. 911.
- ⁵ См. W. W. Rostow, *View from the Seventh Floor*, N. Y., 1964, p. 38.
- ⁶ См. R. F. Kennedy, *Thirteen Days*, N. Y., 1969.
- ⁷ См. "The Department of State Bulletin", December 3, 1962, p. 832.
- ⁸ "The Department of State Bulletin", February 10, 1964, pp. 190—195.
- ⁹ Цит. по Р. Гейelin, *Lyndon B. Johnson and the World*, N. Y., 1966, pp. 92—93.
- ¹⁰ "Washington Post", January 26, 1964.
- ¹¹ "The New York Herald Tribune", December 15, 1965.
- ¹² "The New York Times", December 15, 1965.
- ¹³ См. "Le Monde", 31 mars 1966.
- ¹⁴ См. "Il Tempo", 19 marzo 1966.
- ¹⁵ "U. S. News and World Report", September 6, 1966.
- ¹⁶ "The Wall Street Journal", September 8, 1966.
- ¹⁷ H. A. Kissinger, *Central Issues of American Foreign Policy*, "Agenda for the Nation", Wash., 1968, pp. 585—614.
- ¹⁸ R. S. McNamara, *The Essence of Security*, N. Y., 1968, p. 153.
- ¹⁹ См. "The Guardian", May 12, 1965.
- ²⁰ См. "NATO Letter", vol. 13, 1965, No 6 (June), p. 25.
- ²¹ См. R. Hillsman, *To Move a Nation*, N. Y., 1967, p. 247.
- ²² См. "Congressional Record", July 10, 1967, pp. S 9240—3; "U. S. News and World Report", February 26, 1968.
- ²³ См. "The New York Times", May 23, 1967.
- ²⁴ См. "Time", June 16, 1967.
- ²⁵ См. "The Department of State Bulletin", October 2, 1967, p. 425.
- ²⁶ См. "Congressional Record", May 24, 1967, pp. S 7317—8, S 7414—5; May 25, 1967, pp. 7452—3.
- ²⁷ См. "U. S. News and World Report", June 5, 1967.
- ²⁸ "The Wall Street Journal", June 6, 1967.
- ²⁹ См. "NATO Letter", vol. 15, 1967, No 7—8 (July — August), p. 26.
- ³⁰ См. "Time", June 2, 1967.
- ³¹ „The Department of State Bulletin", July 31, 1967, p. 145.
- ³² См. "NATO Letter", vol. 16, 1968, No 1 (January), p. 25.
- ³³ См. "The International Herald Tribune", January 6, 1972.
- ³⁴ См. "The Department of State Bulletin", March 9, 1970, pp. 283—314; "The Department of State Bulletin", March 22, 1971, pp. 344—354.
- ³⁵ "Statement of Secretary of Defense Melvin R. Laird on the FY 1972—76 Defense Program and the FY 1972 Defense Budget", Wash., 1971, p. 21.

Глава IX

- ¹ См. «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами», вып. V, изд. НКИД, 1930, стр. 5—8.
- ² UN Doc. A/Res/2625 (XV).
- ³ См. Ф. Лист, Международное право в систематическом изложении, Юрьев, 1917, Приложения, стр. XCIV—CVII. Советский Союз, всегда выступавший за мирное урегулирование конфликтов, в ноте МИД СССР от 7 марта 1955 г. относительно Гаагских конвенций и деклараций 1899 и 1907 годов, в частности, подтвердил свое признание Конвенции о мирном разрешении международных столкновений (см. «Известия», 9 марта 1955 г.).
- ⁴ См. «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами», вып. XVI, Госполитиздат, 1957, стр. 20—53 (далее: «Сборник действующих договоров...»).
- ⁵ См. «Сборник действующих договоров...», вып. XXII, изд-во «Международные отношения», 1967, стр. 26—35.
- ⁶ Из новейших примеров см. Советско-французскую декларацию от 30 июня 1966 г. («Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов. 1966 год», изд-во «Международные отношения», 1967, стр. 145—146), ст. 7 Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и ОАР (с сентября 1971 г. — АРЕ) от 27 мая 1971 г. («Известия», 28 мая 1971 г.), ст. ст. V и IV Договора о мире, дружбе и сотрудничестве между СССР и Республикой Индией от 9 августа 1971 г. («Известия», 10 августа 1971 г.).
- ⁷ См., например, Ф. Мартенс, Современное международное право цивилизованных народов, т. II, изд. 5-е, СПб., 1905, стр. 488—491; Ф. Лист, Международное право в систематическом изложении, стр. 367—399; Л. Оппенгейм, Международное право, т. II, п/т. I, ИЛ, 1949, стр. 43—45; Ч. Хайд, Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки, т. 4, ИЛ, 1952, стр. 434—443; Ф. И. Кожевников, Учебное пособие по международному публичному праву (очерки), Юриздат, 1947, стр. 186—193; А. Фердресс, Международное право, ИЛ, 1959, стр. 400; М. В. Яновский, Мирные средства разрешения международных споров, Ташкент, 1957, стр. 14—17.
- ⁸ См. „Tratado americano de soluciones pacíficas (Pacto de Bogotá)”, Wash., 1948.
- ⁹ См. «Независимая Африка в документах», М., 1965, стр. 74—81.
- ¹⁰ См. «Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов, 1964—1965 годы», изд-во «Международные отношения», 1966, стр. 321—326, 355—358.
- ¹¹ См. «Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов. 1966 год», стр. 13—16.
- ¹² См. “United Nations. Treaty Series”, vol. 71, No 912. Общий акт от 28 сентября 1928 г. был ратифицирован 23 государствами; участниками пересмотренного общего акта, утвержденного III сессией Генеральной Ассамблеи ООН в резолюции 268 от 28 апреля 1949 г., в настоящее время являются всего шесть государств.

- ¹³ См. «Сборник действующих договоров...», вып. XVI, стр. 71—280.
- ¹⁴ UN Doc. A/3859 and Corr.1.
- ¹⁵ UN Doc. A/Res/1262 (XIII).
- ¹⁶ См. Н. Н. Полянский, Международный Суд, М., 1951; М. Хадсон, Международные суды в прошлом и будущем, ИЛ, 1947.
- ¹⁷ См. С. Б. Крылов, Международный Суд Организации Объединенных Наций (Вопросы международного права и процесса в его практике за десять лет. 1947—1957), Госюризат, 1958; Ф. И. Кожевников, Г. В. Шармазанашвили, Международный Суд ООН: организация, цели, практика, изд-во «Международные отношения», 1971.
- ¹⁸ В этом, в частности, отличие Суда от Постоянной палаты международного правосудия, которая состояла при Лиге на правах автономного органа. Международный Суд является главным, но не единственным судебным органом ООН. Практике ООН известны два случая образования Генеральной Ассамблеей временных международных судов для разрешения конкретных споров между государствами-членами.
- ¹⁹ Из них в 12 случаях Суд признал себя не правомочным рассматривать дело по существу.
- ²⁰ Подробно о деятельности Международного Суда ООН см. С. Б. Крылов, указ. соч.; Ф. И. Кожевников, Г. В. Шармазанашвили, указ. соч.
- ²¹ См. Г. И. Морозов, Международные организации. Некоторые вопросы теории, изд-во «Мысль», 1969; е г о ж е, Организация Объединенных Наций (основные международноправовые аспекты структуры и деятельности), Изд-во ИМО, 1962; В. К. Собакин, Коллективная безопасность — гарантия мирного сосуществования, Изд-во ИМО, 1962; «ООН и актуальные международные проблемы (к 20-летию ООН)», изд-во «Международные отношения», 1965; «ООН: итоги, тенденции, перспективы (к 25-летию ООН)», изд-во «Международные отношения», 1970.
- ²² Подробнее см. Г. И. Морозов, Организация Объединенных Наций, стр. 298—358; «Советский Союз в Организации Объединенных Наций», т. I, изд-во «Наука», 1965, стр. 226—291; т. 2, стр. 139—156, 278—377; «Советский Союз и Организация Объединенных Наций», изд-во «Наука», 1968, стр. 122—240; В. Н. Федоров, Совет Безопасности ООН, изд-во «Международные отношения», 1965, стр. 104—139.
- ²³ UN Doc. S/Res/242 (1967).
- ²⁴ См. М. В. Яновский, Генеральная Ассамблея ООН. Международноправовые вопросы, Кишинев, 1971, стр. 8—16.
- ²⁵ Подробнее см. Н. А. Ушаков, Принцип единогласия великих держав в Организации Объединенных Наций, Изд-во АН СССР, 1956; «ООН и актуальные международные проблемы», стр. 20—65; «ООН: итоги, тенденции, перспективы», стр. 422—437.
- ²⁶ См. Г. Морозов, Е. Пчелинцев, ООН: подоплека «финансового кризиса», «Международная жизнь», 1964 г., № 6, стр. 30—38.
- ²⁷ Подробней о региональных организациях см. В. К. Собакин, Коллективная безопасность — гарантия мирного сосуществования, стр. 327—461.

- ²⁸ См. Б. И. Гвоздарев, Организация американских государств, Изд-во ИМО, 1960.
- ²⁹ См. Р. А. Тузумухамедов, Организация африканского единства, изд-во «Международные отношения», 1965; Я. Я. Этингер, Политические проблемы африканского единства, изд-во «Наука», 1967.
- ³⁰ См. Ю. Я. Михеев, Применение принудительных мер по Уставу ООН, изд-во «Международные отношения», 1967; В. К. Собакин, Коллективная безопасность — гарантия мирного сосуществования, стр. 217—295.
- ³¹ "Documents of the United Nations Conference on International Organization, San Francisco, 1945", vol. XII, London—New York, 1945, p. 507.
- ³² См. "Repertoire of the Practice of the Security Council 1945—1951", New York, 1954 and Supplement 1952—1955, New York, 1957; Supplement 1956—1958, New York, 1959; Supplement 1959—1963, New York, 1965.
- ³³ UN Doc. S/Res./232 (1966).
- ³⁴ UN Doc. S/Res/253 (1968).
- ³⁵ Подробней см. Е. С. Пчелинцев, В. Г. Шкунаев, Я. Я. Этингер, Объединенные Нации против колониализма и расизма на юге Африки, изд-во «Наука», 1970.
- ³⁶ UN Doc. S/Res/277 (1970).
- ³⁷ См. Э. С. Кривчикова, Вооруженные силы ООН (международноправовые вопросы), изд-во «Международные отношения», 1965.
- ³⁸ См., например, Меморандум правительства СССР о некоторых мерах по усилению эффективности ООН в обеспечении международного мира и безопасности от 10 июля 1964 г., UN Doc. S/5811; Меморандум правительства СССР относительно «операций ООН по поддержанию международного мира и безопасности» от 16 марта 1967 г., «Известия», 5 апреля 1967 г.
- ³⁹ UN Doc. A/Res/2734 (XXV).
- ⁴⁰ См., например, «Курс международного права», т. IV, М., 1968; Л. Оппенгейм, Международное право, т. II, п/т. I, стр. 41; Ч. Хайд, Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки, т. 4, стр. 432; А. Фердресс, Международное право, стр. 399; О. В. Богданов, Переговоры — основа мирного урегулирования международных проблем, М., 1958.
- ⁴¹ См. G. Clagk, L. Sohn, World Peace through World Law, Cambr., 1960, pp. 175—182; 335—344.
- ⁴² См., например, L. Sohn, The Development of International Law: The Jurisdiction of the International Court of Justice, "The American Bar Association Journal", vol. 35, 1949, November; "The United Nations: The Next Twenty-Five Years. Twentieth Report of the Commission to Study the Organization of Peace", N. Y., 1969, pp. 19—22.
- ⁴³ См. W. Rogers, The Rule of Law and the Settlement of International Disputes, "The Department of State Bulletin", May 18, 1970, pp. 623—625; см. также S. De Palma, The Future of the United Nations, "The Department of State Bulletin", April 19, 1971, p. 718.
- ⁴⁴ См. UN Doc. A/8401/Add.1, para. 306.
- ⁴⁵ О планах реорганизации ООН в первое десятилетие см. F. Will-

сох, С. Марсү, Proposals for Changes in the United Nations, Wash., 1955.

⁴⁶ См., например, L. Bloomfield, International Military Forces, The Question of Peacekeeping in an Armed and Disarming World, Massachusetts, 1964; P. Martin, Role of the UN in Maintaining Peace and Security, "External Affairs", 1964, No 4, pp. 149—154; L. Pearson, Keeping the Peace, "Canada Department of External Affairs. Information Division. Statements and Speeches", 64/12; P. Hækkerup, Scandinavia's Peace-Keeping Forces for U. N., "Foreign Affairs", 1964, No 4 (July), pp. 675—681; "New Dimensions for the United Nations: The Problems of Next Decade. Seventeenth Report of the Commission to Study the Organization of Peace", N. Y., 1966, pp. 24—35, 121—134; "Controlling Conflicts in the 1970s", N. Y., 1969; "The United Nations: The Next Twenty-Five Years", pp. 23—35; "Report of the President's Commission for the Observance of the Twenty-Fifth Anniversary of the United Nations", Wash., 1971, pp. 4—9.

⁴⁷ Сводку этих предложений см. S. Bailey, Peaceful Settlement of Disputes. Ideas and Proposals for Research, UNITAR, 1970, pp. 3—8.

Глава X

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 11, стр. 149.

² G. Ball, The Discipline of Power, N. Y., 1968, p. 357.

³ См. G. Ball, Slogans and Realities, "Foreign Affairs", vol. 47, No 2, 1969 (July), p. 634.

⁴ C. Clifford, A Viet Nam Reappraisal, "Foreign Affairs", vol. 47, No 2, 1969 (July), pp. 602—603.

⁵ H. Morgenthau, A New Foreign Policy for the U. S., N. Y., 1969, p. 13.

⁶ См. H. Nicolson, Diplomacy — Then and Now, "Contemporary International Politics", N. Y., 1971, pp. 198—199.

⁷ Ibid., pp. 203—204.

⁸ Из числа вышедших в 60-е годы работ американских исследователей о «новой дипломатии» можно, например, отметить следующие: E. Plischke, Conduct of American Diplomacy, New York—London—Toronto, 1961; "American Diplomacy in a New Era", University of Notre Dame Press, 1961; "The Dimensions of Diplomacy", Baltimore, 1964.

⁹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 299.

¹⁰ Подробней см. «Дипломатия современного империализма Люди. Проблемы. Методы», изд-во «Международные отношения», 1969, стр. 52.

¹¹ H. Cleveland, The Obligations of Power, N. Y., 1966, p. 33.

¹² Ibid., p. 40.

¹³ Ibid., p. 45.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ См. "The New York Times", February 5, 1969.

¹⁶ См. H. A. Kissinger, The Viet Nam Negotiations, „Foreign Affairs", vol. 47, No 2, 1969 (January), pp. 221—222.

¹⁷ S. Alsop, A Lesson of the 60's, "Newsweek", October 6, 1969, p. 19.

- ¹⁸ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 80.
¹⁹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 70.
²⁰ «Международное совещание коммунистических и рабочих партий», стр. 90—91.

Глава XI

- ¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 327—328.
² В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 413.
³ «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 29.
⁴ Там же, стр. 317.
⁵ Там же, стр. 29.
⁶ «Правда», 9 октября 1971 г.
⁷ «Правда», 14 октября 1971 г.
⁸ См. «Правда», 11 января 1972 г.
⁹ «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 23.
¹⁰ Там же, стр. 303.
¹¹ См. «Известия», 16 декабря 1971 г.
¹² «Правда», 24 ноября 1971 г.

Коллектив авторов
МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Редактор *Е. С. Федотов*. Издательский редактор *Т. Д. Лосева*. Художественный
редактор *Р. А. Казаков*. Технический редактор *И. Г. Крейс*. Корректор
Л. Ф. Крылова

A08815. Сдано в набор 23/II 1972 г. Подписано в печать 15/VIII 1972 г. Формат
84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 13,29. Тираж 22 000 экз.
Изд. № 126-И.

Издательство «Международные отношения». Москва, И-90, Мещанская, 7.
Зак. № 125. Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Государствен-
ного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. Ярославль, ул. Свободы, 97.
Цена 91 коп.

В 1972 году

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
выпустило в свет
следующие книги:**

**ЕФРЕМОВ А. Е., Европа и ядерное оружие, 390 стр.,
1 р. 51 к.**

**КНЯЖИНСКИЙ В. Б., Международная стратегия ан-
тикоммунизма, 112 стр., 15 к.**

**КАЧАНОВ В. А., ШУМСКИЙ В. С., Политика классо-
вого разоружения (антикоммунизм в идеально-по-
литическом арсенале правой социал-демократии),
104 стр., 18 к.**

**НОВОПАШИН Ю. С., Стратегия «мирного вмешатель-
ства» (критика некоторых буржуазных концепций
о современном социализме), 266 стр., 94 к.**

**ПРОХОРОВ Г. М., Внешнеэкономические связи и рост
социалистических стран, 272 стр., 1 р. 04 к.**

**ЩЕТИНИН В. Д., Эволюция американского неоколони-
ализма, 272 стр., 1 р. 26 к.**

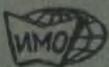
**РАЧКОВ Б. В., Нефть и мировая политика, 272 стр.,
1 р. 15 к.**

**Советская внешняя политика и европейская безопас-
ность, 254 стр., 1 р. 16 к.**

**ЧЕРНИКОВ Г. П., Основные теории антикоммунизма,
96 стр., 16 к.**

*Книги издательства «Международные
отношения» продаются в магазинах, рас-
пространяющих общественно-политическую
литературу, и высыпаются наложенным
платежом через отдел «Книга — почтой».*

91 коп.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ